

Это мрачная
восхитительная
история с сильным
привкусом
Мервина Пика
и нотками
Майкла Муркока.

The Guardian

ГОРОД МЕРТВОГО БОГА

— АЛЕКС ФЕБИ —

fanzon

Города холста

Алекс Феби

Город мертвого бога

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Феби А.

Город мертвого бога / А. Феби — «Эксмо», 2020 — (Города холста)

ISBN 978-5-04-190769-3

Номинация на премию «Локус» как лучший фэнтези-роман года. Номинация на Британскую премию фэнтези. Номинация на премию Grand Prix de L'Imaginaire. Номинация на премию Prix Jacques Chambon. Номинация на Republic of Consciousness Prize. Лучшее фэнтези года по версии Tor.com, The Guardian и Waterstones. Сочетание прозы Чарльза Диккенса, фантазии Чайны Мьевиля и атмосферы «Горменгаста» Мервина Пика. Бог мертв. Его труп спрятан в катакомбах под Мордью. В трущобах города, разрушаемого морем, со своими родителями влечет жалкое существование мальчик по имени Натан Тривз. Но однажды отчаявшаяся мать продает его таинственному Господину Мордью, который незримо правит городом. Господин получает свою магическую силу, питаясь останками бога. Однако у Натана, несмотря на его низкое происхождение и собственные страхи, тоже есть сила, которая превосходит все, что когда-либо знал или умел Господин. Сила достаточно велика, чтобы разрушить все, что он построил. Если только Натан узнает, как ее использовать. И вот Господин начинает плести интриги, и Натану придется столкнуться с предательством, раскрыть древние тайны и свести личные счета странных обитателей города, чтобы прийти к месту, где был убит бог и царит вековая тьма. «Притягательное сочетание диккенсовской социальной сатиры и жесткого фэнтези с элементами стимпанка. Написано с огоньком... Именно такую атмосферу создали бы Лавкрафт и Хогарт на мескалине». – The Spectator «Прекрасно написано... Захватывающая, напряженная, насыщенная действиями книга». – Irish Times «Станный и удивительный, мрачный и прекрасный роман... Это необычайно яркое произведение о создании мира». – Sunday Express «Подумайте о “Больших надеждах” и “Горменгасте” с концовкой, которая намекает на интересное продолжение». – Literary Review «Необыкновенно, экстравагантно и пугающе». – The Guardian «Этот роман... О боже, этот роман. Он потрясающий!» – Interzone «Книга обладает

захватывающей идеей и является по-настоящему амбициозным фэнтези. Это не простое и не быстрое чтение, но стоит потратить время и приложить усилия, чтобы разобраться в его сложной природе». – Grimdark Magazine «Это мрачная восхитительная история о восхождении мальчика к величию с сильным привкусом Мервина Пика и нотками Майкла Муркока». – The Guardian «Будущее фэнтези начинается здесь». – Марлон Джеймс

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-190769-3

© Феби А., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Действующие лица	7
Часть первая. Кремень	13
I	13
II	17
III	19
IV	23
V	30
VI	33
VII	35
VIII	40
IX	44
X	48
XI	50
XII	57
XIII	60
XIV	63
XV	70
XVI	73
XVII	75
XVIII	77
XIX	80
XX	82
XXI	84
XXII	87
XXIII	88
XXIV	90
XXV	92
XXVI	94
XXVII	96
XXVIII	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Алекс Феби

Город мертвого бога

Посвящается Эллиоту, Элис и Полли

Alex Pheby

MORDEW

Copyright © Alex Pheby, 2023

This edition published by arrangement with Galley Beggar Press and Synopsis Literary Agency

Fanzon Publishers

An imprint of Eksmo Publishing House

© В. Иванов, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Если при чтении этой книги вам покажется, что в ней слишком много незнакомых понятий, – в конце прилагается глоссарий. Однако будьте осторожны: некоторые статьи содержат сведения, неизвестные главному герою.

Существует мнение, что читатель книги и ее герой обязательно должны обладать одинаковыми знаниями о мире. Другие говорят, что важнее всего абсолютная прозрачность и что никакая информация в книге не должна оставаться скрытой или непонятной читателю, даже если для героя она неочевидна.

Вероятно, для «Мордю» идеальным читателем будет тот, кто понимает, что он, как и Натан Тривз (главный герой книги), не обладает полным знанием о любом предмете в любой момент времени. Такой человек идет по жизни в состоянии постоянной неуверенности, зная, что его любознательность необязательно будет тотчас удовлетворена (а возможно, не будет удовлетворена вовсе).

Как бы там ни было, если вы вдруг почувствуете, что запутались, – глоссарий к вашим услугам.

Действующие лица

Анаксимандр. Говорящий пес, обученный для боя, но с усовершенствованной чувствительностью.

Беллоуз. Главный служитель Господина Мордю. Фигура величественная, но в чем-то печальная.

Братья Доулиш. Двое мордovorотов на службе у мистера Пэджа.

Верняк и Облом. Жители трущоб постоянно говорят о своем Господине, без конца гадая, какими будут его последующие действия и прекратит ли он когда-либо их мучения. Слова этих разговоров, хотя сам Господин не уделяет им ровно никакого внимания, не исчезают бесследно, но продолжают витать в пространстве, наталкиваясь друг на друга и то и дело меняя курс, покуда не оседают, принимая вид объектов, нелепых, недооформленных комков материи. Лишь иногда, очень редко, из них получаются живые мальчишки, что дает им новую возможность быть произнесенными. Верняк и Облом именно таковы, и заложенные в них высказывания запечатлены настолько глубоко, что для этих двоих невозможно ни думать, ни быть, ни говорить, не озвучивая создавшие их вопросы.

Господин Мордю. Поворачиваясь, тележное колесо наезжает на все, что находится под ним, – камни вдавливаются в Грязь, раковины улиток трескаются, нежные цветы размалываются в кашу. Порой обод колеса терпит последствия таких столкновений: на металле появляются вмятины, царапины, щербины. Ближе к ступице ничто из этого не имеет ни малейшей важности. Центр колеса – это место совершенства, откуда наружу выходят безупречные спицы, прямые и надежные; и если конструкция дребезжит, то здесь это сложно почувствовать, и, разумеется, нельзя и помыслить о том, чтобы поступательное движение колеса было нарушено. Оно остается совершенным всегда. Господин Мордю есть центр колеса и движение колеса; его действия неизменны, неоспоримы и – для тех, кто пребывает возле обода, – непознаваемы. Мы можем наблюдать лишь последствия его действий, ужасные и мучительные.

Госпожа Маларкои. О Госпоже жители Мордю не говорят, ограничиваясь упоминанием ее имени в своих проклятиях. Она – враг.

Гэм Хэллидей. Мальчик, создавший себя сам. Он собирал в Гязи все, что только подворачивалось под руку, пока не получился ребенок, похожий на птичье гнездо из палочек и мусора, склеенное слюной, чтобы не разметало ветром. Вокруг царила такая нищета, что некоторых элементов, необходимых для создания полноценной личности, так и не удалось найти, поэтому кое-чего ему до сих пор не хватает. В центре его существа находится кладка из нескольких голубых яиц – но кто знает, кем они отложены?

Дашини. Дочь Госпожи Маларкои. Умная и озорная, но заблудшая.

Джерки Джо. Два ребенка в одном. Входят в преступную шайку Гэма Хэллидея.

Кукушка. Мальчишка из трущоб.

Мама Доулиш. Хозяйка распивочной.

Миссис Тривз. Здесь, в трущобах, она играет роль жены мистера Тривза и матери Натана Тривза, заодно обслуживая всех, кто приходит в их дом. Более ничтожное существо трудно себе представить. Однако кто мы такие, чтобы судить? Время покажет.

Мистер Пэдж. Жестокий преступник, которому известны все виды вероломства и все способы предательства.

Мистер Тривз. Родился от выщербленного зимними дождями и морозами камня, лежавшего на Морской стене. Лед раздвинул трещину в этом камне, и по весне наружу выкарабкался папаша Тривз, пропитавшийся солью, замерзший и слабый. В дальнейшем его силы были еще больше подорваны борьбой с обморожениями, рыбьими укусами и опасностью уто-

нуть. Теперь он понемногу доживает свой век в полном бессилии, страдая от поражения легочным червем. Он – отец Натана Тривза.

Натан Тривз. Сын мистера и миссис Тривз. Тайны, которые скрывает жизнь этого ребенка, равнозначны движущим силам нашей истории, так что излагать их здесь было бы ошибкой. Тем не менее Натан – ключ ко всему происходящему в Мордю, независимо от того, признает ли это он сам или кто-либо другой. Настанет время, когда он превзойдет всех, кто пришел до него, живых и мертвых, но каким именно образом – мы пока не в состоянии предсказать.

Поставщик. Он родился, когда в кузнечный горн опорожнилась лошадь – вверх взметнулся фонтан пара, и кузнец, посмотрев вниз, обнаружил там Поставщика, голого и красного, сморщенного, словно новорожденный крысеныш. Он был слепым и глухим, и кузнец вышвырнул его наружу, на мусорную кучу. Собратья-крысы научили его видеть и слышать, так что теперь он видит и слышит по-крысиному – весь мир для него волокнистый и пронзительный, чем объясняется его дурной характер. Он поставляет Господину мальчиков и забирает их от него.

Присси. Девочка из трущоб, входящая в шайку Гэма Хэллидея. Сама по себе песня может быть очень трогательной, но когда ее звуки отражаются среди трущоб Мордю, часть красоты неизбежно теряется. Ее губят морские туманы, глушит грохот прибоя, и чтобы мелодию кто-то мог расслышать, требуется напрягать голос превыше пределов возможного. Акустика места изменяет ее тональность, а уши и сердца, которых достигает эта музыка, не всегда с пониманием относятся к исполнительскому искусству. Вследствие сказанного некоторую грубость можно найти и в Присси, которая бывает вынуждена петь песни, ее недостойные.

Рекка. Протодемон-разрушитель, которого лучше бы оставить в покое.

Сириус. Пес, наделенный чувством мистического, приятель Анаксимандра.

Соломон Пил. Легендарный мальчик (скорее всего, выдуманный), история которого используется для запугивания плачущих детей, чтобы они замолчали.

Человек с родимым пятном. Загадочный аристократ и «благородный посетитель» миссис Тривз.

* * *

Помимо этого, на страницах этой книги вы найдете множество других необычных вещей, лишь часть из которых перечислена ниже:

абсолютно черный корабль
амулеты в виде бараньей головы, обладающие магическими свойствами
бал-маскарад
безымянных аристократов-неврастеников
белого оленя, одновременно являющегося чем-то вроде бога
бесконечно удлиняющуюся лестницу
большую пустую комнату в самом сердце города
ведуний
ведьму
вид насекомых, сделавших солнце своим домом
возможных «лоскутников»
возможных «обносчиков»
войну чародеев
волнение на море

волшебное ювелирное изделие, предназначенное для ношения во
внутренних покоях мальчишеского сердца
волшебные ножи нескольких разновидностей
волшебный лук
волшебный топор
волшебную бутоньерку, выполненную в цветах французского флага
волчью стаю, также являющуюся чем-то вроде бога
восхитительные леденцы, возникающие из ниоткуда
вселение души одной личности в тело другой личности (два раза)
вымогательство у аптекаря, с угрозами
высказывания на латыни
выставку шипастых свинок
гарем из собак
глаз Бога, извлеченный из глазницы
гноящуюся рану
говорящую книгу, способную также самостоятельно писать и рисовать
голубой блик, который перемещается, словно блуждающий огонек
горку для шариков
город, состоящий из шатров
города со странными именами
два наследования, имеющих огромное значение
двигатели мистического назначения
девочку с перьями вместо волос
девушку с бритой головой
демона из другого мира, одержимого тягой к разрушению
демона, погребенного заживо в центре земли
детей, которые превратились только в позвоночник и голову
детей, которые пришли незваными из ниоткуда
детей, которые пьют только вино
дом под названием «Шпиль»
дорогу, выкованную из стекла
дружелюбную рыбу
дымовой сигнал
женатую пару механических мышей
женщину с иглами вместо волос
заклинания, для которых необходимо собрать чужие слезы
заклинания, имеющие собственные имена
заклинания, с помощью которых творится магия
зеркало, которое показывает друзей, а на расстоянии – сообщников
зеркало, отражающее магические атаки
злого павлина в клетке
змей с человеческими головами
золотую пирамиду
зоопарк, полный вопящих экспонатов
игрушки невероятной сложности и изящества
игрушечный посткогнитивный театр
инструмент, который заставляет человека говорить, хочет он того или нет
кисеты с наркотическим табаком
клуб джентльменов в канализации

клыкастого короля, сделанного из теней и золота
команду из моряков исключительно с ирландскими именами
коридор, подходящий только для ребенка
коробки с энтомологическими образцами
коробку, которая заставит опущенный в нее предмет появиться в другом
месте

кражу со склада
крысиное гнездо в тазовой кости трупа
людей, которые могут издали отличить по запаху мужчину от женщины
людей с головами коров
людей с жабрами, но без глаз
людей, чье имя совпадает с названием рода их деятельности
магические эманации
мальчика, сияющего настолько ярко, что сторонние наблюдатели путают

его с солнцем

мальчика, сотканного на станке
машины, производящие золото
медальон с заключенным в нем мальчиком
медальон с заключенным в нем человеческим пальцем
много расточительного разрушения и насилия над собственностью
много детей, которыми пожертвовали
множество туш животных, оставленных мясником гнить
море, которое выкипает до самого дна
мраморную дорожку
нарядных, но бестолковых убийц
насекомое с лицом обезьяны
насильственные действия, совершенные в отношении галантерейщика
насильственные действия, совершенные в отношении фармацевта
насильственные действия, совершенные в отношении посетителей

борделя

невидимые нити, которые могут убить, разрезав
несколько богато украшенных дверей
немного пудры, которая делает вещь невидимой
необычные костюмы и униформы различных эпох и профессий
неодушевленные предметы, превращенные в живые версии самих себя
несколько битых детей
несколько гигантских ящериц
несколько книг заклинаний
несколько фигур из грязи, которых приводит в движение кровавая

жертва

нож, поднесенный к чьему-то глазу
неодушевленные предметы, измененные в живые версии самих себя
нерушимые цепи
несколько огромных ящериц
несколько украшенных орнаментами дверей
неуточненное количество привидений
нечестивых богов
носильщиков паланкинов в древнеримском стиле
носилки в римском стиле

носовой платок размером со скатерть
обширные разрушения и злостное уничтожение чужого имущества
огнестойкую перчатку
ограбление галантерейщика
ограбление склада
огромную рыбу, вокруг которой был построен корабль
оживающую мозаику
одного взрослого, которым пожертвовали
остановленных птиц, перелетевших море
отравленные пули
очень много портретов умерших известных людей
очень софистические игрушки
павшего патриарха
перья в качестве топлива
полосатого кота внушительных размеров
полчища пернатых монстров, сделанных из огня
потайную дверь
принцессу в маске
принцессу инкогнито
пса, владеющего речью, но не способного общаться мистически
пса, способного общаться мистически, но не владеющего речью
пути, которые нельзя повредить
различных кощунственных богов
разорение городского дома
разорение дворца
ребенка, состоящего только из конечностей
ребенка, превратившегося в призрак
ребенка с лицом собаки
ребенка, слепого на один глаз, которому это зрение частично вернули
революционное правосудие
рой мух, рожденных из мерзости
руку, которая становится прозрачной
рыцарские доспехи, пригодные для ребенка
свиток с написанным на нем контрактом
своего рода электричество, которое может совершать магические
подвиги
семейство слонов, хоть их и называют иначе
семью слонов, со странными бирками
символы, изображения и знаки, имеющие историческое и магическое
значение
синий отблеск, движущийся подобно болотному огоньку
сколько-то призраков
собачий гарем
союз прачек
стаи огненных птиц, прилетающих из-за моря
статуи, являющиеся наполовину колоннами, а наполовину женщинами с
козьими головами
статую бога с козлиной головой
стаю летучих мышей, созданных из алмазов

стеклянный шар, достаточно большой, чтобы вместить заключенного
стену впечатляющих размеров и прочности
стопки книг, пущенных на растопку
страну, окаймленную с юга белыми утесами
существ, живущих лишь одно мгновение, а затем распадающихся на
части

существ, рожденных непосредственно из грязи
существ, рожденных прямо из мерзостей
существ, которые живут всего мгновенье, а затем распадаются на части
существо, которое трансформировалось в крысу
танец, который предположительно должен облегчать течение болезни
тварь, превращенную в крысу
телепортацию объекта
телескоп
тело мертвого Бога
тело, превратившееся в два тела
тонны песка, превращенного в стекло
трубку, испускающую убийственный свет
трубку с глазом на конце
трубку, убивающую светом
трубу с головой дьявола на верхушке
трубы из стекла
труп, который становится двумя трупами
туман с моря
тучу летучих мышей, сделанных из алмазов
убийство врага
убийство коллеги
убийство чрезвычайно редких видов животных
угрозу внесения сумятицы
чаны, в которых мальчиков изменяют в нечто иное
чаны из стекла
чары
человека, которого называют извращенцем
человека, который может двигаться так быстро, что никто этого не видит
человека, который любит лошадей, но не детей
человека, который пахнет прогорклым маслом
человека с очень большим носом
человека, которого считают безразличным
червей, обитающих в легких
червей, обитающих вне легких и обладающих необычайными размерами
чешуйниц, сотворенных из электричества
чешуйницу, сделанную из электричества
шпагу, спрятанную в трости

Часть первая. Кремень

I

Южные трущобы великого города Мордью сотрясались под натиском волн и огненных птиц, обрушивающихся на Морскую стену. Дневной свет, тусклый и серый из-за плотных облаков, едва освещал то, что называлось здесь улицами, но трепещущие вспышки птиц раз за разом заливали облачную пелену, словно красные молнии. Возможно, сегодня возведенный Господином барьер падет, и они все утонут. Возможно, сегодня Госпожа наконец победит.

Среди теней, пробираясь сквозь густой туман, двигался чреворожденный мальчик по имени Натан Тривз. Старые отцовские ботинки были ему велики, доходившие до колена толстые шерстяные носки пропитались влагой. Каждый шаг еще больше натирал волдыри, поэтому он скользил ступнями как можно ближе к земле, бороздя ими Живую Грязь, словно парой плугов.

Он шел по улице, которую жители трущоб называли Променадом, – шерботому шраму, змеившемуся от Морской стены до Стрэнда. Улица петляла среди лачуг, сложенных из распухшего от морской воды плавника и украшенных перьями огненных птиц. Родители со всеми их проблемами остались позади. Он шел медленно, хотя его дело было весьма срочным. Умиравший отец с кишасими в легких червями – не то, что можно отложить на потом, да и лекарство было не из дешевых. Но все же Натан был еще мальчиком, а ни один мальчик не бежит навстречу своему страху.

Обеими руками Натан сжимал свою наволочку так, что сквозь грязь белели костяшки пальцев.

Он направлялся к Цирку – большому углублению в земле, где мертвожизнь плодилась крупнее всего. Здесь, если позволит судьба, можно было найти захлебывающихся в Грязи палтусов. Однако путь должен был занять по меньшей мере час, и не было никакой гарантии, что идет он не напрасно.

Мусор и обломки, скопившиеся в щелях между домами с обеих сторон, шевелились и поскрипывали от содроганий Морской стены и движений шныряющих внутри паразитов. Хотя Натан был уже далеко не ребенком, воображение порой брало над ним верх, так что он старался держаться ближе к середине Променада. Здесь до него не могли дотянуться ни чьи-нибудь цепкие клешни, ни наблюдавшие из теней плохо различимые фигуры, хотя именно посередине улицы шевелящаяся Грязь была глубже всего. Блестящим скользким слоем она покрывала носки его ботинок, время от времени оставляя на них бьющихся и извивающихся мертвоживых уклеек. Этим Натан спешил стряхнуть, хотя резкие движения и не шли на пользу его волдырям.

Как бы ни был голоден, он никогда не стал бы есть мертвоживое.

Мертвожизнь – это яд.

Где-то неподалеку слышалось звяканье колокольчика. Этот звук, размеренный и звонкий, возвещал прибытие повозки Поставщика. Из хибар и лачуг начали появляться взрослые, исполненные надежды; люди отвязывали и оттаскивали в сторону двери, открывая сгрудившиеся позади семьи. Натан был единственным ребенком у родителей, но в трущобах это было редкостью. У многих мальчиков зачастую оказывалось по десять, а то и пятнадцать братьев и сестер – говорили, что это Живая Грязь повышает плодовитость трущобных жителей. Мало того, помимо чреворожденных детей имелось не меньшее количество других, чье происхож-

дение было более загадочным, – нежданные и нежеланные, они порой обнаруживались на расвете, хнычущие где-нибудь в углу.

Заслышав колокольчик Поставщика, изнемогающие матери и отцы выбегали навстречу, таща в охапке отбрыкивающихся детей мужского пола, и платили возчику, чтобы он отвез их к Господину, где им могли дать работу. Так их бремя каким-то почти алхимическим образом превращалось в ходячую монету, которую Поставщик также им привозил за определенный процент.

Какое-то время Натан смотрел, как дети и деньги переходили из рук в руки, потом повернулся ко всему этому спиной и продолжил свой путь.

Чем дальше от дома, тем меньше его слух тревожил грохот ударов в Морскую стену. На близком расстоянии в самой громкости этого звука было что-то такое, что притупляло все остальные чувства и заставляло принять согбенную позу. Однако, когда Натан подошел к месту, где Променад пересекался Стрэндом, уведившим дальше по направлению к Цирку, он держался уже несколько прямее, чем прежде, выглядел чуть выше и был гораздо более внимателен. Здесь попадались и другие обитатели трущоб, так что у него было больше причин быть внимательным – как к хорошему, так и к плохому.

Впереди пылал костер в десять футов высотой. Натан остановился погреться. Сгорбленный, покрытый шрамами человек плескал на кучу топлёный жир, подпитывая пламя, чтобы нескончаемый дождь не загасил его. Наверху было водружено чучело Госпожи в непристойной раскоряченной позе. Языки пламени лизали ее ноги, руки направляли невидимых огненных птиц; лицо, искаженное уродливой гримасой, было намалевано на старом железном ведре с двумя проеденными ржавчиной дырами вместо глаз. Натан подобрал камень и швырнул. Описав высокую дугу, камень с лязгом врезался в ведро, повернув его в другую сторону.

Люди приходили на Стрэнд, чтобы продать ошметки всякой всячины, которые у них имелись, тем, кому было чем заплатить. Подложив под себя старые коробки, чтобы быть выше Грязи, продавцы сидели, аккуратно разложив перед собой свои товары на квадратных кусках ткани. Если бы у него были деньги, Натан мог бы приобрести моток веревки или сеть, рогатку, разнокалиберные осколки плоского стекла или нарезанное полосками мясо (лучше не спрашивать чье). Сегодня здесь было полно спиртного – его продавали задешево, разливая в деревянные чашки из бочонков с красным купеческим гербом. Не было ни малейшей вероятности, что оно попало сюда легально: купцы пристально следили за своими запасами и не торговали в трущобах. А значит, оно было либо украдено, либо подобрано на берегу. Что именно из двух, пьяницы могли узнать лишь после того, как выпьют. Если бочонки были краденными, то покупателям не грозило ничего более худшего, чем головная боль на следующий день. Если же их нашли на берегу, это значило, что спиртное выбросили с корабля, потому что оно испортилось, а от испорченного спиртного можно было ослепнуть.

Натан в любом случае не стал бы его покупать – ему не нравился вкус. К тому же у него не было денег и ничего такого, что можно было бы выменять, не считая наволочки и носового платка в кармане, так что он присоединился к остальным детям, которые шли, уткнув глаза в землю и высматривая движение в Живой Грязи.

Он не встретил никого знакомого; впрочем, он и не искал. Здесь лучше было держаться на расстоянии и заниматься своим делом. Вдруг кто-нибудь заметит твою добычу и выхватит ее у тебя из мешка по пути домой?

Кое-кто уже возвращался обратно с шевелящимися мешками. У других мешки были неподвижными, но тяжелыми. У прочих были лишь слезы на глазах – должно быть, не хватило храбрости забраться поглубже в Грязь. Натан мог бы отобрать добычу у тех, кто возвращался нагруженным, – вырвать то, что они держали, и пуститься наутек, – но это был не его способ.

Ему не было в этом нужды.

Чем ближе он подходил, тем ошутимее становился Зуд в кончиках пальцев. Он знал – Зуд, не Натан, – когда и где его могли использовать, и момент был близок.

«Только не вздумай искрить! Ни за что на свете!»

Когда Натан был еще совсем маленьким, отец частенько вставал перед ним, серьезный и внушительный, помахивая пальцем, – и Натан обещал быть хорошим мальчиком... Но даже хорошие мальчики время от времени поступают плохо, разве нет? И вообще, порой так трудно различить плохое и хорошее, правильное и неправильное! Отцу требовалось лекарство, а Зуд желал, чтобы его использовали.

Наверху отбившаяся от стаи огненная птица тяжело взбиралась обратно в облака, преодолевая тяжесть безвольно висящего под ней человека.

Стрэнд стал шире; уличные торговцы попадались все реже. А вот и толпа – нервная, неподатливая полукруглая стена детских спин, пихающихся, наваливающихся друг на дружку, переступающих с места на место. Натан прошел туда, где давка была поменьше, и протолкался вперед. Он не больше других стремился туда, не был он и самым храбрым; но ни у одного из них не было Зуда, а Зуд уже пощипывал его за зубами и под языком, вселяя нетерпение.

Стена толщиной в три-четыре человека расступилась, уважая его нетерпение. А может быть, им самим не терпелось посмотреть, что из этого выйдет. Девочка с собачьим лицом облизнула крепкие зубы. Туповатый парень, плешивый, с серой кожей, потянулся было к нему, но передумал и снова прижал руку к груди.

Зуд там или не Зуд, но, пробившись в первый ряд, Натан на мгновение остановился на краю вместе с другими.

Перед ним был круг, окаймленный ступнями собравшихся детей, слишком большой, чтобы разглядеть лица на другой стороне, но не настолько, чтобы они были не видны совсем. Земля здесь подавалась и шла вниз, изрытая бороздами, к широкой яме, наполненной Грязью. Кое-кто стоял возле краев, уйдя по колено, другие подальше, по пояс. Совсем вдалеке, ближе к середине, из Гязи торчали только головы детей с зажмуренными глазами, с повернутыми вверх ртами – они шарили руками вокруг себя, в шевелящейся гуще. У этих, посередке, было больше всего шансов добыть палтуса – говорили, что сложность организмов, порождаемых Живой Грязью, зависела от ее количества, собранного в одном месте, в то время как тем, кто стоял ближе к краю, приходилось довольствоваться уклеяками.

Набрав в грудь воздуха, Натан зашагал вниз по склону. Возбуждение Зуда притупляло боль в волдырях, так что через какое-то время он почти перестал их чувствовать. Наполовину дойдя, наполовину соскользнув на мелководе, он зажал наволочку между зубами – прежде всего для того, чтобы она не потерялась, но также и на будущее, чтобы мертвожизнь не забралась к нему в рот.

Грязь была густой, но это не помешало ей пробраться в ботинки и сквозь носки. Натан изо всех сил старался не представлять, как новорожденная мертвожизнь копошится между пальцами его ног.

Еще глубже – и он почувствовал прикосновение к своим коленям: в жиге двигались существа размером с палец. Потом что-то начало тыкаться в его бедра, на ощупь, тут же рефлекторно отдергиваясь. Бояться было нечего, так он себя убеждал, ведь у этих тварей, чем бы они ни были, своей воли не имелось, и через несколько минут они будут мертвы и вновь растворятся в Живой Гязи. Они никому не желают вреда. Они ничего не значат.

Когда Грязь достигла пояса, Натан повернулся лицом в ту сторону, откуда пришел. Обступившие яму ребятишки толкались и глазели, но никто не уделял ему особого внимания. Рядом с ним никого не было.

Зуд сделался почти невыносимым.

«Не вздумай искрить», – сказал отец. «*Не вздумай*». Он не мог выразиться яснее. «*Не вздумай!*» – помахивал пальцем. Поэтому Натан, сдерживая Зуд, сунул руки в Грязь и принялся удить вместе с другими. Палтуса ведь можно найти и просто так. Натану уже доводилось их видеть: рожденных Грязью существ, способных поддерживать свое существование. Если ему посчастливится и он поймает хоть одного, то не придется преступать завет отца. Он задвигал руками, раскрывая ладони и вновь сжимая пальцы, между которыми скользили уклеики. Шанс есть всегда.

Шаря руками под поверхностью, он смотрел вверх, на широкую спираль Стеклоной дороги. Поблескивая, словно паутинка, она петлями взбиралась вверх, удерживаемая в воздухе волшебством Господина. Если Натан поворачивал голову и смотрел уголком глаза, она становилась отчетливой: полупрозрачный карандашный росчерк в высоте, ведущий к Особняку.

Интересно, что Господин думает о Цирке? Знает ли вообще о его существовании?

Есть! Натан ухватил что-то толщиной с запястье и потянул на поверхность. Существо было похоже на угря – серо-бурое, с тремя локтеподобными суставами, обтрепанное на концах. Оно билось, стремясь вырваться на свободу. Некое подобие глаза, намек на жабры, нечто, напоминающее зуб... Вот оно уже почти на поверхности... Но прямо в руках Натана существо принялось терять связность, как бы утекая обратно в Грязь с обоих концов.

Бесполезно.

Если бы тварь удержала форму, кто-нибудь мог бы дать за нее пару медяков. Шкуру можно было бы использовать для перчаток, кости пошли бы на клей. Но она исчезла, разложилась обратно на составляющие, то ли не желая, то ли не имея возможности оставаться отдельным существом.

И тут Зуд наконец возобладал. Возможность сопротивляться в маленьких мальчишках ограничена; да и что в этом такого плохого? Его отцу нужно лекарство. Либо Натан начнет чернить себе глаза, либо раздобудет палтуса. Разве второе не лучше?

Натан украдкой огляделся по сторонам и запустил руки под поверхность Грязи. Он согнул колени – и все произошло легче легкого, самым что ни на есть естественным образом. Он Почесал, и Зуд был удовлетворен. Вниз, в толщу Живой Грязи, полетела Искра; вместе с облегчением позыва пришло нечто вроде удовольствия, и пятнышко бледного голубого света метнулось в глубину.

Несколько мгновений ничего не происходило. Облегчение сменилось некоторой болезненностью, словно он отдирает присохшую корочку на ранке. Затем Грязь зашевелилась, забурлила, забила в его руках – и, когда он поднял их над поверхностью, они не были пустыми.

Каждый палтус не похож на других. Этот представлял собой клубок младенческих конечностей: ручки, ножки, ладошки, ступни – путаница извивающихся живых частей. Когда стоящие кругом дети заметили его, их рты пораскрывались. Сохранить самообладание стоило огромного труда, но Натан взял зажатую в зубах наволочку и затолкал туда палтуса. Закинул за плечо, где тварь продолжала биться, пинаться, пихаться, колотить его по спине, и побрел сквозь дождь обратно к берегу.

II

Кожевенная мастерская располагалась в самой глубине трущоб, и на протяжении всего пути туда Натан берег свою наволочку от взглядов посторонних, будь то дети, торговцы или трущобные жители. Этому палтусу не суждено было дожить до детского возраста – он был слишком сильно извращен, к тому же у него не было рта, чтобы дышать или принимать пищу. Впрочем, палтуса это, кажется, ничуть не обескураживало: мертвожизнь, из которой он состоял, заставляла его еще сильнее наносить удары по Натановой спине, уже сплошь покрытой синяками.

Он снова прошел мимо костра. Чучела Госпожи уже не было – оно сгорело дотла. Ведро, служившее ей головой, все еще раскаленное, валялось в Живой Грязи, обжигая пищащую мертвожизнь. Какая-то женщина с девочкой (вероятно, ее внучкой) бросала в догорающее пламя ошметки пищи, несъедобные потроха: приношение Господину, жертва на удачу.

Посередине дороги группа детей избивала кого-то палками, другие смотрели. Натан замедлил шаг. Правосудие в трущобах жестоко, беспощадно, но хуже всего – заразно; если это была толпа каких-нибудь правоверных, то лучше бы ему избежать риска стать ее объектом. В середине виднелось что-то красное, извивающееся, бьющееся, тянущееся... Натан подошел на несколько шагов ближе. Это была огненная птица, искалеченная почти до смерти. Лишь немногим птицам удавалось перебраться через Морскую стену, и те, кому удавалось, всегда получали повреждения от поставленной Господином защиты. У этой поперек груди зияла рана; птица с мычанием каталась по земле, ее руки беспомощно болтались, единственная уцелевшая нога взбрыкивала. От крыльев остались лишь голые стержни и обрывки мембраны.

Кто-то из детей вытянул птицу тяжелой доской по черепу, и под радостные вопли толпы она обмякла. Наблюдавшие ринулись вперед, горстями выдергивая перья, гогоча и улюлюкая, ошипывая ее догола. Натан отвел взгляд, но несчастное лицо твари, с тусклыми глазами и отвисшей челюстью, притаилось в уголке его сознания.

Обратно он пошел другим путем, более долгим, и наконец добрался до дверей кожевни. От резкого, терпкого запаха, поднимавшегося над ямами с известковым молоком, у Натана заслезилась глаза, но он был рад скинуть свою ношу на землю, где та продолжала извиваться, брыкаться и шлепать. Он позвонил в колокольчик, надеясь, что дочка кожевника окажется занята и старик выглянет сам: за долгие годы воздействия дубильных веществ тот сделался мягок характером и туго соображал.

Натану повезло: старик выскочил моментально, словно поджидал, спрятавшись за углом. Он был мал ростом, чуть выше уличного мальчишки, с коричневым, как орех, лицом, лоснившимся, словно потертая кожа. Не утруждаясь вопросами, он взял у Натана наволочку и заглянул внутрь. Его глаза широко раскрылись, блеснув в сумраке бело-голубыми катарактами, но тут же прищурились снова.

– Руконогий младенец, – проговорил он, не пытаясь понизить голос, и забормотал цифры, пересчитывая руки, ноги и прочие конечности, не являвшиеся ни тем, ни другим. – Сколько ты за него хочешь? Я дам тебе двадцать.

Натан сдержал улыбку. Он охотно взял бы и десять (ему уже доводилось брать десять), но когда тебе предлагают двадцать, глупо на этом успокаиваться.

– Пятьдесят, – выговорил он, ничего не выдав голосом.

Теперь кожевник вскинул руки в комическом смятении:

– Ты, никак, меня самого за палтуса считаешь? Я не вчера родился!

Он оглянулся на свою мастерскую – то ли чтоб посмотреть на дочь, то ли чтобы удостовериться, что та не видит.

– Меня не проведешь, – пробубнил он. – Двадцать пять.

Двадцати Натану хватило бы с лихвой, но жизнь в трущобах приучает выжимать максимум из любой случайности. Он протянул руку к своей добыче.

– Если он тебе не нужен, я отнесу его мяснику, – проговорил он и потянул наволочку на себя.

Кожевник не отпускал.

– Хорошо, хорошо, тридцать. Но ни медяком больше! – Он провел рукавом по губам и тут же снова их облизнул. – Сказать по правде, нам как раз заказали партию перчаток...

Старик снова оглянулся на мастерскую, прищурился и нахмурил брови, как бы размышляя. Натан выпустил наволочку и протянул другую руку ладонью вверх, пока тот не передумал.

Из сумки у себя на поясе кожевник вытащил несколько монет, медленно и тщательно отсчитал, пристально разглядывая каждую и пробуя на зуб, чтобы удостовериться, что сослепу не принял один металл за другой. Отдав последнюю, он повернулся, размахнулся и с силой вlepил наволочкой по убойному столбу, после чего захлопнул ворота.

Натан выругался, слишком поздно сообразив, что кожевник не отдал ему наволочку.

III

До дома было недалеко. Натан шел, сжимая деньги, по пятнадцать монет в каждой ладони. Возможно, теперь наступит конец всему этому, конец всем их горестям?

Он завернул за угол, образованный двумя кучами ломаных поддонов по плечо высотой, и впереди показался дом. Здесь все было так же, как перед его уходом, только какая-то женщина отодвигала кусок брезента, служивший им дверью. Она была коренастой, рыжеволосой, с тонкими чертами лица и без шрамов. Натан сразу же ее узнал – это была ведунья, снабжавшая людей волшебными снадобьями. Прежде чем он успел предположить, что ей понадобилось внутри, наружу вышла его мать.

– Ты это сделаешь! – завопила она.

– Не сделаю. – Ведунья подобрала свои юбки и повернулась.

Обе увидели Натана. Действительно ли в присутствии ребенка есть что-то такое, что заставляет взрослых прекратить пререкаться, вопрос спорный, однако обе замолчали. Как по наитию поняв, в чем заключалась причина их разногласий, Натан вытянул одну руку и раскрыл ладонь, показывая блестящую кучку монет.

Его мать бросилась вперед, охваченная безумным возбуждением; зубы оскалены, волосы растрепались. Уделив Натану лишь один горящий взгляд голубых, обведенных черным глаз, она схватила деньги.

– Ты сделаешь это!

Его мать швырнула монеты ведунье, и они упали в Живую Грязь возле ее ног. Ведунья закусила губу, подумала, потом медленно опустилась на колени и подобрала их, аккуратно отделяя одну монету от другой и обтирая их от мертвожизни.

– Как прикажете, госпожа.

Ведунья принялась творить свою народную магию, и ее тени встретились посередине простыни, разделившей их лачугу напополам. Две ведуньи сошлись вместе; каждая из теней, пересекаясь с другой, обретала в танце все более четкую форму. В этой женщине было что-то такое, что заставляло свет признавать ее границы: круглая, широкая, с собранными сзади волосами, удлинявшими голову, словно ей перевязали череп при рождении, как было принято у трущобных жителей в северной части города.

Натан смотрел, стиснув перед собой ладони. На что он надеялся? На возможность исцеления? На то, что его отец получит новую жизнь? Было время – хотя это было так давно, что сейчас казалось не реальнее сна, – когда отец высоко поднимал его и держал в воздухе, показывая всему миру. Было время, когда его отец смеялся. Счастливое время, не так ли?.. Теперь по углам шныряли крысы, из теней выползала мертвожизнь, и сама мысль о счастье казалась абсурдной.

Из-за завесы послышалась тихая музыка, высокие тона; не какой-то конкретный инструмент, но, кажется, и не голос. Силуэт трудился над чем-то, растирал что-то между ладонями и подбрасывал результат своей работы вверх над тем местом, где лежал Натанов отец. Порошок из высушенных трав? Пыльцу? Соль?

Натан шагнул вперед. Отец так легко мог раскашляться! Его было так легко разбудить... Мать взяла Натана за запястье, удерживая рядом с собой. Повернувшись, Натан увидел, что она, как и он сам, не сводит глаз с очертаний ведуньи на простыне. В выражении материнского лица было что-то – какая-то безнадежность в положении бровей, что-то неправильное, беспокоевшее Натана. Действительно ли она хочет, чтобы эта затея увенчалась успехом? Действительно ли хочет, чтобы ее мужу стало лучше? Казалось, что хочет, но вместе с тем...

Ведунья хлопнула в ладоши. Натан повернулся к ней и увидел, что она покачивается, бормоча, трясаясь позади простыни. Вот бормотание приостановилось, тень заколыхалась и начала снова; она текла, словно вода из кувшина, руки извивались, слова повторялись вполголоса – слова, значение которых ускользало от сознания, хотя ухо слышало их вполне отчетливо. Натан узнавал отдельные слоги по краям слов, они совпадали с движениями ее тела, положением рук: жесты, наложенные на звуки, как две карты одна поверх другой.

Пламя свечей хлопало и мигало все чаще, все интенсивнее. Голос ведуньи тоже становился громче, ее заклинания – мощнее, тени – глубже, а силуэт – больше. Появились и запахи: розовые лепестки, анисовое семя... Натан наклонился вперед, и рука матери крепче стиснула его запястье. Он обернулся к ней:

– Это помогает?.. Поможет?

Мать отвернулась от него.

Если ведунья танцевала неохотно, это было невозможно увидеть в тенях, отбрасываемых ею на простыню. Может быть, она действительно пыталась обманом выудить у них деньги, но ее действия ничем этого не выдавали. Наоборот, она двигалась с пугающей решительностью, нимало не пытаясь сдерживать себя, ничем не обнаруживая, что ей есть дело до того, что о ней думают другие; словно танцевала для каких-то невидимых свидетелей, для своей магии, для Бога. Лачуга сотрясалась от силы, с которой ее пятки били в землю; когда она пружиной раскручивалась от поясницы, простыня вздувалась и трепетала от прикосновений ее пальцев. Ее руки были раскинуты в стороны, тени волос плясали вокруг головы, словно огненные языки. Она кружилась и вращалась, угрожая обрушить им на головы хрупкую целостность их дома. Запах ее пота перебивал аромат розовых лепестков, шумные выдохи все чаще прерывали пение заклинаний; она кружилась все быстрее, но не останавливалась.

В тот момент, когда уже казалось, что им суждено быть погребенными под обломками дерева, железа и прочего мусора, ведунья схватилась за простыню, смяв ее в кулаке. Она остановилась, хватая ртом воздух и упершись другой рукой в колено. Позади нее серый, плоский и безжизненный лежал Натанов отец – грудь неподвижна, дыхание заметно лишь в пятнах теней на коже в углублениях между ребрами.

– Бесплезно, – проговорила ведунья. – Черви уже взяли его. Их защищает особая сила. Я ничего не могу сделать.

Мать Натана набросилась на ведунью едва ли не прежде, чем она закончила говорить, но та держалась твердо.

– Деньги не возвращаем! – Она оттолкнула от себя мать Натана, удерживая ее на расстоянии вытянутой руки. – Мне очень жаль. Деньги не возвращаем.

Когда она ушла, Натан снова повесил простыню, а мать скользнула обратно к кровати, сгорбившись так, словно воздух был чересчур тяжел для нее, словно ее плечи не выдерживали тяжести рук. Она уткнулась лицом в подушку.

– Не беспокойся, мам. – Натан положил руку на кровать, и мать придвинулась к ней. – У меня есть еще деньги.

Он раскрыл ладонь другой руки, и в ней заблестели оставшиеся монеты. Мать замерла, потом села и уставилась на него.

– Это не настоящая медь, Натан. Это бронза, покрытая медью.

Натан стоял с монетами в горсти, чувствуя, как на глазах набухают слезы. Он молча сглотнул их.

– Не важно. Дело все равно не в деньгах. Дело в нем, – она дернула большим пальцем в направлении занавеси. – Ему нужно взять себя в руки... И тебе нужно взять себя в руки!

– Оставь его в покое, – сказал Натан. Если бы у него было больше сил, больше своеволия, он бы прокричал это во весь голос.

Мать взяла его за руку.

– И вообще, откуда ты раздобыл деньги? Делал палтусов из Живой Грязи? Искрил?

Охваченный стыдом, Натан опустил голову. Снова поглядев на мать, он увидел, что та грозит ему пальцем.

– Это запрещено, ты ведь знаешь? – На ее лице было странное выражение: вроде бы улыбка, но какая-то кривая, безрадостная, злая. – Никому не разрешается использовать свою силу. Никому...

Она поднялась и отвернулась от него, встав лицом к занавеске, делившей комнату пополам.

– Ты же понимаешь, что будет дальше?

Натан покачал головой, но вопрос был обращен не к нему. Она говорила с его отцом.

Из-за простыни донесся стон в ответ – слов было не разобрать, но в нем слышалась огромная скорбь.

– Это необходимо, ты знаешь. Ты не хочешь делать свое дело, так что придется ему.

Стенания стали громче.

– Время пришло, и тебе это известно, – продолжала мать. – Я должна его отправить.

Она обернулась к Натану:

– Если он не хочет это делать, другого пути нет... Мне жаль.

– Мам, я не хочу идти.

Она поджала губы, убрала со лба выбившуюся прядку.

– Тебя никогда не удивляло, что ты у нас единственный, Натан?

Он покачал головой.

– Не хотелось узнать, почему мы живем здесь?

Он снова качнул головой.

Его мать отвела взгляд. Натан подумал, что она, должно быть, глядит в прошлое или в будущее; но что бы она там ни видела, это причиняло ей боль.

– Мир – как игра. Когда ты сделал определенный ход, других ходов уже не избежать. Твой отец... Он отказывается делать свой лучший ход. Поэтому мне теперь приходится делать тот, что хуже. Некоторых вещей не избежать, Натан.

Натан не понимал, о чем она говорит, но отцовские стенания были уже такими громкими, что это пугало. Мать поднялась на ноги.

– Ты же веришь мне, правда?

Он ей верил.

– Все, что я делаю, я делаю для твоего блага. Ты это понимаешь?

Он понимал.

– Завтра ты отправишься к Господину.

Отец закричал. Его крик был полон такой боли и натуги, что звучал предсмертным воплем.

Когда к матери приходили «благородные посетители», Натан старался куда-нибудь деться. Иногда он уходил к Морской стене. Садился на землю и скользил взглядом вдоль тропинок раствора между кирпичами, прослеживал их доверху, словно прокладывая путь через лабиринт. Он воображал, как стал бы карабкаться по такой вот тропинке, впиваясь ногтями, ища, куда поставить ногу, вплоть до самого верха. Понятное дело, что, даже если бы он попытался, ничего бы не вышло – материал был неподатлив, неизмеримо тверже его плоти. Да и зачем бы ему это понадобилось?

Море билось в своем ритме, медленном, равномерном. У огненных птиц ритм был другим – поспешным, сбивчивым. Натан позволял этим звукам заглушить все остальные, в том числе и воображаемые звуки, которые создавал его мозг в моменты затишья. Вместо «благородных посетителей»

родных посетителей» он слышал лишь ярость волн и нескончаемые попытки Госпожи прикончить их всех.

Сегодня он прислонился к стене спиной и поднял лицо, скребя затылком о шершавую кладку. Облачная пелена вверху вспыхивала и гасла; каждая вспышка обрисовывала очертания облаков над его головой, превращая казавшуюся ровной поверхность в ландшафт из опрокинутых холмов и долин.

Чаще всего огненные птицы не перелетали через Морскую стену: они пытались ее ослабить, жертвуя собой по приказу Госпожи. Если какая-нибудь и оказывалась в городе, это случилось по ошибке. Иногда кто-нибудь погибал от попадания огненной птицы – ведунья говорила, что это Божья кара, но Натан не верил в богов.

Огненных птиц, однако, он видел, и одна из них видела его. Как-то раз он сидел возле стены, задрав голову, совсем как сейчас. Птица приземлилась на вершину стены и посмотрела на него сверху. Их взгляды встретились. Она раскрыла свой длинный, как спица, клюв, моргнула, прикрывая черные глаза алыми перьями, и пронзительно завершала на него с высоты.

Натан проклял ее, а также создавшую ее Госпожу, но это не причинило птице никакого вреда. Она взмыла высоко в воздух, описала большую петлю, потом вернулась – и врезалась в стену. Секундой позже Натан ощутил дрожь от ее удара о кирпичную кладку, услышал грохот взрыва и увидел красный сполох ее птичьей смерти.

Сегодня, однако, на стене никто не сидел, и ничто не отвлекало Натана от того, что сказала ему мать: он должен будет отправиться к Господину.

IV

На следующее утро Натан вышел из дома, заслышав звяканье колокольчика. Шел дождь, и его никто не провожал. Никто не сказал ему ни слова. Огненные птицы бились в Морскую стену, та содрогалась, и Живая Грязь отswerкивала красным между носками его ботинок. Внизу копошилась мертвожизнь, а колокольчик продолжал звенеть.

В конце Конюшенных рядов виднелся Поставщик, стоящий возле своей повозки: трубка в зубах, в руках колокольчик. Его тело было скрюченным и плотным, словно иссохший дуб, и примерно настолько же твердым. Вторую руку он положил на дверцу клетки.

Натан заколебался. Дождевая вода стекала по его лбу и щекам, попадала в рот, так что при дыхании вылетали брызги, словно плевки. Натан молчал и не шевелился.

– Давай сюда, паренек, если ты едешь, – хрипло проворчал Поставщик. – Последний звонок.

Слова клокотали в его глотке, забитой табачной смолой. Он швырнул колокольчик к задней стенке повозки, вытащил трубку изо рта и выпустил вверх, к облакам, струю серого дыма.

– Лошадкам не терпится выбраться из этого ада... И я не собираюсь удерживать их ради выползших из Грязи подонков вроде тебя.

Поставщик оторвался от дверцы, повернулся, прищелкнул языком, и лошади тронулись шагом. Стиснув кулаки от боли в ступнях, Натан побежал к повозке:

– Подождите!

Поставщик обернулся, снова зажал трубку в зубах и приглашающе протянул к нему обе руки:

– Хочешь встретиться с Господином, а?

Натан встал как вкопанный. Поставщик улыбнулся улыбкой лисы, нашедшей гнездо с новорожденными крольчатами. Натан едва не кинулся обратно домой, к матери. К отцу. Еще бы чуть-чуть...

– Да, сэр, – вымолвил он. – Я хочу отправиться к Господину.

Поставщик шагнул вперед, пыхнув трубкой.

– Тогда полезай в клеть, паренек! Поглядим, получится ли у нас излечить тебя от этого желания.

В клетке было полно других мальчиков. Они молча разглядывали Натана. Это была странная компания: одни – чреворожденные, другие – явные палтусы. Ни справа, ни слева никто не подвинулся, чтобы дать ему место на скамье, так что он уселся прямо на пол, прислонившись спиной к дверце клетки. Один из мальчишек приподнял козырек своей кепки. Из тени на Натана глянул единственный глаз – второй был пустым и черным. Это был Гэм Хэллидей.

– Ну-ка, ну-ка, что у нас тут? – проговорил Гэм ломающимся голосом, дребезжащим, словно жук в спичечном коробке. – Никак, это малыш Натти Тривз!

Повозка вздрогнула, колеса заворочались, Поставщик щелкнул поводьями.

– Гэм? Что ты здесь делаешь? – отозвался Натан, натягивая воротник повыше. – Разве ты не знаешь, что Господин любит только красивых?

Тот ухмыльнулся: единственный белый зуб торчал, одинокий и кривой, словно заброшенный могильный камень.

– У каждого свой вкус... И вообще, ты думаешь, Господину нравятся такие тощие огрызки, как ты?

Гэм подтолкнул сидевшего рядом пухлого мальчика, которого Натан не видел прежде. Тот кивнул, улыбнулся и отправил в рот квадратик какой-то желтой поблескивающей субстанции. Он что-то ответил, но слова затерялись среди жующих челюстей.

Натан запустил ладонь под рубашку. Если хорошенько надавить на живот, можно сделать так, чтоб почти не урчало.

– Мне наплевать, что нравится Господину, – сказал Натан. – Я все равно не собираюсь с ним жить.

Гэм медленно покивал и поджал губы.

– И действительно... – пробормотал он. – Кому нужно, чтобы его каждый день кормили? Кому нужна сухая койка? Кому захочется посылать домой по шиллингу в конце каждой недели? Явно не маленькому лорду Натану.

– Он может оставить себе свой хлеб и свою постель. И свои деньги тоже.

Натан отвернулся и принялся смотреть на скользившие мимо трущобы, постаравшись принять как можно более отчужденный вид. Гэм, однако, не отставал:

– Ну да, ну да... А как же твой папаша? Разве ему больше не нужно лекарство? Что-то я его в последнее время совсем не вижу.

С протянутых поперек дороги веревок свисали закрепленные за плечи рубашки; влага капала с рукавов в канавы, забитые уличным мусором. Все, что было достаточно сухим, чтобы гореть, сваливалось в кучи и поджигалось повсюду, где для этого находилось место; таким образом из хлама извлекалось все возможное тепло и уничтожалось то, что иначе стало бы гнить и разлагаться. Отбросы, экскременты, трупы – все шло в огонь. Там, где костер успевал догореть прежде, чем пропитывался дождевой водой, оставались пепельные круги; в других местах возвышались груды мусора, куда вторгалась Живая Грязь... с непредсказуемыми последствиями.

– В распивочной по нему скучают, – продолжал Гэм. – Он щедро платил.

Укрывшись дырявыми от ржавчины листами гофрированного железа, редкие торговцы выкладывали свой товар – пуговицы, ботиночные шнурки, перья огненных птиц и прочую мелочовку из Торгового конца, всякую дрянь, которую было легко стибрить, но не было большого смысла продавать. Фонтаны Грязи окатывали их из-под колес проезжающей мимо повозки.

– Так, значит, его жрут легочные черви, а?

Ставни закрывали лишние стекла оконные проемы лачуг; в щелях между досками и дырках от выпавших сучков помаргивал свет свечей. Если двери и открывались, то лишь для того, чтобы наружу полетел мусор или помой – прямо на улицу, откуда дождь смывал их в канаву. Трущобы простирались к югу; с севера над ними вздымался пологий склон города.

– Или уже могильные?..

Натан развернулся, стискивая кулаки:

– Прекрати!

Другие мальчишки вжались в стенки клетки, так что казалось, будто там остались только Гэм с Натаном. Гэм улыбнулся.

– Хотя, если он откинул копыта, – продолжал он, – я удивлен, что ничего об этом не слышал. Твоя мамаша, часом, не продала его на пирожки?.. Да нет, вряд ли. Слишком много хрящей.

Натан прыгнул к нему и замолотил кулаками, осыпая ударами те части Гэмова тела, до которых мог дотянуться. Тот выдержал несколько ударов, потом нагнулся, ухватил Натана и сжал так, что из него вышел весь воздух.

Натан упал на колени, широко разинув рот, силясь вдохнуть.

– И ведь каждый раз, как мы встречаемся, он устраивает вот такое. Да, Натти? Ты никак не научишься понимать шутки, а, приятель?

Натан закрыл глаза и прыгнул на Гэма головой вперед. У кого-нибудь другого хрустнул бы нос под Натановым черепом, но у Гэма была слишком хорошая реакция. Он успел вскочить

с места и отступить в сторону, и даже пнуть Натана в спину, так что тот с грохотом полетел на пол повозки.

– А ну, крысеныши, кончайте там вашу возню! – рявкнул Поставщик. – Думаете, если вы едете к Господину, так я постесняюсь отделать вас кнутом? Да я с вас шкуру спущу, как с красной щуки перед посолом! Лучше сидите тихо. Если мне придется слезть с козел, никому из вас не поздоровится. Разбирать не буду!

Все притихли, дожидаясь, чтобы Поставщик снова занялся дорогой.

– Ну вот, слышишь, что он говорит? Веди себя прилично! – Гэм улыбнулся и уселся обратно на скамью.

Натан тоже опустил на прежнее место и принялся глядеть в те углы, где не было Гэма.

Повозка уже катила по территории Порта; выбоины в дороге уступили место бульжнику. Метельщики с толстыми ручищами и в пропотевших насквозь кепках сгребали Живую Грязь в канавы или прямиком в море. Красные паруса купеческих судов хлопали и надувались под ветром, дожидаясь, пока портовая стража откроет Морские ворота. Куда они все уплывают? Натан всегда занимал этот вопрос. Что было там, за Морской стеной, помимо волн, ветра и огненных птиц? Не могли же они торговать с Маларкой?

В тишине слышались чьи-то всхлипывания. В клетки было пятнадцать мальчишек: четырнадцать по бокам, лицом друг к другу, и один на полу. Все без исключения были перемазаны грязью.

Плакал один из самых маленьких; Натан знал его. Это был палтус, рожденный непосредственно из Живой Гязи – из земли позади борделя. Мадам выкормила его объедками, и теперь он был у нее на побегушках: доставлял образцы кожи владелицам перчаточных лавок на краю города, где купеческие жены покупали себе все необходимое. Паренек был слабеньким. Он вечно сосал куски сахара, которые доставались ему, потому что смотрел влажными глазами на любую даму, входившую в лавку. Видя его трогательный вид, дамы жалели его и угощали сахаром. Теперь он плакал, поскольку сахар сделал его слабым.

– Кончай хныкать! – прикрикнул Гэм. – Хочешь накликать сюда Поставщика?

Парень прикусил губу, но от этого слезы хлынули еще пуще.

– Я не могу... – пробулькал он. – Я хочу обратно!

– Коли так, тебе тем более лучше утихнуть, – сказал Гэм, пробираясь к нему и усаживаясь напротив. Он разгладил взъерошенные волосы палтуса. – Ведь Господин любит, когда мальчишки плачут. Он их доит, понимаешь? Как коз. У него есть специальные загоны. Он собирает слезы, чтобы делать из них зелья и все такое прочее. Верно, ребята? Это все знают. Так что тебе лучше проглотить свои слезы, пока он не увидел. Больше всего на свете Господин любит свежие слезы, собранные со щек какого-нибудь маленького мальчика. Ведь печаль наделяет слезы властью, а власть это как раз то, что Господину нужно. Если он увидит тебя плачущим, он сделает тебя таким печальным, что ты больше никогда не сможешь остановиться. И однажды тебя найдут, высохшего, словно изюмина, словно губы вдовы, словно сброшенная змеиная кожа, сухого и сморщенного, где-нибудь в углу его доильного загона. А потом подует ветер и унесет тебя вверх, к Стеклойной дороге, и колеса его черного экипажа размелют тебя в порошок!

Глаза парнишки были широкими и полными влаги; он трясся с головы до ног.

– Такое уже бывало прежде, – подтвердил другой мальчик, с выбритой головой, усмехаясь в рукав.

– Вот именно, – кивнул Гэм. – Соломон Пил, так звали того мальчика. Он был примерно твоих лет. И роста почти такого же. Вообще, он был вылитый ты, поначалу. Под конец-то он больше напоминал высосанную кость. Ну и был уже мертвый, понятное дело. А потом его прах унесло ветром! Если ты прислушаешься, то и сейчас сможешь услышать, как он плачет откуда-то с той стороны, потому что его использовали для волшебства и теперь он попал на нематериальную сторону мира. Верно я говорю, ребята?

Чтобы доказать его правоту, бритоголовый мальчик поднес ладонь ко рту, сделав вид, будто хочет почесать верхнюю губу, и украдкой издал тихий, жалобный, стонущий звук. Это заставило палтуса расплакаться пуще прежнего.

– Некоторым людям ничего не втолковать, – сокрушенно произнес Гэм. – Ты что, не слышал, что я говорил?

– Кончай, Гэм. Оставь его в покое.

– И что же за кара мне грозит, малыш Тривз, а? Ты защекочешь меня до смерти?

Натан замолчал – но замолчал и Гэм, принявшись вместо этого мерить Натана взглядом.

Посвист кнута Поставщика и громохание окованных железом колес по булыжнику сливались в медленный, но устойчивый ритм. Лишь когда Гэм рассмотрел Натана с головы до ног, а повозка завернула прочь от берега, он заговорил вновь:

– Ты подумал о моем предложении?

– Нет, – ответил Натан.

– В смысле, ты о нем не подумал? Или подумал и твой ответ отрицательный?

– Да, – ответил Натан.

Гэм задумался, нахмутив брови, потом сдался:

– Ну ладно, тебе же хуже. Если ты не любишь деньги, в таком случае я мало чем могу тебе помочь.

– Деньги я могу заработать и без тебя.

– Как? Ловлей палтусов в Цирке? В этом нет будущего, даже если ты наловчишься таскать оттуда руконогов, когда только пожелаешь.

Натан пронзительно взглянул на Гэма:

– Откуда ты знаешь?

Тот сдвинул брови:

– У меня свои источники. Если на то пошло, те же самые, от которых я узнал, что ты сегодня будешь здесь. Кроме того, кожевник не дурак выпить. Полпинты джина – и у него развязывается язык. В трущобах трудно хранить секреты, тебе следовало бы это знать... Как бы там ни было, дело не в этом. Основа основ: если ты выбрасываешь на рынок слишком много товара, он дешевет. Так что вскорости ты будешь целыми днями сидеть по шею в Грязи, выживая палтусов за медяк, а в трущобах все будут ходить в коже. В этом нет будущего.

Натан вздохнул:

– Все равно мой ответ нет.

– Хорошо! Не вступай в мою банду, если не хочешь. Как будто это меня сильно волнует...

Услышав эти последние слова, другие мальчишки встрепенулись.

– Я хочу вступить в твою банду! – сказал один.

– И я!

– И я!

Гэм отмахнулся от них, поведя ладонью в воздухе:

– Не смешите мои подмышки. Какая мне надобность в таких, как вы? Никогда не видел такого сборища тонкорукых, жидконогих коротышек... Плюс еще один жирдяй.

Жирдяю не понравилось это высказывание.

– А он тебе зачем? – спросил он, одним глотком расправившись с тем, чем был набит его рот, и цыкая языком через дырки в зубах. – Что у него есть такого, чего нет у меня?

Гэм подмигнул Натану, и тот замотал головой.

– Не смей! – прошипел он.

– Что ты, что ты! – отозвался Гэм, широко разводя руками, словно хлебный вор перед мировым судьей. Потом его облик мгновенно, как по щелчку, переменялся: он глянул исподлобья, здоровый глаз превратился в щелочку, губы растянулись в жесткой улыбке. – А впрочем... Почему бы мне и не посметь? Видите ли, малыш Натан знает одну полезную штуку...

– Гэм, заткнись!

– Очень ловкую штуку, которой он научился у своего папочки...

– Гэм!

– Слушай, Натти, если бы ты присоединился к нашей маленькой группе, у меня бы был резон хранить твои секреты, как если бы ты был моим братом. Но если ты отказываешься – зачем мне это? И, пожалуй, я знаю парочку торговцев мальчишками, которым не мешает такая информация.

– Ты хочешь меня продать?

Гэм сплюнул на пол, слегка забрызгав башмаки жирдяя.

– Конечно нет! Но я ведь не могу говорить за других, верно? В особенности за девчонок. В конце концов, они рискуют больше других – если ты понимаешь, о чем я.

Бритоголовый мальчик энергично закивал, но Натан не обратил на него внимания.

– Я не собираюсь вступать в твою банду!

– Вот как? А как поживает твоя матушка, Натти? Все развлекает «благородных посетителей»? Гляньте-ка, он скрипит зубами! Да я же не критикую. В этом нет ее вины. Понятное дело, приходится как-то зарабатывать, учитывая, что твой старик уже ни на что не годится. Уверен, она даже благодарна, что к ней проявляют внимание, хоть, может, и не хочет этого признавать... Верно я говорю, Натти? Смотри, жирдяй, видишь, как дергается мускул у него на скуле? Ни дать ни взять крышка на кипящем котле с похлебкой – чем больше подбрасывают дров, тем сильнее она дребезжит... Так как же ты с этим справляешься, Натти? Убираешься с глаз долой, когда кто-то стучит к вам в двери? Разумно. Зачем постоянно тыкаться в это носом? Если бы не такие мерзавцы, как я, тебе, может, даже удалось бы сделать вид, будто ничего особенного не происходит... Ну уж прости!

– Гэм, я тебя предупреждаю...

– А ведь она все еще недурна собой. Пожалуй, после того, как мы обстригаем следующее дельце, я сам к ней постучусь... Ага! Вы видели?

Они видели: в ночную тьму метнулась голубая искорка.

– Что это было?

– Ничего особенного, любопытные вы пройдохи. Они ничего не видели – верно, Натти? – Теперь Гэм говорил шепотом, словно остальные не могли его услышать. – Это наш с тобой секрет, Нат... Как бы мне хотелось переманить тебя к себе! Нам нужны такие парни, как ты.

Натан изо всех сил сдерживал Зуд, чтобы больше не просочилась ни одна капля.

– Тебе-то что за дело? – спросил он. – Ты еще до завтрашнего утра поступишь на службу к Господину.

– Это вряд ли. Последнюю пару раз он мне отказывал. И тебя тоже не возьмет. На улицах поговаривают, что он не любит конкуренции. Так что тебе придется-таки присоединиться к моей шайке: в нашем городе больше нечем заняться. Да и в любом случае всегда стоит немного расширить горизонты. Ты ведь никогда не бывал за пределами трущоб, верно? Могу тебя уверить, в мире есть и еще кое-что помимо дождя и мертвожизни.

Гэм откинулся на стенку клетки, облизнул зубы и поднял брови. Он сложил руки на груди и вытянул ноги так, что сидевший напротив мальчик получил пинок в голень.

С глубоким вздохом Натан отвернулся от него.

Жирный парень заерзал, протискиваясь между двумя мальчиками по бокам от него, и наконец выбрался в проход посередине клетки. Жирными пальцами он пригладил назад свои сальные волосы и кивнул двум другим мальчишкам, худым и костлявым. Они наклонились к нему. Он что-то им прошептал. Они сжали кулаки и, словно свора собак, двинулись к Натану.

– Привет, – сказал ему жирдяй.

Натан взглянул на Гэма, но тот делал вид, будто спит, надвинув кепку с козырьком себе на лицо. Натан опустил взгляд к ногам. Только не Зуд. Только не Чесать.

Жирдяй встал перед ним, окаймленный с обеих сторон тощими приятелями.

– Я Кукушка, – сообщил он. – А это мои братья, Верняк и Облом.

Он улыбнулся, поцыкал зубами, потом улыбнулся еще раз.

– Ну, не то чтобы братья, – уточнил он, – но мы все живем в одном гнезде, так что можно особо не заботиться о манерах.

– Его нашли в куче нестираного белья, – сообщил Верняк.

– Заткнись!

– ...обляпанного птичьим дерьмом.

– Заткнись, я сказал! Не обращай внимания на этих двоих... В общем, откуда бы мы ни взялись, нашему папаше мы до смерти надоели, так что, если Господин нас не примет, он засунет нас в мешок и утопит, бросив с пристани, словно котят.

– Верняк?

– Облом!

– Так он и сделает. Поэтому мы хотим заключить с тобой джентльменское соглашение...

– Этот парень небось и не знает, что это такое.

– Хорошо, пусть будет уговор. Уговор вот какой: если ты покажешь нам, как делать такие искры, мы не вышибем тебе зубы. Больше того, мы не сломаем тебе хребет.

– Он может!

– Он любит все ломать.

– Вот именно. Я не собираюсь пойти ко дну с мокрой холстиной во рту, наевшись напоследок угольной пыли, только потому, что какой-то жабеныш знает волшебство и не хочет делиться. Мы все хотим жить, верно?

– Верняк!

– Точно!

Натан поднял взгляд от своих ботинок и посмотрел на троих ребят.

– Вряд ли это то, чего вы действительно хотите – чтобы это было внутри вас... Это не какой-то трюк. Это не игра.

Он встал. Секунду назад это был просто маленький мальчик, почти ничего не значащий в мире, и вдруг он будто озарился чем-то изнутри: его глаза вспыхнули, волосы встали дыбом, словно спокойный влажный воздух вдруг налетел ураганом.

– Вы хотите Искру? – проговорил он, дрожа. Зуд клокотал внутри него, требуя, чтобы его Почесали.

Гэм приподнял козырек кепки.

– Вы не сможете ее взять. Она принадлежит ему. Досталась по наследству, и теперь, по причине достижения им тринадцатилетнего возраста, у него пора расцвета. Верно я говорю, Натти? Нынче он вступает в свои права.

– Берите, – прошептал Натан.

Одно прикосновение – и он Почешет. Лишь одно прикосновение...

– Натти...

– Ну, берите.

Кукушка придвинулся ближе... протянул руку...

– Берите!

– Эй, сзади, что там опять за галдеж?! Ну ладно, я вас предупреждал.

Повозка остановилась. Поставщик слез с козел и пошел назад. Зуд исчез, так и не дождавшись, чтобы его Почесали. Поставщик развязал веревку на дверце, сунул руку в клеть и зашарил внутри. Вот он ухватил чью-то лодыжку, первую попавшуюся, потащил на себя... Наверное, это должен был быть Натан или Кукушка, но его жертвой оказался какой-то неизвестный светловолосый парень. От рывка он вылетел на мостовую, хватая ртом воздух, и приложился коленями и черепом о деревянную клеть.

– Ах ты заплесневелая шкура! Ничего, сейчас мы тебя выдубим.

Поставщик обрушил свой кнут на неповинного паренька, хлеща его по щекам, по плечам; между купеческими мансардами защелкали звонкие хлопки. Три красных рубца мгновенно вспухли, проступив через въевшуюся грязь, тугие и яростно-багровые. Парень забился на земле, словно свежееоскопленная выдра. Поставщик перехватил кнут поудобнее и добавил три новых полосы поперек уже нанесенных, крестя ударами заливающегося слезами парнишку.

– Тихо значит тихо! Хотите, чтобы у моих лошадок уши заболели от вашей болтовни? Думаете, им нравится слушать, что вы тут несете? А, пс-сы? – Кнут хлестал снова и снова, по удару на каждый выдох. – Им... не... интересно... слушать... ваше... гавканье!

Парень упал на колени, и Поставщик шагнул к нему, чтобы довершить урок. Однако что-то внутри него – о нет, не сострадание и не стыд, а всего лишь сердечный приступ – заставило его схватиться за грудь. Он зашатался, переступая вперед и назад по кругу, словно ему вдруг вздумалось повальсировать. В конце концов он все же выровнял дыхание.

– Ну нет, Поставщик, старина... Твое время еще не пришло... – Он несколько раз врезал кулаком по собственным ребрам, задавая ритм сердцебиению. – Этой старой помпе еще качать и качать!

Убедившись, что порядок восстановлен, он ухватил парня за руку, поднял с земли и швырнул обратно в клеть. Тот рухнул рядом с Натаном, лицом на доски пола, неподвижно уставившись перед собой широко раскрытыми глазами.

– С ним же все в порядке, верняк? – спросил Верняк.

– Облом, – отозвался Облом.

Натан помог пареньку усесться на место, и повозка двинулась дальше.

V

В нескольких ярдах за поставщицкими воротами лошади заартачились. Они вскидывали головы и грызли удила, в воздухе чувствовался едкий запах их пота. От ударов копыт раздавался звон, словно от колокольчика Поставщика, высокий и чистый. Они были на Стеклоанной дороге.

Дорога, казалось, выростала из булыжников мостовой, постепенно проявляясь из их серо-зеленых, в пятнах лишайника, боков; на протяжении нескольких футов она выравнивалась, становилась темнее, превращаясь в единую гладкую монолитную поверхность, словно где-то имелась литейная печь, способная расплавить вещество земли, придав ему зеркальный глянец. Черная тропа, подобная невероятно огромному куску черного янтаря, изгибалась идеальной плоской спиралью и уходила вбок и вверх над трущобами, огибая занятую городом гору и исчезая из виду, затем вновь появлялась с противоположной стороны, пересекала Торговый конец и опять пропадала; петля за петлей, она уходила все выше – над Плезансом и парком на склоне горы, вплоть до ворот Особняка на самой вершине.

Мальчишки заерзали на своих сиденьях. Перед ними была работа Господина, звучащая холодным звоном его магии.

Поставщик слез с козел, засунул свою трубку в карман пальто и прошел вперед, уже на ходу принимаясь оглаживать коренную лошадь. Он успокаивал и улещал ее, шептал ей ласковые слова и осыпал ее шею легкими поцелуями. Из-за пазухи он достал валяные пинетки, которыми принялся обтирать передние ноги лошади. Любой намек на Живую Грязь он удалял носовым платком, равно как и присосавшихся пиявок мертвожизни. Мало-помалу он дошел донизу и натянул пинетку поверх окованного железом копыта, затем повторил то же самое с другой ногой, неторопливо и ласково, пока обе лошади не оказались избавлены от неприятного, неестественного для них чувства ходьбы по стеклу. Лишь после этого они согласились двинуться дальше.

– А вы там на что уставились, а? Приберегите свои гляделки для тех, кому они по нраву, коли такие найдутся!

Если по булыжной мостовой повозка грохотала, кренясь из стороны в сторону, то Стеклоанная дорога была настолько гладкой, что город плавно скользил перед Натаном, словно специально предназначенный для его взгляда, как будто дорога была выстроена лишь для того, чтобы обеспечить им обзор, продемонстрировать мастерство Господина. Надо сказать, что двигались они довольно быстро: на дорожное полотно была наложена эманация, ускорявшая движение путников вопреки уклону, во имя интересов Господина.

Некоторые части города были Натану знакомы (разумеется, хаотическая россыпь трущоб, трубы Фактории, выдавливавшие струи дыма из горнов внутри, плоские серые пространства и складские помещения Пакгаузов), но было здесь и множество таких вещей, каких он никогда прежде не видел. По мере того как его дом оставался все дальше, а петли Стеклоанной дороги вздымались все выше, перед ними представал квадрат изменчивой зелени, вытекавшей из склона горы, словно фабричный дым, которому так и не удалось рассеяться. Зелень была окаймлена высокой железной оградой, но колыхалась на ветру. В гуще мелькали древесные сучья, какие-то крылатые существа, что-то наподобие крыс с горделиво поднятыми меховыми хвостами. Еще глубже внизу виднелись залитые светом прогалины и голубая поверхность воды. Натан повернулся, разглядывая вид, но вскоре тот оказался закрыт бесконечным поворотом Стеклоанной дороги и тут же затерялся в сумятице его памяти. Затем показались купеческие дома с цветными стеклами в окнах и острыми черепичными крышами. Между домами были

улицы, освещенные желтыми фонарями, по которым ходили люди в перчатках, муфтах и кожаных колпаках.

Еще выше виднелась бронзовая филигранная арка, под которую уходила мощная дорога. Эта дорога затем разделялась на множество других дорожек, которые также разделялись, разбегаясь и вновь соединяясь на пересечениях. В промежутках между дорожками стояли клетки, открытые к небу, но огороженные высокими стенами с окошками, за которыми были собраны странные звери, громадные, расквартированные попарно или семьями одного типа. Эти животные смиренно бродили по отведенному им пространству, медленно и осторожно, сперва в одну сторону, потом в другую; они спокойно разглядывали купцов, которые в свою очередь разглядывали их.

Затем впереди показался Плезанс, где дома были настолько высоки, что крыш, казалось, можно было коснуться рукой – огромные узорчатые флюгеры, громоотводы, горгульи на вершущках водосточных труб...

И вот в конце Стеклоанной дороги возник Особняк – огромный черный клин в россыпи сияющих окон, со всех сторон окруженный колоннадами, с торчащими то здесь, то там башенками, о назначении которых толковали и строили догадки на всех городских углах. По мере того как повозка приближалась к зданию, каждый начинал чувствовать его гнетущую, нависающую тяжесть. Особняк был чернее всего, что его окружало; он был настолько черен, что его было превосходно видно даже сквозь застланный облаками сумрак.

Оказавшись вблизи здания, мальчишки, все до единого, притихли. То, что недавно было всего лишь идеей, теперь превратилось в холодный факт, достаточно близкий, чтобы оценить его масштаб; настолько близкий, что его было невозможно игнорировать. Многим из них доводилось говорить – в условиях привычного отчаяния трущоб с напускной храбростью людей, знакомых с крайней нищетой, – что ничто не может быть хуже, чем шарить в Живой Грязи в поисках уклек, или того, чтобы чернить себе глаза ради купцов, или сражаться с палтусами, заползшими в жилище из-под расшатавшейся доски. Но теперь? А вдруг могли быть вещи и похуже? Уже сейчас чужеродная чернота этого места казалась хуже всего, что они знали.

Натан не мог оторвать глаз от Особняка. На самом верху в стенах были вырезаны квадраты и щели, похожие на бойницы, и между каждой парой углублений располагались флаштки с черными полотнищами, струившимися по ветру к востоку. Башня вовсе не походила на утес – ее поверхность была украшена резьбой, а то, что он всегда считал просто неровностями, оказалось нишами, в которых размещались статуи. Стройные, удлиненные фигуры; пожалуй, даже изможденные. Их было не меньше сотни, они были одеты в настоящую ткань, с венцами на головах и шейными кольцами, отблескивавшими на свету. Все они указывали вниз, но куда, было невозможно догадаться.

Когда повозка преодолела последний подъем, перед ними открылась величественная лестница шириной с Цирк, которая полого поднималась к волне дверей. Их было двадцать: посередине – огромные, высотой с дом, по краям – все меньше и меньше, вплоть до последних дверей с каждой стороны, рассчитанных, казалось, на гнома или собаку.

Поставщик осадил лошадей у подножия лестницы. Тут же из ниоткуда, словно бы из-под земли, вырос человек в ливрее, как будто возникший сразу в полной выкладке, вкупе с манжетами, воротничками и цилиндром.

– Пятнадцать, – буркнул Поставщик, не глядя на него.

Тем не менее тот подошел к задку повозки, чтобы пересчитать мальчиков. Он наклонился в проем двери, и те, кто сидел рядом, ахнули: его лицо было широкоскулым и плоским, и там, где должны были находиться глаза, не было ничего, кроме кожи; даже брови не нарушали гладкую поверхность.

Гэм подтолкнул сидевшего рядом мальчика:

– Обязательно найдется кто-то, с кем судьба обошлась еще хуже, чем с тобой; мой папаша всегда это говорил. И, похоже, он был прав.

Безглазый принялся считать, вытягивая длинные пальцы с необычными суставами, каждый из которых заворачивался назад. Подергиваясь, он вращал костяшку за костяшкой, словно счетовод, подсчитывающий выручку за день.

– Пятнадцать, – повторил Поставщик.

– Тринадцать, – возразил безглазый (впрочем, он не открывал рта, чтобы говорить: звук доносился из щелей в его гортани, раскрывавшихся для этой цели). – Один сломан, еще одному было отказано прежде.

– Я так и знал! – прорычал Поставщик и двинулся к Гэму.

– Вовсе не нужно так волноваться! Я сам уйду. Натти, теперь ты сам за себя, по-всамделишному. Когда возвратишься, мое предложение будет в силе.

– А как же мое вознаграждение, а, маленький воришка?

– Сперва заработай его, дедуля!

Гэм вывернулся из рук Поставщика, метнулся из клетки и побежал, а затем заскользил, согнув ноги в коленях, на вытертых до блеска подошвах своих башмаков вниз под уклон Стекло-лянной дороги.

Безглазый щелкнул пальцами, призывая Поставщика к порядку. Тот машинально протянул руку, и безглазый отсчитал ему по плоской серебряной монете за каждого из мальчиков, поглаживающими движениями отправляя их одну за другой в ямку посреди мозолистой ладони Поставщика, откуда тот одну за другой выхватывал их, освобождая место для следующей.

– Отведи их к заднему входу, а затем уходи.

– С радостью, – хрипло проворчал Поставщик.

VI

Оказавшись с задней стороны, они быстро позабыли черное великолепие выложенного широкими плитами фасада. Под чумазами от сажи люками были навалены кучи шлака, торчащие из стены разномастные трубы изрыгали клубы дыма и пара. Повсюду кричали и суетились рабочие. Поставщик отрывисто рявкал, перекрикивая скрежет механизмов где-то в глубине, настолько громкий, что от него сотрясалась земля, а грязь шевелилась, будто в ней кишели муравьи. Хватая мальчиков по двое, Поставщик принялся вытаскивать их из клетки и отшвыривать поодаль, словно они были грязью, пачкавшей его хорошую солому.

Пришел безглазый и соединил вместе руки мальчиков: видимо, цепочку было проще вести, чем толпу идущих по отдельности детей. Светловолосый мальчик остался лежать там, где его оставили, и Поставщик, не обращая на него ровным счетом никакого внимания, захлопнул дверцу, едва не прищемив руку Кукушки, которую тот протянул, чтобы дотронуться до лежащего.

Когда они выстроились в линейку, безглазый взял за руку переднего мальчика и повел всю вереницу через двор к щели в земле, в глубину которой ныряла лестница. У верхней ступеньки передний мальчик заколебался, но безглазый, не останавливаясь, потащил всю их цепочку дальше, вниз, в темноту.

Грохот здесь стоял еще более невероятный: металлические зубья скрежетали друг о дружку, огромные молоты лупили вовсю, раскаленные докрасна поршни с лязгом ходили в исходящих паром двигателях, так что кости мальчиков сотрясались от вибрации. Стеклянные чаны, наполненные Живой Грязью, опорожнялись через систему труб, уходивших во все стороны; изнутри к стеклу прижимались лица палтусов с абсолютно бессмысленным выражением.

Безглазый вел их узкими проходами промеж гигантских механизмов; масляная гарь попадала внутрь не только через ноздри, но – невероятно – даже через глаза и губы; к ней пришивался едкий сернистый и земляной запах Грязи. Каждый мальчик цеплялся за руки идущих спереди и сзади, а шедший последним вцепился в руку впереди идущего обеими руками. Назначение машин оставалось неясным, по крайней мере для Натана, но было очевидно, что оно у них есть и механизмы следуют ему с неиссякающей, неутомимой энергией, яростно и без какой-либо оглядки на столь ничтожные создания, какими чувствовали себя здесь эти мальчики.

Здесь преобразовывали Грязь. Но во что?

Натан держал за руку Кукушку, и толстяк время от времени оглядывался. Если он искал поддержки, Натан ничем не мог ему помочь – хотя это место выглядело настолько зловещим, что он с радостью ободрил бы мальчика, если бы мог. Их предыдущие разногласия потеряли всякую важность. Предстоит ли им стать частью этих механизмов? Может быть, их будут запускать внутрь, чтобы высвободить заевшие детали, как мальчишек при ткацких станках в Торговом конце? Или прочищать засорившиеся трубы?

Было трудно сказать, какую информацию безглазый человек мог черпать из окружающего мира, но он двигался вперед, не останавливаясь ни на мгновение. Когда проход раздваивался или пересекался другим, безглазый без колебания выбирал нужный. Они то взбирались вверх по трапам, то снова спускались, и хотя Натан был исполнен решимости запомнить маршрут, их перемещения оказались настолько запутанными, что уже через несколько минут он перестал ориентироваться. Так они шли около часа. Ни разу за это время шум не стал хоть чуточку менее оглушительным; ни одна машина не прекратила свою работу, а Живая Грязь – свое перемещение по трубам.

Наконец они оказались в пространстве, относительно свободном от механизмов. Посередине свисала цепь со шкивом, к которому была прикреплена бадья такого размера, что в нее могли поместиться двое или трое мальчиков. Здесь безглазый человек остановился и загрузил в бадью Натана, Кукушку и того, с бритой головой. Шкив тотчас же дернулся вверх, и они взмыли в воздух. Натан и бритоголовый мальчик оказались лицом к лицу, их носы почти соприкасались. Натан поглядел вверх: цепь исчезала в темноте то ли в пятидесяти, то ли в ста футах над их головами; казалось, что она уходит в бесконечность. Однако через какое-то время там возник крошечный светлый квадратик, словно распахнутая дверь гостиницы в конце долгого пути по темноте. Здесь, наверху, было не так шумно, и Натан попытался было сказать: «Смотри, вон там!» – но собственный голос донесся до него едва слышно, словно сквозь толщу воды.

Прокашлявшись, словно проблема была в этом, он сделал новую попытку, но в этот момент бадья наскочила на выбившееся звено в цепи, вся конструкция вздрогнула и накренилась. Внизу виднелись поднятые к ним лица других мальчиков, крошечные, словно последние зернышки риса, оставшиеся на дне глиняной плошки. Кукушка ухватился за Натана, оба ухватились за цепь, но третий мальчик вытянул руки наружу, словно пытался таким образом восстановить равновесие. Вместо этого он начал выскользывать, перевесившись через борт бадьи, отчего она накренилась еще больше.

– Брось его! – закричал Кукушка, но Натан, не слушая, выбросил руку и ухватил мальчика за запястье, отчего бадья едва не перевернулась, так что им с Кукушкой пришлось отчаянно замолотить ногами, чтобы снова подтащить днище под себя. Почувствовав, что мальчик выскользывает, Натан намотал виток цепи вокруг запястья, обхватил мальчика ногой за талию и вцепился в его шорты. Медленно-медленно он втащил выпавшего обратно в бадью и прижал к груди.

Только здесь Натан понял, что это вовсе не мальчик. Под грязью и страхом он увидел девочку с большим ртом и большими карими глазами. Ухватив Натана за ворот, она стиснула его обеими руками, вцепившись так, словно никогда не собиралась отпустить.

VII

Бадья довезла их до верха; моргая, они оказались на свету. Прежде чем они смогли сфокусировать взгляд, всех троих выволокли на холодную белую плитку, а бадья продолжила движение, перевалив через зубчатый ворот и без малейшей паузы принявшись спускаться обратно. Весь потолок был белым – один сплошной массив белого света. Детей выстроили в линейку на белом полу.

– Где горячая вода? – крикнула какая-то женщина.

– Ждет, пока ты ее нальешь, дурища, – отозвалась другая.

Третья подошла к ним, держа в руках портновские ножницы, которыми щелкала в воздухе перед собой на манер краба.

– Их раздеть или постричь? – спросила она, вклинившись в диалог.

– И то и другое. И ради Него, поторопись: там еще несколько на подходе.

Женщина подтолкнула Кукушку, отделяя его от остальных, и просунула ножницы между его пухлым животом и поясом брюк.

– Эй! – вскрикнул Кукушка. – Поосторожнее!

Остановившись, женщина поглядела на него. Она была одета в синюю клетчатую робу, ее волосы были убраны под косынку и стянуты так туго, что рот не закрывался до конца. Зубы у нее были темными, словно лакированное дерево. Она щелкнула ножницами, и штаны Кукушки свалились на пол. Женщина окинула его оценивающим, уничижительным взглядом.

– У тебя слишком много там, где не надо, и совсем ничего там, где стоило бы хоть что-то иметь. Если я случайно что-нибудь и отстригу, для всех будет только лучше. Руки вверх!

Кукушка поднял руки, и ножницы прошлись снизу доверху, так что и остальная его одежда сползла на пол. Когда он оказался совсем голым, женщина сунула ножницы в карман фартука и достала бритву. С ее помощью она лишила Кукушку волос на голове. Тот терпел унижение, как только мог.

– Бери швабру и сметай всю эту погань, кишашую Грязью, в дыру. Не беспокойся, Господин снабдит тебя новой экипировкой, независимо от того, возьмет он тебя или нет. – Она пихнула его назад, к лежавшей на полу швабре. – Следующий! Эй, ты!

Девочка крепче прижалась к Натану, дыша так, словно пробежала целую милю.

– Давай-давай. Думаешь, у меня есть время на твое скромничанье? Если бы ты имел представление о том, как выглядишь со стороны, то сам был бы рад, что есть кому привести тебя в порядок.

Натан взял руку девочки и отцепил от своего ворота.

– Она что, какая-то извращенка, да? – прошипела девочка. – Если она попробует что-нибудь выкинуть, я врежу ей ногой по дырке.

– Не знаю, – отозвался Натан. – Все будет в порядке.

– Вы только поглядите на эту сладкую парочку! – умилилась женщина. – Чирикают, что твои воробушки. Ну-ка быстро сюда!

Расправив плечи, девочка подошла. Когда ее начали раздевать, Натан отвернулся – он сам не знал почему.

– Ха! Да у тебя здесь еще меньше, чем у того!

– Засунь это в свою щель!

– Что тут засовывать? Ну-ка, повернись.

Когда с девочкой было покончено и с Натаном тоже, одна из других женщин по очереди окатила их горячей водой.

– Берите щетки и отскребайтесь как следует. Когда будете блестеть, как новенькие, и на вас не останется никакой мертвожизни, можете одеваться. – Женщина указала на скамью

возле стены позади них, над которой на крючках висели в ряд белые балахоны, похожие на безголовые призраки.

Прежде чем она успела что-либо добавить, из дыры поднялась бадья с тремя новыми мальчиками, и женщина ринулась туда, чтобы приняться за них.

Если прежде дети были похожи на пугала, покрытые коркой грязи и пропитанные сыростью, то теперь они выглядели как фарфоровые куклы, только что вынутые из печи, прежде чем тем на головы успели наклеить волосы. Они стояли в одну линию, в белых балахонах, распластав босые ступни по плиткам пола. Женщины расхаживали вдоль шеренги взад и вперед, смахивая пару оставшихся волосков у одного, подстригая ногти другому.

– Беллоуз готов их принять? – спросила одна.

– Готовы ли они, чтобы Беллоуз их принял, – вот вопрос, – отозвалась другая.

– Пойду гляну еще разок.

Вернувшись, она вновь прошла вдоль шеренги; в одном месте, облизнув большой палец, оттерла оставшееся пятнышко, в другом ногтями сняла невидимую пылинку.

– Придется оставить так, как есть, но я сомневаюсь, что Беллоуз будет улыбаться, увидев вас. – Она дошла до конца шеренги и остановилась перед девочкой. – А ты, сестренка, можешь вообще забыть об этой затее. Он чует женские «выделения» на расстоянии в сотню ярдов, а Господин вообще не переносит нашего духу. Беллоуз говорит, что это нарушает Его равновесие и вносит сумятицу в Его работу.

– Я ему внесу сумятицу по самое не балуйся! Я ему...

Женщина поспешно шикнула на нее.

– Не мели языком, дитяtko. Я тебя не выдам, нам стоит приглядывать друг за другом, но Беллоуза ты все равно не обманешь. Он чует, даже если в мальчишке есть что-то девчачье, а уж тебя вынюхает моментально. И вот что я еще скажу: с ним шутки плохи, и вообще здесь шутить не стоит. Даже мне, и уж наверняка не тебе. Там, наверху, есть только одна девочка – дочка Госпожи...

– Ну, это всего лишь слухи! Ты всему готова поверить, – воскликнула другая прачка.

– Я верю тому, что знаю. Ее привез сюда брат Беллоуза, и теперь Господин держит ее под замком, на карантине.

Вторая женщина скорчила гримасу и закатила глаза.

– Ты мне не веришь? А ведь я из Маларкои, так что кое-что знаю. Именно поэтому Госпожа посылает к нам огненных птиц: надеется вернуть свою Дашины обратно.

Внезапно говорившая бросила взгляд на потолок – туда, где, должно быть, обретался Господин. Она подергала себя за губу, очевидно беспокоясь о том, что сболтнула лишнего. Убедившись, что неведомая сила все еще не умыкнула ее, чтобы призвать к ответу за изменнические речи, она вновь повернулась к детям:

– Как бы там ни было, будьте вежливы, иначе вам же будет хуже. Время настало, сейчас я вас отведу. Ведите себя прилично! Никаких слез и нытья. И если Беллоуз вас не пропустит, не пытайтесь его упрашивать: этим вы ничего не добьетесь, разве что вас выпорют кнутом. Держите рот на замке, и вскорости с вами будет решено – либо так, либо иначе. Наверное, стоит упомянуть, что в последнее время Господин принимал немногих, и из тех уже кое-кого уволили, так что, думаю, есть неплохой шанс, что кого-нибудь из вас Он возьмет. Уж не знаю, как по-вашему, хорошо это или плохо; я бы сказала, вопрос в том, насколько вам нужны деньги. Ну а теперь ступайте за мной, тихо и смиренно!

Она провела их через дверь в коридор, обшитый деревянными панелями, в котором кипело разнообразное движение: люди с подносами, люди с тележками, люди, выбегающие из одних дверей и вбегающие в другие; все они были одеты одинаково, в узкие черные сюртуки

с длинными фалдами и доверху застегнутыми высокими воротниками. Натан с облегчением увидел, что у них, по крайней мере, имелись глаза и не было жабр, а когда они заговаривали, то делали это ртами.

– Поберегись! – выкрикнул один.

– Сзади! – вторил другой.

Во всем этом не было ничего странного, за исключением скорости, с которой они все передвигались, и написанной на их лицах целеустремленности.

Выстроив детей вдоль стены, женщина сказала им:

– Ну, а теперь мне лучше уйти. Мы слишком близко к комнатам Господина; женщинам нельзя здесь подолгу находиться, а я не из тех, кто напрашивается на порку. Помните о том, что я вам говорила, и удачи вам во всем, на что бы вы там ни надеялись!

С этими словами она вернулась в помещение, где их приводили в порядок, а мальчики остались среди нескончаемого потока людей, занятых своими неотложными делами.

Девочка стояла через несколько человек от Натана, наклонив голову и стиснув зубы. Натану хотелось подойти к ней, но каждый раз, когда он пытался двинуться с места, кто-нибудь пронесся перед самым его носом или мимо грохотала тележка. Возле него заливался слезами плакса. Кукушка, стоявший с другой стороны, схватил Натана за руку:

– Это он? Беллоуз?

По коридору в их направлении двигалась фигура – было бы неверно назвать ее человеком – с руками и ногами тонкими, как березовые ветки. Он сильно горбился и двигался так, словно его колени гнулись назад, а не вперед. Его одежда была сплошь черной, с золотым шитьем. На нем был высокий цилиндр, опирающийся спереди на переносицу крупнейшего носа, который был длиной в человеческую ладонь и торчал перпендикулярно лицу. Нос этот напоминал лопасть весла или руль, и именно он появлялся всюду первым. Если у этого существа и были глаза, их не было видно из-под цилиндра; если у него имелись жабры или рот, они прятались за высоким накрахмаленным воротником. Кишевшие в коридоре люди при виде него расступались, не подходя ближе чем на фут с каждой стороны. Никто не смотрел на него прямо, при его приближении все отводило глаза.

В десяти шагах от детей фигура остановилась, и одна рука с растопыренными пальцами немедленно взмыла в воздух.

– Ага! – произнес он. – Нос Беллоуза чует запах женского ребенка. Быть девочкой – само по себе вовсе не преступление, определенно нет! Без женских детей мир оказался бы в весьма опасном положении, ведь это поставило бы под угрозу в дальнейшем единственный источник мужских детей. Однако разве Госпожа, наш враг, не принадлежит к женскому роду, одним этим фактом навлекая дурную репутацию на весь свой пол? Впрочем, тебе вовсе не следует презирать себя: о тебе будут судить исходя из твоих действий, а не случайности твоего рождения. Но на данный момент для целей Господина ты представляешь собой меньше, чем ничто! Твоя близость причинит Ему раздражение. Он не снисходит до вынюхивания (на это у него есть Беллоуз!), однако женская вонь обладает такой едкостью, что от нее вибрирует даже воздух! И, опять же, пусть это тебя не беспокоит, ибо многие дурнопахнущие вещества имеют свое применение – некоторые сыры, нашатырь... Это просто факт. Поэтому до поры до времени тебе следует закрыться вместе с особами твоего пола, чтобы причинять наименьшее неудобство тем, кто тебя окружает.

Беллоуз двинулся вперед, одновременно указав пальцем на девочку. В тот же момент один из людей ухватил ее и потащил прочь. Она принялась брыкаться, брызжа слюной и сверкая глазами на шеренгу:

– Убери лапы, ты, извращенец!

Натан автоматически бросился на помощь, но откуда ни возьмись появился еще один служитель и удержал его. Натан ощутил Зуд, позволил ему пробежать по плечам, вниз по рукам

до кончиков пальцев, готовый Почесать, – но здесь было слишком душно, и чувство заглохло. Вместо этого он ударил кулаками, однако удар получился несильным.

– Восхитительно! – воскликнул Беллоуз, который наблюдал за происходящим с выражением восторженного изумления. – Подумать только, мужской ребенок, вопреки всему, ощущает чувство утраты по отношению к подобному существу! Это благородно. И к тому же практично! Ибо если бы не это чувство, разве детородное соитие, весьма вероятное впоследствии, не оказалось бы невыносимым?

Беллоуз двинулся вперед, разрезая носом воздух, словно лодка, рассекающая воду. Не дойдя до Натана нескольких шагов, он вновь остановился.

– Неужели вонь девочки была такой сильной, что должна была заглушать это?

Решив, что Беллоуз направляется к нему, плакса разревелся еще сильнее, но внимание служителя было направлено на Натана. Остановившись перед ним, он слегка приподнял свой нос, словно винодел, готовящийся оценить свежееоткупоренную бутылку вина. Когда нос оказался под нужным углом, произошел свистящий вдох, ноздри Беллоуза раздулись, раскрывшись перед Натаном двумя черными дырами. Тот непроизвольно отпрянул.

– Беспрецедентно! Такая насыщенность! Да, здесь не может быть сомнений.

Беллоуз положил руку Натану на плечо, и тот был выведен из шеренги и помещен отдельно сбоку.

– Ты, плачущий. Полагаю, тебе известно о могущественных свойствах слез в приготовлении определенных составов? Вполне возможно, что ты тоже будешь избран.

И плакса также оказался в стороне.

– В толстяке надобности не будет. Тебя окружает зловоние гуано и прокисшего пота. Господин не захочет тебя видеть. Из остальных я замечаю лишь двоих, которые могут на что-то сгодиться; возможно, во вспомогательной роли. – Беллоуз по очереди положил ладонь на каждого из них. – Те, кого я не назвал, возвращайтесь в свои жилища с радостью в сердцах! Вы побывали на расстоянии в несколько комнат от Господина Мордюю! Вам посчастливилось разделить с Ним свое существование, и хотя вы, скорее всего, больше никогда сюда не вернетесь, в вас навсегда останется хотя бы частичная память о том, какое величие скрывает в себе этот мир. Какие чудеса! Пусть эта мысль утешает и поддерживает вас на протяжении вашего дальнейшего прискорбного существования. Если вы когда-нибудь почувствуете себя несчастными, вспомните этот день и не забывайте, какая честь была вам оказана, когда вас допустили сюда. А теперь постарайтесь удалиться как можно быстрее, чтобы вы могли поскорее восхититься выпавшей вам удачей, сравнив ее с унылой грубостью жизни во внешнем мире!

Повинуясь указаниям Беллоуза, служители поспешно увели тех, кто не был избран, так что остались только четверо.

– А теперь вы, мальчики мои. Вы не можете себе представить, насколько вам повезло, поскольку у вас пока что просто нет никакого способа это понять. Однако не пройдет и часа, как вы будете находиться в одной комнате с Господином! Как знать, возможно, на вашу долю выпадет даже нечто большее!

Натан попытался разглядеть, куда служители увели девочку, но его пихнули вперед, заставив вместе с другими последовать за Беллоузом, который проворно и размашисто шагал по коридору, не переставая восклицать:

– О, как я вам завидую, мужские дети! О, это восхитительное состояние нервного возбуждения! Предвкушать появление легенды (нет, полубога!), пока еще даже не понимая, насколько мало Его репутация отдает Ему должное! Насколько Он превосходит даже самые преувеличенные слухи, какие могли до вас доходить. Вы приближаетесь к божеству, сколь бы нечестивой ни объявили подобную идею ваши ведуньи. Однако что они могут знать? Ведь они никогда Его не видели. Если бы они узрели Господина, то, несомненно, тут же отбросили бы свои ошибочные верования и поклонились бы Ему! Так же, как это сделал я... Некогда я был таким

же, как вы, – несознательным, неподготовленным; и если бы не мощь Его бесконечного великолепия, безграничного в своей способности поражать, то я бы в одно мгновение вернулся к этому состоянию, чтобы еще раз вкусить Его чудеса с позиции того, чьи глаза никогда не были открыты. С точки зрения слепого крысеныша, впервые видящего солнце. Итак, трепещите, готовясь в полной мере вкусить Его изумительность!

В дверном проеме Беллоуз остановился и обернулся к ним. Мальчики застыли как вкопанные. Чудовищный нос вновь принялся их обнюхивать, в то время как руки по обе стороны совершали приглашающие движения.

– Смелее! За этой дверью находится вестибюль, в котором Господин проявит Себя.

Мальчики не шевелились.

Беллоуз кивнул, торжественно склонив свой нос:

– Совершенно верно. Теперь вы сомневаетесь, достойны ли вы. Вы сомневаетесь, имеете ли вы право – в своей грубости, своем невежестве, своей нищете – предстать перед Ним! Позвольте мне вас заверить, что ваши опасения обоснованны. Вы *действительно* слишком грубы. Вы *поистине* чересчур невежественны. Вы *в самом деле* ужасно бедны. В вас нет ничего, что заслуживало бы внимания Господина. И все же некогда то же самое можно было сказать и обо мне!

Беллоуз нагнулся над ними, так что его нос оказался на одном уровне с мальчишечьими головами. Ноздри сжимались и вновь расслаблялись, что, очевидно, говорило о великом сдерживаемом волнении.

– Некогда я был таким же, как вы! Маленьким. Беспольным. Я тоже считал, что не имею никакой ценности. Я тоже трепетал при мысли о том, чтобы поступить на службу к Господину. Однако посмотрите на меня теперь! – Он распрямился и воздел стиснутый кулак, задрал нос к потолку. – Господин сумел преобразовать низменный металл моего существа в чистейшее золото! Он возвысил меня, подняв из грязи и заставив служить высшей цели! Поэтому, мужские дети, вы должны гордиться – не тем, кто вы есть, ибо сейчас вы ничто, но тем, кем вы *можете* стать по милости Господина!

Вопреки призыву Беллоуза, мальчики вовсе не выглядели гордыми, совсем наоборот, но Беллоуз, кажется, этого не замечал. Он открыл перед ними дверь, отступил в сторону и принялся подгрести их к проему растопыренными, похожими на сучья пальцами.

VIII

Вестибюль был огромен и настолько полон пространства и белизны, что было трудно понять, где находится другой конец. Натан моргал и крутил головой, надеясь, что какая-нибудь невидимая деталь появится на свет или что от перемены угла что-то разъяснится, однако ему по-прежнему казалось, будто они вступили в новый мир, белый, чистый и пустой. Когда Беллоуз затворил за ними дверь, иллюзия стала окончательной: теперь с любой стороны от Натана не осталось абсолютно ничего, что могло бы привлечь его внимание. Разве что, может быть, на краю зрения то здесь, то там возникала некая размытость, однако было невозможно понять, что именно там размыто.

– Это помещение Господин создал, чтобы отделить Свое жилище от мира обычных людей. В него только один вход, и уйдет немало минут на то, чтобы добраться до другой стороны. Заклинаю вас, мужские дети, не пытайтесь в своем нетерпении пересечь его самостоятельно! Через эту комнату ведет лишь одна тропа, и она отмечена не теми знаками, которые может увидеть любой, но теми, которые доступны лишь посвященным.

Нос Беллоуза прошелся из стороны в сторону, он медленно кивнул.

– Вполне можно понять ваше желание поскорее кинуться к лестнице, ведущей к Его двери; но если вы поддадитесь ему, то в одно мгновение обратитесь в прах! В большей части этой комнаты Господин разместил волоски невероятной тонкости, настолько тонкие, что даже свет не берет на себя труд их освещать, но проходит мимо с обеих сторон. Случись вам пересечь такой волосок, и вы окажетесь в той же позиции, что очищенное вареное яйцо в яйцерезке: вы окажетесь мертвы прежде, чем успеете понять, что с вами происходит... Здесь возникает интересный вопрос: если человек не осознает своей смерти, значит ли это, что он продолжает чувствовать себя живым? Если вы желаете найти на него ответ, вам достаточно лишь попытаться пересечь это помещение без посторонней помощи. Здесь есть проход, и я могу воспринимать его со всей ясностью – но это знание доступно лишь мне одному.

Натан протер глаза подолом своего балахона. В комнате, несомненно, имелась какая-то размытость. Когда он отводил взгляд от окружающего пространства и фокусировал его на кончике носа Беллоуза, описывавшего неспешные восьмерки на протяжении речи, если он при этом, не отвлекаясь, сосредотачивался исключительно на нем, то становилась видна тоненькая паутина или что-то очень похожее, тянувшееся через всю комнату.

– Если Господин отметит вас Своим знаком, я буду сопровождать вас до этой двери. Не отходите от меня ни на шаг! Ширина прохода достаточна лишь для трех человек, идущих бок о бок; если вы замешкаетесь или начнете баловаться или в нетерпеливом восторге захотите побежать вперед, от вас не останется ничего, что могло бы пожалеть об этом!

Теперь Натан видел проход. Если он поворачивал голову, чтобы посмотреть прямо, видение рассеивалось, но, глядя в сторону, он мог краем глаза проследить тропу, вилявшую то вправо, то влево через весь вестибюль.

– Я довольно ловок, – продолжал Беллоуз, – но ловкость моя далеко не та, что прежде, а долгие годы, проведенные в удовлетворении потребностей Господина, лишили меня способности понимать ту животную хитрость, какой вы, мужские дети, обладаете. Я не пытаюсь искать себе оправдание. Если, вопреки доводам рассудка, вы попробуете бежать, я постараюсь вас остановить и удержать, ради вашей собственной пользы и ради блага Господина, но я не могу гарантировать, что моя попытка увенчается успехом. Лишь вы сами можете быть гарантами собственной безопасности. Когда Господин появится перед вами, сдерживайте свои чувства, а также сдерживайте ваши движения!

Словно по сигналу, на другой стороне комнаты отворилась дверь, видимая лишь как силуэт на белом фоне. Беллоуз судорожно вздохнул полной грудью:

– Это Он!

В дверном проеме показалась тень. Хотя расстояние было огромным, тень очень ясно выделялась по контрасту с однообразием помещения. Это был мужчина. Он остановился на пороге, поддергивая рукава и оправляя на себе сюртук. Его руки не обладали необычайной длиной, и суставы гнулись в нужную сторону. Положив ладонь себе на голову, он пригладил волосы. На нем не было ни цилиндра, ни жесткого воротничка. Когда он поднял руки, чтобы поправить галстук, в его движениях не было ровным счетом ничего необычного.

А затем, в одно мгновение, он оказался перед ними – очевидно, для него не было необходимости преодолевать промежуточное пространство с помощью прохода.

– Добрый день, – проговорил он.

Его голос звучал спокойно и благожелательно, словно голос доброго дядюшки. На нем был самый обыкновенный костюм, скроенный по стандартному образцу, респектабельный и неброский. Мужчина был примерно одного возраста с Натановым отцом, хотя значительно лучше сохранился.

Беллоуз склонился так низко, что ткнулся кончиком носа в пол перед собой. Когда Господин попросил его выпрямиться, он вытер испачканное место носовым платком.

– Право же, Беллоуз, вовсе нет необходимости в таких формальностях!

Господин повернулся к мальчикам. У него было приветливое лицо, открытое, с пытливым выражением глаз. Он уделил первому мальчику в шеренге – им оказался плакса – не меньше внимания, чем можно ожидать от кого бы то ни было в отношении любого человека независимо от важности его положения.

– Молодой человек, – произнес он, – что мы можем сделать, чтобы вас развеселить, как вы считаете?

Плакса, с блестящими от слез щеками, поднял голову. Господин улыбнулся, и мальчик поглядел ему в глаза.

– Ну вот, и вовсе незачем плакать, верно? Все не так уж и плохо. Как насчет леденца? – Господин протянул ему леденец на палочке, хотя откуда тот взялся, Натан не мог бы сказать. Мальчик не двинулся с места, но облизнул губы. – Берите, берите! Я никому не скажу.

Мальчик протянул руку. В этот момент в воздухе что-то мелькнуло, слишком стремительно, чтобы уследить, но когда лакомство оказалось в руке мальчика, его щеки уже были совершенно сухими. Натан моргнул, но никто другой, кажется, ничего не заметил. Плакса, который больше не плакал, засунул леденец себе в рот. Господин улыбнулся и кивнул Беллоузу.

– Видите, Беллоуз, – заметил он, – мои леденцы – превосходное лекарство от хандры! К счастью, у меня их неисчерпаемый запас.

Доказывая его правоту, в его руке появились еще четыре. Сунув один себе за щеку, Господин предложил другой следующему мальчику в ряду.

– А вы, сэръ, кто будете?

– Роберт, – отозвался тот, беря леденец.

– Что же, Роберт, надеюсь, вы из тех парней, которые любят приключения?

– Смотря какие, – сказал Роберт.

Господин улыбнулся и снова кивнул Беллоузу.

– Готов поспорить, что любите! И у меня есть предложение как раз для вас. Как бы вам понравилось служить на моем корабле, а? Думается мне, эта работенка придется вам в самую пору!

– Всяко может быть, – сказал Роберт.

– Разумеется! – И вновь промелькнуло что-то – неуловимое для глаза, оно измерило мальчика в высоту, затем в ширину и в глубину. – Да, я думаю, вы превосходно подойдете для этого места, и в леденцах у вас недостатка не будет!

И здесь Господин не замешкался даже на долю мгновения, и никто не отреагировал ни малейшим образом. Движение было того же порядка, что и паутина, – его нельзя было увидеть прямо. Натан устремил взгляд на далекий дверной проем и намеренно сосредоточил его там, когда Господин обратился к следующему мальчику:

– А вы? Не доводилось ли вам задумываться о том, чтобы посвятить себя садоводству? У меня здесь имеются очень редкие цветы, которым необходим уход. Вы кажетесь мне мальчиком, который разбирается в растениях. Могу я взглянуть на ваши руки?

Мальчик протянул ему руки – Натан увидел это и теперь. За какую-то долю секунды Господин вынул из сюртука иглу и уколол ею ладонь мальчика. Проступила капля крови, Господин подцепил ее кончиком ногтя и поднес к губам – а затем его руки оказались на прежнем месте, словно ничего не произошло.

– Чудесно! Я вижу в вас большой потенциал. Вы обладаете всем необходимым, чтобы со временем стать главным садовником, это совершенно ясно! Если вы целиком посвятите себя этому занятию, я уверен, что мои растения будут процветать. Ну а вы...

Он повернулся к Натану – и замер с приоткрытым ртом на середине произнесенного слога. Затем его лицо словно бы оплыло, совсем чуть-чуть, но в достаточной мере, чтобы все черты слегка провисли – складка губ, щеки, веки... Господин кашлянул, и все вернулось на надлежащие места.

– Беллоуз, – проговорил он голосом, в котором было нечто, напоминающее кваканье, некая лягушачья хрипотца, словно его глотка вдруг оказалась слишком тесной. – Кто это тут у нас?

Беллоуз придвинулся вперед, склонившись уже не настолько низко, как прежде, но в неизменной согбенной позиции.

– Боюсь, сэр, что мы с этим мальчиком не были представлены друг другу. Я ощутил в нем благоухание Наследственности. Очень сильное! Чрезвычайно любопытный экземпляр.

Господин кивнул, продолжая смотреть на Натана. Он не отводил от него взгляда ни на секунду, даже чтобы моргнуть.

– Откуда его привезли?

– Он прибыл вместе с вашим Поставщиком с Юга, как и все они.

– Понимаю... Молодой человек, назовите мне ваше имя.

Господин наклонился вперед. У него были внимательные карие глаза, но красные прожилки усеивали белки. Его лицо было припудрено, но в тех местах, где пудра осыпалась, из-под нее проглядывала серая кожа – кожа человека, которого одолевают заботы или который слишком мало спит. Воротник его рубашки был слегка потерт, и теперь он гораздо больше напомнил Натану отца – осунувшийся, нездоровый.

– Меня зовут Натан...

Господин поднял руку.

– Тривз... – закончил он.

Натан кивнул, но Господин уже отвернулся от него.

– Беллоуз. Для этих троих я могу найти применение. Последний... мне не подходит.

– Но, сэр! – Натан ухватил Господина за рукав. Тот обернулся, и Беллоуз застыл, охваченный ужасом. Господин воззрился на руку Натана так, словно перед ним было нечто поистине необыкновенное. Натан поспешно отдернул ее. – Я должен у вас работать! Так сказала мама. Папа очень болен, и если не будет денег на лекарства, он умрет! У нее не хватит хлеба на нас обоих!

Господин пристально разглядывал Натана.

– Как ты, уже искришь? – спросил он.

Натан молчал, испуганно думая о том, что этот человек каким-то образом вызнал его секрет. Ему хотелось ответить отрицательно, чтобы скрыть свой позор; он даже попытался сделать это, но его голова кивнула помимо его воли.

– Ну так прекрати это делать, – резко проговорил Господин, – если тебя хоть немного заботит твое благополучие. Беллоуз! Уведите его.

И Беллоуз увел Натана прочь, прежде чем тот успел произнести еще хоть слово.

IX

Ветер разыгрался, и в Морскую стену с грохотом бились волны. Облака соленых брызг накатывали словно туман, приправляя воздух своим вкусом, застилая трущобы поземной пеленой, так что казалось, будто они живут на какой-нибудь горной вершине, а не в вонючей грязной яме у подножия города. Огненных птиц не было (в шторм они не летали), но море так громко билось в сооруженный Господином волнолом, что было невозможно расслышать ничего другого. Отступая на короткое время, волны с шипением уходили в гальку, и тогда их шум сливался с воем ветра, врывавшегося в лагуны сквозь щели между досками.

Натан уже видел впереди свой дом: крошечный, отвоеванный у Живой Грязи пятачок, границы которого отмечали куски размокшей древесины и гнилых веревок, объединенные в нечто целое при помощи нескольких горстей смоляного вара, который удалось наскрести из бочек, принесенных волнами из порта. В многочисленные дыры просачивался свет уличных фонарей, жидкий и болезненный, словно даже свет здесь не мог оставаться здоровым. Дверь была подперта колышком с одной стороны и завязана с другой; Натан развязал петлю и протиснулся в открывшееся отверстие.

Мать сидела, уставясь в угли очага. Услышав его, она не подняла головы – только напряглась и сжалась, словно кошка, почувствовавшая приближение собаки. Не отрывая взгляда от огня, она собрала волосы сзади и подвязала их веревочкой, оставляя на шее полосы сажи. Потом наклонилась и подобрала с края очага хрупкий кусочек перегоревшей древесины размером с горошину. Она раздавила его между большим и указательным пальцами и растерла в порошок. Когда порошок оказался достаточно мелким, она закрыла глаза и запрокинула голову, так что лицо обратилось к потолку. Ее губы слегка раздвинулись – они были полными, но почти синими, словно ей не хватало воздуха, чтобы дышать. Кончиками пальцев она растерла порошок по векам, размазала вдоль ресниц.

– Что вам угодно? – спросила она. Ее голос звучал тихо и покорно.

– Мама, это я.

Она подскочила, словно ужаленная, широко раскрыв глаза, потом яростно стерла с них угольную пыль рукавом. Она заморгала: немного порошка попало ей в глаз. Натан подошел к ней, смочил слюной собственный рукав и уголком ткани промокнул и протер, где было необходимо.

– Все, больше нет, – сказал он.

Если это было и так, мать не стала открывать глаз. Наоборот, стиснула веки еще плотнее.

– Мой мальчик... Мой прекрасный мальчик... – проговорила она, качая головой и покачиваясь всем телом, сжав кулаки так же крепко, как глаза.

Натан положил руку ей на плечо. Мать взяла ее и поцеловала в ладонь, по-прежнему не раскрывая глаз, вдохнула в себя его запах.

– Мой милый мальчик, – повторила она.

Натан стоял, не зная, что делать дальше.

– Мама, все хорошо. Я вернулся.

Она открыла глаза.

– Почему?

Натан наклонил голову.

– Он меня не взял.

– Ты ему объяснил?

– Конечно.

– Так он знает?

Поднявшись, она обхватила его руками и притянула к себе.

– Глупый, глупый ребенок! Что же мы теперь будем делать? – Она оттолкнула его. – Что мне теперь придется делать?

Она дала ему пощечину. Он не реагировал. Она шлепнула его еще раз.

– Я пытался, но ничего не вышло.

– Что же нам теперь делать?..

Пощечины сыпались одна за другой, все более яростные и сильные, но и беспорядочные – более частые, но менее болезненные. Она раз за разом повторяла одну и ту же фразу, выпуская слово то тут, то там, пока не осталось только «Что?..», которое она произносила снова и снова.

Из другого угла комнаты раздался кашель.

– Ну вот! Ты его разбудил! Что, если кто-нибудь войдет?

– Я пригляжу за ним.

Натан отодвинул простыню и протиснулся в темноту, куда не проникал свет от очага. Здесь все было скрыто тенью – заменявшие мебель ломаные поддоны, подобранные в Конюшенных рядах ломаные лампы, кучи распоротых тряпок, ожидавших, пока их сошьют заново. Натан стоял в темноте, стараясь дышать потише, чтобы расслышать ритмичное сипение, которое бы означало, что его отец по-прежнему спит. Он стоял не шевелясь, прикрыв глаза и вслушиваясь изо всех сил, в надежде что-нибудь различить.

Сначала все было тихо, но потом послышался звук какой-то возни, шуршание, скрип деревянных досок, на которых лежал матрас. Натан взял с верхушки перевернутой коробки свечной огарок и зажег его.

Отец стоял на четвереньках в постели, его сорочка отвисла, зияя отверстием ворота, простыня сбилась комками. Сперва Натан подумал, что он отдыхает, набираясь сил для тяжелой работы по слезанию с кровати, но затем увидел, как натянута кожа его рук на костяшках пальцев – сухожилия проступили полосами, так крепко он вцепился в матрас. На глазах Натана краснота разлилась по лицу его отца и дальше вниз, по шее, где под кожей тоже натянулись стальные жилы. Его рот был полуоткрыт, как у зайки, который тщетно пытается что-то сказать; нижняя челюсть дрожала от напряжения. На несколько секунд он раскрыл глаза, выкаченные и налитые кровью, но тут же снова закрыл их, так ни на что и не посмотрев, словно боялся, что от этого они могут лопнуть.

Он передвинулся на несколько дюймов, так что теперь его руки сжимали край матраса. Раздался звук. Сначала очень тихий, и Натан даже понадеялся, что звук исходит из его собственного тела, а не из отцовского: сипящее, пузырящееся, натужное исхождение воздуха, словно воздушный шар сдувался через проколотое крохотное, почти не существующее отверстие. Отцовский рот широко раскрылся, кожа на губах натянулась и побелела так же, как и на костяшках, на лбу, на проявившихся сквозь кожу костях черепа.

Он пытался выкашлять червя – но уже очень скоро ему будет нужно снова вдохнуть.

Натан подошел к отцу, как всегда не зная, чем ему помочь. Ему хотелось похлопать отца между лопатками, но тот казался таким хрупким, его ломкий хребет так явственно выпирал сквозь заношенную ночную сорочку, кожа выглядела настолько тонкой, что он не осмелился. Вместо этого он просто положил туда ладонь и мягко потер, словно это могло хоть что-то изменить. Отец наклонил голову, бессильно опустил на кровать, словно получив позволение сдаться, и в его гортань со свистом ворвался поток воздуха – который, впрочем, немедленно был исторгнут обратно с приступом мучительного кашля, исходившего откуда-то из глубины живота и сотрясавшего его, как пес трясет зажатую в зубах крысу.

Натан пытался утихомирить содрогания отца, но тот оттолкнул его и, невзирая на продолжающийся кашель, вновь поднялся на четвереньки – и все началось заново, вот только на этот раз с его трясущейся нижней губы свисала тоненькая струйка слюны. Он задрал вверх заднюю часть тела, выпрямил ноги, обеспечивая себе упор против того, с чем боролся внутри себя, и сипящий, kloкочущий, натужный звук раздался снова, уже громче. Теперь к нему доба-

вилось рычание – упрямое, гневное. Отец впился пальцами в матрас так, что тот лопнул, и в его кулаках оказались комки серовато-черной набивки. Его рот был раззявлен, жилы на шее натянуты, кошмарный звук становился все громче и громче...

Вскоре он уже выгнулся над кроватью дугой, только что не сложившись пополам; его ноги распрямились полностью, жилы дрожали, как натянутая тетива. Звук превратился в жуткое клокотание, словно он пытался выдавить через рот собственные внутренности. Натан отступил на шаг и, к своему стыду, был вынужден заткнуть пальцами уши: он не мог себя заставить это слушать. Когда, несмотря на пальцы, звук все равно проник внутрь, он принялся мычать (не какую-то определенную мелодию, он не мог сейчас вспомнить ни одной), и если бы мычанием он мог ослепить себя, то сделал бы и это, однако он не мог перестать смотреть. Слишком много страха, слишком много любви...

Натан смотрел и мычал во весь голос, параллельно мыча мысленно у себя в голове, чтобы изгнать из памяти саму память об этом звуке. Внезапно его отец застыл еще больше – больше, чем можно себе представить; стал абсолютно неподвижным, словно обратившись в камень. Через его нижнюю губу скользнул маленький, тонкий, черный легочный червь, длинной с фалангу пальца. Извиваясь, он упал на простыню перед отцом Натана, который тут же рухнул на кровать бесформенной кучей, словно марионетка, которой перерезали нитки. Натан бросился вперед и подобрал червя, зажав двумя пальцами.

Возле постели стояла эмалированная жестяная миска, похожая на перевернутый шлем. Натан кинул в нее червя. Миска была полна на две трети – копошащаяся черная масса, сотни блестящих извивающихся тел. Натан взял миску и вытряхнул содержимое в Живую Грязь, встретившую червей бешеными всплесками.

– Ты в порядке, па? – спросил Натан, но отец то ли спал, то ли был без сознания.

– Ему нужно лекарство.

Мать стояла за его плечом.

– Знаю. У нас есть хлеб?

– Осталась одна корка, и это все.

– Где?

Мать вытащила хлеб из деревянного ларца с защелкой, куда прятала съестное от палтусов. Натан взял корку и подошел к отцу. Он опустился на колени возле постели. Хлеб был твердым, сухим, словно наждак, таким же шершавым (вероятно, опилок в нем было не меньше, чем муки) и совсем без запаха. Натан разломил кусок пополам: посередине мякиш был получше, и он выковырял оттуда немного, скатав в шарик.

– Папа, – шепнул он.

Ответа не было.

– Папа, – повторил Натан.

Лицо отца было неподвижным, лишь колышущиеся тени от свечи создавали впечатление движения. Его губы были раздвинуты, будто бы в улыбке, однако запавшие глаза и глубокие морщины, врезавшиеся в кожу вокруг, утверждали обратное. Натан поднес хлебный катышек к его лицу.

– Папа, тебе надо поесть.

– Оставь его. Он спит.

– Он же не может есть во сне, верно?

– И когда выкашливает червей, тоже не может, верно?

– Ему надо поесть. Папа! Просыпайся!

Но отец не просыпался. Он продолжал лежать абсолютно неподвижно. Натан поднес шарик к собственным губам, взял в рот, немного пожевал. Потом вынул – теперь хлеб стал мягче, словно размокшая бумага. Он снова поднес его к губам отца, протолкнул внутрь.

– Папа! Постарайся это проглотить.

– Он не может. Он не шевелится.

– Папа?..

– Его уже нет, правильно?

– Папа!

Встревоженный, Натан протолкнул хлеб еще дальше, до зубов. Неужели отец действительно умер? Он взял отца за челюсть, принялся двигать ею, совершая жевательные движения.

Отец рывком поднялся и вцепился в его руку, пронзая его воспаленным взглядом:

– Никогда... Натан... Никогда не делай этого!

Его дыхание было кислым; от него пахло червями, как от кишасшего личинками сырого мяса. Натан попытался высвободиться, но костяные пальцы отца крепко вцепились в его запястья, держа их мертвой хваткой.

– Лучше умереть... Лучше совсем пропасть, чем использовать эту силу! Ты уже большой... Ты понимаешь меня, сынок?

Натан энергично закивал, не столько соглашаясь, сколько из желания закончить все это, дать отцу то, что он хочет, чтобы он снова лег. Но отец не ложился. Как Натан ни отодвигался, отец дюйм за дюймом подтаскивал себя следом, так что это ужасное, обтянутое пергаментной кожей лицо по-прежнему оставалось перед ним, а воняющее смертью дыхание продолжало обжигать щеки.

– Она развратит тебя... Погубит тебя... Под конец ты сам начнешь губить то, что любишь... не зная. Не зная и наслаждаясь! Ты понимаешь, Натан, дорогой мой мальчик? Понимаешь, о чем я говорю? Я буду тебе помогать, пока я жив... Сдерживать эту силу, держать ее в себе, пока могу... Но ты должен стать сильным. Потому что, когда я умру...

Приступ кашля накатил на него волной, начавшись от поясницы и пройдясь по всем костям, с хрустом, словно купец, разминающий пальцы. Только теперь отец ослабил хватку и принялся шарить в поисках ножки стула, доски – чего угодно, за что можно схватиться. Натан отпрыгнул назад, так что, когда он снова согнулся пополам, Натан уже спрятался за мать.

– Ему нужно лекарство. Я пойду.

Она схватила его, пытаясь удержать, но Натан вывернулся из ее рук.

Х

Он бежал, оскальзываясь среди луж Грязи и куч копящегося мусора. Если мать и кричала ему вслед, ее голос затерялся в реве волн, обрушивающихся на волнолом. В осклизлых ботинках с изношенными до блеска подошвами было трудно бежать, но мысль об отце подстегивала его. Каждый раз, когда Натан падал, его раз за разом поднимала мысль о прикосновении этих иссохших пальцев. К тому времени, когда он наконец остановился, колени его штанов были насквозь мокрыми, а черные от грязи ладони кровоточили.

Хватая ртом воздух, Натан позволил себе бросить взгляд назад. Ничего особенного, просто незнакомая местность: чужие хибары, обвешанные рыбачьими лесками и украшенные ракушками. Конечно же, он достанет лекарство... Однако теперь помимо измотанности он ощущал и кое-что другое: облегчение. Оказаться вдали от него. Вдали от всего этого.

Натан вдохнул полной грудью.

Из Живой Грязи выползла тварь (наполовину жаба, наполовину мышь) с волочащимися позади внутренностями и тупо мигающим глазом, уставленным на Натана. Хотя у нее не было рта, тварь явно тянуло к его плоти, она ковыляла к нему, хотя, если бы ей удалось до него добраться, она бы не знала, что делать дальше. Мертвожизнь – бессмысленная, трагически бесполезная. Вокруг твари кишки улейки, словно она была их царицей. Взмахом хвоста – если это был хвост, а не торчащий наружу конец позвоночника, – тварь прихлопнула нескольких из них, не отрывая взгляда от Натана.

В том, чтобы оказаться в месте, которого не знаешь, есть что-то одновременно пугающее и дающее свободу. Пока ты находишься где-то у себя, ты в безопасности, даже если тебе очень плохо; стоит удалиться от этого места, как безопасности нет и в помине, но вместе с ней нет и обязательств... Ты можешь стать совершенно другим человеком в совершенно другом окружении.

Натан двинулся дальше. Он поплевал на ладони, обтер их о рубашку, подул на обнажившуюся содранную, саднящую кожу.

Конечно же, он достанет деньги и купит лекарство, но... «Не используй»... «Лучше умереть»... Отцу-то легко говорить! Он и так уже в шаге от смерти, ему все равно. А как быть с мамой? И ее «благородными посетителями»? Ей что, теперь мириться со всем этим из-за того, что отец сдался? И Натану тоже мириться?

Палтус продолжал ковылять следом, хрипло каркая, словно огненный птенец. Натан остановился.

В нем набухал Зуд. Но ведь Зуд был в нем всегда, не так ли?

Натан позволил ощущению распространиться – стремительно, словно растущий гнев, словно растущий голод. «Берегись»... Да что отец может знать про это? Что он вообще понимает? Лежит в постели, обливаясь потом, день за днем, в своей ночной сорочке...

Конечно, он достанет лекарство, нечего и говорить, но у них в доме нет еды, нет топлива для очага, нет даже воды. Мертвоживые недопалтусы колотятся в доски... Болезнь... Разве не должен он позаботиться и обо всем этом тоже?

К тому же Натану теперь было тринадцать; он мог принимать собственные решения.

Когда Зуд достиг нужной силы, Натан опустился на колени и протянул ладонь. Почувствовав его близость, палтус заковылял быстрее, отчаянно брыкаясь в спешке, отдаленно напоминающей бег.

Натан Почесал, намереваясь убить тварь, теперь же вернуть ее в Живую Грязь, покончить с ее мучениями, предпринять хоть какое-то решительное действие с ясным исходом... Однако, когда Искра соприкоснулась с плотью палтуса, тот резко взметнулся, забился в судорогах, но

не умер. Вместо этого он стал крысой – красноглазой желтозубой крысицей, которая прыгнула на Натана и вцепилась зубами в мякоть его руки между большим и указательным пальцами.

Схватив новосотворенную крысу, Натан оторвал ее от своего тела и зашвырнул так далеко, как только мог, в глубину трущоб, где та пропала, погребенная в темноте.

XI

Он принялся подниматься зигзагом по склону горы, возвращаясь, когда впереди оказывался тупик или пылающий костер, и обходя их вокруг, где это было возможно, не переставая сосать ранку на руке. Вдоль одного отрезка дороги – фактически это был всего лишь проход между двумя наваленными друг напротив друга мусорными кучами по пояс высотой – кто-то воткнул на равных промежутках перья огненных птиц. Наползая на них, Живая Грязь съеживалась и дымилась, тускло отсвечивая красным. Натан оглянулся туда, где остались его родители, сжал зубы и без остановки зашагал дальше.

Через какое-то время впереди показался Торговый Конец, граница которого была обозначена каменными стенами и мощеными дорожками. Натан был уже достаточно высоко, чтобы видеть перед собой, как на ладони, все трущобы, позади них – Морскую стену, а за ней – иссеченное волнами море.

Выше по склону находилась никем не охраняемая калитка. Натан оглядел ее, но прошел мимо, засунув руки в карманы и наклонив голову. Сторожей нигде не было видно – без сомнения, они отправились навестить маму еще какого-нибудь несчастного мальчонки или же обслуживали какую-нибудь купчиху с невзыскательным вкусом. Поблизости был лишь старик метельщик, слишком дряхлый для такой работы: волосы на его голове были такими же редкими, как щетина на его метле, а руки не толще рукояти, которую они держали. Собрав все оставшиеся силы, он пытался согнать Живую Грязь и заблудшую мертвожизнь обратно в трущобы; впрочем, силы вскоре иссякли, и он, стеною, скрылся в лабиринте узких улочек наверху.

Натан тотчас же повернул обратно. Какое право имеет его отец (сам-то не больше чем мешок с костями!) решать, что Натан должен делать дальше? Может быть, он бы предпочел, чтобы Натан вычернил себе глаза? Этого никогда не будет!

Этого не будет никогда.

Хватит!

Подойдя к калитке, Натан накрыл замок обеими ладонями, словно защищая от ветра зажженную спичку, и сосредоточился. Теперь это было сложнее, поскольку на уме была крыса, но вполне возможно. Очистив мысли, он вдохнул, проникая внутрь собственной головы, вниз по глотке, в легкие, потом в живот...

Там ничего не было – поначалу. Как будто крыса лишила его горючего. Однако малопомалу Искра снова начала разгораться в нем. Он подстегивал ее, чувствуя ее физическое присутствие: как она кружит там, словно тяжелый шарик внутри стального барабана, поднимаясь вверх, к грудной клетке. Натан побуждал ее двигаться быстрее, и Искра вновь набралась силы, колотясь между стенками его гортани пуще прежнего. Сквозь его кожу и редкую ткань одежды пробивалось свечение. Он напряг мышцы груди, так что они распрямились вдоль ребер, вынуждая Искру войти в кости и пройти по всей длине рук.

Сжав ими замок, Натан обратил свое внимание на металл. Он попытался Почесать, но Искра не принималась – в точности как огонь, не желающий переходить на сырую растопку. Затем, непрошеное, перед ним возникло лицо отца: брови запретно хмурятся, палец помахивает из стороны в сторону.

Тоже сдвинув брови, Натан сосредоточился, как только мог – представил себе «благодородных посетителей», мертвожизнь, материнское лицо, обратившегося в крысу палтуса... Искра бешено вспыхнула, осветив все трещинки на улице, известку между кирпичами, сварные швы на металлической решетке, обнажая все скрытые детали этого места. Напрягшись, он Почесал снова – и послал Искру вниз, через покалывающие предплечья, через ладонь, горящую в месте укуса, внутрь замка.

Там, в глубине, металл хотел быть живым. Он начал перестраиваться, как делает Живая Грязь, принимая подобие примитивного существа – такого, каким мог бы стать замок, если бы он был животным: вращающееся, пощелкивающее тело, состоящее из шестерней и цилиндров. Натан чувствовал, как оно начинает дышать. Искра жгла кожу; в месте укуса это чувствовалось сильнее всего. Болезненная поверхность раны принялась корчиться, вспухать, затем – к его ужасу – чернеть...

Ахнув, Натан отдернул руки.

Если бы он смог удерживать их дольше, замок сохранил бы жизнь, но после того, как Искра ушла, металл умер. Там, где прежде он был цельным и крепким, осталась лишь усталость и ржавчина.

Без лишней помпы, словно это было совершенно обыденное явление, замок открылся, и калитка распахнулась. Немного помедлив, чтобы собраться с духом, Натан прошел внутрь, держа за больную руку.

В Торговом конце, в отличие от трущоб, ночью было тихо. Плеск волн превратился в тихое, отдаленное сердцебиение, слышное лишь, когда Натан выходил на улицу, ведущую вниз, к границе трущоб. Дома здесь были прочными, высокими и неприступными; окошки в верхних этажах мягко светились теплым, мерцающим свечным светом, который время от времени заслонялидвигающиеся внутри фигуры. Узкие крутые улочки освещались фонарями: воск и масло горели позади стеклянных стенок (оранжевых, синих, зеленых), словно угасающие маяки. В каждом доме была запертая дверь, на каждой двери виднелись какие-то цифры, имена и узкие щели посередине, окованные сияющей бронзой.

Все звуки, если они и были, раздавались приглушенно. В глубине, за кирпичными стенами, гремели кастрюли и сковородки; если где-то и раздавались крики, то в них звучал вопрос, а не гнев – кто-то, скорее всего сидя перед камином, спрашивал, готова ли еда, или просил принести ему горячего молока, а вовсе не грозил смертью и увечьями. Однако главным образом здесь царила молчаливая луна, заполнявшая и разглаживавшая улицы своим тяжелым бледным сиянием, отражавшимся в каждой поверхности.

Куда подевались красные молнии гибнущих огненных птиц? Где мертвожизнь? Где Живая Грязь? Натан опустил взгляд к своим ногам, полусогнутым на крутом склоне: ни одной улейки на ботинках! За плечом не маячили безликие палтусы, следящие за ним из тени. Улица была чисто выметена, и ее поверхность – камень, крепкий и неподатливый – откликлась на каждый шаг его каблуков стуком, а не скрипом.

Внезапно Натан почувствовал себя уставшим, даже вымотанным. Он присел, прислонясь к теплой стене пекарни, среди пустых мешков из-под муки. Здесь ему было ничуть не менее уютно, чем на полу их лачуги, и к тому же гораздо суше. От проникавшего изнутри тепла печи его одежда просохла до такой степени, какой не бывало на его памяти: дома она была вечно пропитана морскими брызгами, Грязью и дождевой водой.

Когда он проснулся, было уже светло. Улица неподалеку кипела стремительным движением: мужчины и женщины кричали, смеялись, спорили друг с другом под трескучий аккомпанемент кожаных бичей, хлещущих по деревянным рамам паланкинов, которые рысцой несли на плечах носильщики.

Солнце сияло среди безоблачного неба, настолько голубого, что Натан даже не мог придумать названия для этого цвета. Он вытащил из кармана носовой платок, который привык считать голубым, и поднял перед собой: по сравнению с небом тряпица выглядела блеклой, затхлой, в серо-бурых пятнах. Как Натан ни силился, теперь он вообще не мог разглядеть в ней какого-либо цвета – настолько голубым было здесь небо. Словно Бог сошел и убрал с неба всю муть, не оставив ничего, кроме насыщенной голубизны.

Натан обернул носовым платком пораненную руку. Она распухла и болезненно пульсировала – теперь, когда сон покинул его, это ощущалось весьма явственно. Вместе с болью пришло воспоминание о крысе и об отце и о данном им обещании достать лекарство.

Надо раздобыть денег.

Он пошарил взглядом, ища какой-нибудь знак или атрибут, что-нибудь, что говорило бы о каком-либо занятии, подтверждающем его законное право на пребывание в Торговом конце. Поблизости не было ничего, кроме дощатых поддонов и мешков из-под муки. Несколько поддонов было сломано, и Натан разобрал их на отдельные доски, с визгом выдирая гвозди или загибая их вдоль поверхности, чтобы они ни за что не цеплялись. В итоге у него оказалась стопка приблизительно равных по длине кусков. Натан взгромоздил ее на плечо и двинулся, небрежно помахивая свободной рукой. Так он вышел на улицу.

Для незаинтересованного взгляда какого-нибудь носильщика паланкина или купеческих жен, спешащих по своим делам, он мог бы сойти за подручного столяра, отправленного с поручением. Однако если бы его заметил один из стражников, то с полным правом решил бы, что это дело дурно пахнет (воистину, он давненько не мылся), поэтому Натан настороженно поглядывал по сторонам в поисках мундиров и изо всех сил старался выглядеть целеустремленным.

Паланкины двигались главным образом в одном направлении – вверх по склону, так что Натан двинулся туда же, идя плечом к плечу с согбенными носильщиками, на расстоянии плевка от надушенных шелковых занавесей, защищавших купчих от губительных для кожи лучей здешнего нагого солнца. То здесь, то там какие-нибудь два соседних паланкина останавливались бок о бок, и женщины, отдернув занавески, наклонялись одна к другой, чтобы обменяться той или иной информацией непосредственно на ухо, скользя красными губами по коже собеседницы. Ни у одной из них, насколько видел Натан, глаза не были выкрашены черным.

Паланкины собирались на широкой, поросшей травой площадке, где женщины выгружались и усаживались в картинных позах на подстилках и небольших ковриках. Пространство было окружено колоннадой, под сенью которой были расставлены столики торговцев всякой всячиной. Торговцы громко и весело выкликали названия своих товаров от подножия колонн, а над их головами в камне были вырезаны рельефные изображения сцен, которых Натан не мог ни узнать, ни понять: группы каких-то мужчин и женщин, незнакомые символы, выглядевшие таинственно и значительно.

Сидевшие на траве женщины уделяли внимание главным образом друг дружке:

- Как чудесно снова с вами встретиться, милочка!
- Вы сегодня выглядите просто великолепно!
- Мы ведь увидимся с вами на балу?

Все это и множество другого в том же роде говорилось повышенным тоном, порой переходившим в визгливый крик в зависимости от расстояния, которое разделяло говорившую и адресата. Вокруг женщин лавировали мужчины с подносами, предлагая им бокалы с напитками в обмен на монеты, а в оставшихся промежутках сновали мальчишки, собиравшие пустую посуду, чтобы отнести ее для повторного наполнения. Продвигаясь в обход колоннады, Натан понял, что его присутствие становится все более заметным и что доски утратили свою необходимость. Теперь ему нужен был поднос – тогда он смог бы влиться в ряды собирателей пустой посуды и больше не беспокоиться на этот счет.

Он нашел прислоненный к стене поднос возле общественного туалета и без долгих размышлений прихватил его, пока владелец-мальчишка, отвлекшись, стоял к нему спиной. Минуту спустя Натан уже был в толпе, подбирая бокалы, допивая из них последние капли и не переставая шарить глазами в поисках неосторожно выставленного какой-нибудь дамой кошелька.

Игра значительно усложнялась тем, что его постоянно хватили за руки продавцы напитков, видимо считавшие, что цель его существования состоит исключительно в их удобстве. Их

не заботили ни его чувства, ни ограниченная гибкость его суставов: если Натан не делал сознательного усилия, чтобы держаться от них подальше, они подтаскивали его к себе, забирали у него бокалы, а впридачу давали подзатыльник, за его труды. Вскоре он уже не забывал делать пресловутое усилие.

Женщины здесь были самые разные (одни молодые и свежие, с румяными щеками, другие сухие и сморщенные; одни улыбались, сверкая зубками, другие поджимали губы, словно сосали лимон), но, как бы они ни выглядели, все до единой, очевидно, были исполнены решимости не выставлять свои кошельки напоказ. Присаживаясь на корточки, чтобы подобрать с травы их бокалы, он мельком видел их перекрещенные лодыжки, их колени и бедра, стиснутые крепко, как ладони кающегося грешника (по крайней мере, их очертания под платьем). Нигде не было ничего, что можно было бы стибрить. Натан не останавливался ни на секунду, словно блоха на простыне, тотчас же подсакивая, чтобы выхватить бокал, как только из него делался последний глоток, и не переставая шарить взглядом по сторонам. Вот белокурая девчушка в чепчике, с поджатыми ножками; вот старая карга, сморщенная, как кончики пальцев после целого дня рыбалки в Цирке, и такая же бескровная; вот купчиха в соку, с гладкой кожей и бисеринками пота на верхней губе, поигрывает веером... Все они, по его впечатлению, скрывали свои ценности с умением, говорившем о долгой практике.

Когда очередной продавец, выкрутив ему руку, спихнул его с травяной лужайки, Натан остановился и принялся наблюдать. Если у женщин имелись монеты, чтобы платить за напитки, они должны были их где-то держать. Продавец с отнятыми у Натана бокалами отошел к скамье под навесом, где молодой господин со шрамом взял у него собранную на данный момент выручку. Бокалы были выставлены в ряд, чтобы другой человек их протер; потом их вновь наполнили из кувшина, и продавец двинулся обратно.

На его поясе висел раскрытый кошелек, размер которого позволял положить туда не больше пяти мелких монет. Увидев среди женщин потенциальную покупательницу, продавец, расталкивая конкурентов, бросался ее обслужить. Этот конкретный продавец оказался проворным, как хорек: стоило лишь одной из женщин – с длинным изящным подбородком, в красном платье – знаком показать, что она хочет пить, как он тут же оказался перед ней с протянутым подносом. Женщина согнула запястье, запустив пальцы внутрь своего просторного рукава. Когда пальцы вновь вынырнули оттуда, между ними была зажата монета.

Кивнув, Натан вернулся на лужайку.

Он уже собирался снова влиться в толпу, с наполовину сформировавшимся в голове планом, который дорабатывал на ходу, когда ему предоставилась лучшая возможность. В стороне от того места, где разговоры велись наиболее громко и женщины были одеты наиболее ярко, толпа редела и разбредалась. Здесь он увидел поднимающуюся с колен хрупкую особу с костями-спичками, в огромном выцветшем кружевном облачении, похожем больше на шатер, чем на платье, с порыжевшими вставками из белого шелка. Она напоминала престарелую паучиху, накрытую кружевной салфеткой. Более того, старуха явно не понимала, где находится. Она проходила два шага в одном направлении, потом возвращалась на два шага в противоположном, близоруко вглядываясь в окружающее поверх горбатого носа. У нее были маленькие черные глазки-изюминки, вероятно, уже не обладавшие былой зоркостью, чтобы высмотреть своего носильщика.

Натан повидал достаточно, чтобы знать, что тот, кто слаб или глуп и отбился от стада, наиболее уязвим для хищников. Эта наука доставалась ему на ежедневном горьком опыте до тех пор, пока не превратилась из простого знания в то, что он чувствовал костями. Натан, впрочем, прикусил губу, услышав в ветерке, шуршащем многочисленными складками женских платьев, голос отца: «Поступай как надо, Натан. Поступай как надо».

Он в замешательстве потер затылок. Что значит «как надо»? Как надо кому?

Женщина уже сошла с травы на мостовую, вытянув перед собой руки, словно сомнамбула, и направилась к проходу между колоннами. На неровном булыжнике у нее то и дело подворачивались лодыжки. Натан положил поднос на землю. Какой-то собиратель бокалов направился к ней, еще один прошел вплотную с другой стороны, и она инстинктивно схватилась за выпуклость на своем правом запястье, лишь частично скрытую кружевными манжетами. Потыкав туда пальцем в белой кожаной перчатке и убедившись, что все на месте, старуха возобновила свои блуждания, столь же бесцельные, как и прежде.

Теперь или никогда!

Натан небрежной походкой приблизился, не сводя глаз с костлявого запястья, с выпирающего на нем кошелька, не переставая думать об отце – как он выкашливал червей, согнувшись пополам, не менее тощий, чем эта старушенция, но значительно ближе к могиле.

Задача была легче некуда. Он мог себе позволить быть вежливым. Добросердечным. Незачем даже прибегать к Искре.

Он поддержал ее под руку, помогая идти. «Вы потерялись, госпожа? Позвольте, я вам помогу!» Одна ладонь на локте, другая на запястье, направляет ее. Он постарался как можно лучше изобразить отрывистый акцент, с каким некогда говорила его мать.

Старушка не отказалась зайти с ним в тень крытого мясницкого прилавка – красносиние полосы от просвечивающего насквозь тента раскрасили ее бледное пергаментное лицо. Улыбки, подбадривающие фразы; затем, когда больше ничего не оставалось, его пальцы скользнули вдоль двойного прутика ее предплечья, обнажив старческие пятна под рукавом, и мешочек с монетами был сорван с державшей его ленточки.

И Натан пустился наутек.

Несколько секунд он не знал ничего, кроме свиста воздуха в ушах от собственного стремительного движения. Кошелек увесисто лежал в руке, приятно врезаясь в ладонь ребрами толстых монет. Путь впереди был свободен, мостовая шла под гору, через узкие улочки, к готовому его поглотить лабиринту переулков и темных проходов.

Затем пространство сзади прорезал вопль – так мог бы визжать поросенок, видя, как его маму волокут, чтобы разделать на бекон. Не было никакого смысла оглядываться (оглядываются только идиоты; нужно просто продолжать бежать), но вопль был настолько пронзительным, будто Натан сломал этой старушке пару костей. Помимо воли Натан посмотрел назад: она стояла на коленях с протянутой рукой, выставив палец с дрожащим длинным ногтем. Взгляды окружающих обратились на нее; затем, дюйм за дюймом, заскользили вдоль ее руки... Вдоль пальца... Вдоль пляшущего в воздухе ногтя... Через разделявшее их пространство... И уткнулись в Натана, внезапно разучившегося переставлять ноги.

– Держи его! – завопил кто-то (мужчина; носильщик, судя по выговору), и мгновение спустя все ринулись к нему.

Мир, казалось, замедлился, стал вязким. На протяжении бесконечной секунды Натан смотрел, как мужчины отделяются от женщин. Одни стояли, другие поворачивались, третьи роняли подносы, и вскоре тридцать или сорок человек сплотились в одну массу (одну свору), одержимую общим желанием схватить его.

В загустевшем воздухе он медленно повернулся, тщетно пытаясь оттолкнуться скользкими подошвами. Потом под подошвами обнаружился твердый камень, и они были достаточно тонкими, чтобы вдавить пальцы ног в зазоры между булыжниками, что дало ему опору для толчка.

Стоило Натану обрести ее, как он рванул прочь.

Он бежал, опустив голову. Теперь ничто на свете не заставило бы его оглянуться. Пусть он не знал этих узких улочек, втиснутых между высокими островерхими домами, так же хорошо, как знал закоулки трущоб, направление сейчас могло быть только одно: вниз. Вниз с холма Торгового конца. Прочь. Домой!

Как стрела, он летел мимо ювелирных магазинов, мимо стекольных мастерских, мимо торговцев коврами, мимо сотен лавок, доверху заваленных вещами, в которых он никогда не чувствовал надобности, вещами, которые тотчас бы почернели или сгнили в сырости их лачуги. Он лавировал среди женщин с корзинами, где были горой навалены фрукты и хлеб, накрытый льняными полотенцами. Они глазели на него, словно это было какое-то бесплатное развлечение, останавливались с разинутыми ртами, так что его преследователи натыкались на них и были вынуждены притормозить, чтобы не сбить этих глупых куриц с ног.

Когда он подбежал к калитке, погони видно уже не было. Не останавливаясь, Натан схватился за ручку, зная, что замок выжжен Искрой. Сейчас он юркнет в калитку – и окажется в знакомых местах, куда за ним никто не последует, там, где жизнь обитателей Торгового конца ценится согласно стоимости одежды на их плечах, кожи, из которой сшиты их башмаки.

Калитка не открывалась.

Но она должна открыться, ведь механизм замка расплавлен! Вот и отметина от его Искры – гладкие, словно восковые, шарики вспенившегося и застывшего металла...

Пока его не было, кто-то загнал в дырку металлический прут и накрепко приварил. Натан потряс замок, заранее зная, что ничего не добьется.

По другую сторону калитки сидел на корточках трущобный пацаненок: штаны закатаны выше колен, ноги покрыты толстой коркой грязи. Он смотрел, как Натан сражается с замком, глазами настолько же широко раскрытыми, насколько узкими были промежутки между прутьями решетки; он тарашился так, что казалось, будто глаза у него расположены по бокам головы, словно у коровы или овцы.

Откуда-то сзади послышались голоса: несколько человек, вполне добродушно настроенных. Натан попытался сосредоточиться, ощутить внутри себя Искру. Мальчишка поднялся и подошел к калитке, остановившись от нее на расстоянии вытянутой руки. Натан прикрыл глаза. Голоса приближались, но в них не слышалось никакой резкости, словно преследователи махнули на него рукой или вообще говорили о чем-то другом. Он попытался отыскать внутри себя знакомое чувство пустоты – не получилось. Попытался думать о матери...

– Без ключа не откроется, – сказал пацан.

– Тихо.

Тот уселся на землю.

– Тебе просто нужен ключ, вот и все.

– Тихо, я сказал!

Словно повинуясь его приказу, голоса смолкли. Затем зазвучали снова (громче, резче), и все ощущения там, внизу, опять пропали.

– Мама говорила: чтобы открыть дверь, нужен ключ.

– Это он!

Скрипнув зубами, Натан вызвал перед внутренним взором образ матери: с вычерченными сажей глазами, возле очага, в ожидании посетителей... Скрип и пыхтение из-за занавески... Отец, напрягающий все силы, чтобы вымучить из себя червя...

Вот оно! Волоски на его предплечьях зашевелились.

Беллоуз с задранном кверху носом... Поставщик, заносающий кнут... Господин: «Прекрати искрить...»

Он потянулся вниз и положил ладони на металл – и металл задымился в том месте, где к нему прикоснулись пальцы.

Сзади по бульжнику грохали подкованные гвоздями башмаки. Футов пятьдесят? Может быть, ближе.

– Не знаю, что ты там затеял, – проговорил мальчишка, – но мама говорила, что без ключа ее не открыть. Слышишь?

Мальчишка потыкал его пальцем через решетку, и Натан открыл глаза. Детское личико было длинным и узким, глаза лихорадочно блестели.

– Отойди!

– А ты не говори мне, что делать, – отозвался паренек и нарочно придвинулся ближе.

Те тоже были совсем рядом.

Натан ощутил, как внутри набухает Зуд, готовый, чтобы его Почесали. Но что с него толку?

Глаза у парнишки были по-прежнему вытаращены. Слишком широко. Запросто можно выжечь, если вспыхнет Искра. И что тогда? На корм собакам. Или червям. В компост...

Натан вздохнул и убрал руки от калитки. Они бессильно повисли по бокам его тела.

Прежде чем его схватили, Натан швырнул сквозь решетку кошелек с монетами.

– Держи! Отдай это своей маме.

Пацаненок глянул на кошелек и утер губы рукой.

– У меня больше нет мамы, – сообщил он. – Она умерла.

XII

- Короче, все, что мы за него выручим, спустим в курильню. Идет? Без возражений?
 - С какой стати мне возражать?
 - Вот видишь, ты уже возражаешь! В курильню, так?
 - Ну да, но только сперва надо сбить его с рук.
 - Конечно! Сбудем его с рук и свалим. И все, что нам за него дадут, мы спустим в курильню, согласен?
 - А сколько нам за него дадут?
 - Откуда мне знать! Я что, по-твоему, похож на предсказателя? Может, десять монет.
 - Должно хватить.
 - Хватит за глаза! Ну что, где там кошелек?
 - Должен быть где-то у него.
 - Конечно, где-то у него: где же еще ему быть! Я говорю, найди, куда он его запрятал, и забери поскорее.
 - Куда ты запрятал кошелек, погань, а?
- Они тащили Натана, взявшись каждый за одну руку, обратно на холм. Его держали так крепко, что крысиный укус снова принялся болезненно пульсировать. Как Натан ни пытался цепляться ногами за землю, это нисколько не замедляло их продвижение. От них разило, от этой парочки, как разит от ломовых лошадей после целого дня таскания груженных бочками подвод: пряный запах, чуть сладковатый.
- Чужие руки проворно обшарили его рубашку и куртку.
- У меня ничего нет! Я не тот, кто вам нужен!
 - Тот самый, не бойсь. И все у тебя есть – только вот где? Ты ведь не вздумал засунуть его в какое-нибудь гадкое место, а?
- Оба остановились. Тот, что повыше, провел рукой с черными ногтями по рту и подбородку. Тот, что пониже, с отвращением скривил лицо.
- Только не говори, что ты устроил нам такую пакость! Он ведь не устроил нам такую пакость, как ты думаешь?
 - Ну, если не устроил, то где тогда деньги?
 - Нет у меня никаких денег!
 - Слышь, ты, подонок. Деньги у тебя есть. Сказать почему? Потому что мы специально отправились, чтобы тебя найти, и мы тебя нашли, и толпа людей, которые смотрят оттуда, сверху, уже видела, что мы тебя нашли. И если мы тебя нашли, а у тебя не окажется денег...
 - Мы не сможем пойти в курильню?
 - Гораздо хуже, дубина ты стоеросовая! Если мы нашли пацана, значит, мы нашли кошелек, верно? А если мы нашли кошелек, мы должны вернуть его законному владельцу, так? А если мы не возвращаем его законному владельцу – это ж выходит, что мы сами воры, сечешь? То есть, значит, нас же и посадят в кутузку!
 - И тогда мы не сможем пойти в курильню?
 - Понятное дело, не сможем! В курильню, так ее и растак... На виселицу – вот куда мы отправимся! Сечешь? То есть у него просто обязан быть кошелек! У тебя обязан быть кошелек, понимаешь? Ну так где же он?
 - У меня его нет.
- Рука коротышки поднялась ко лбу; он потер виски кончиками пальцев с такой силой, что на коже остались красные следы.
- Я даже не знаю, как еще попонятнее тебе объяснить...
 - Может, все же глянуть сзади? – Длинный начал заходить к нему за спину.

– Честное слово, у меня его нет. Ищите сколько хотите. Я отдал его парнишке с той стороны.

– Сообщник?! Ох, боже мой... В такое они никогда не поверят. Никогда! Они не особенно высокого мнения о трущобной мрази вроде тебя. Не учитывают вашу сообразительность. Недооценивают, как крыс. Или тараканов... А мы-то что? Мы и сами недалеко ушли. Если дело дойдет до судьи, то нас всех моментально вздернут... О боже! Так я и знал! Надо было сидеть и не рыпаться...

– Так, значит, мы не пойдем в курильню?

– Да заткнись ты со своей треклятой курильней!

Пока они препирались, Натан потянулся вниз в поисках Зуда. Крысиный укус болел, к тому же его держали так крепко, что было трудно почувствовать что-то еще, но он был уверен, что сможет найти искомое, если только ему позволят сосредоточиться.

Однако вышло так, что это не понадобилось.

– Господа! Кажется, вы попали в затруднительное положение?

Это был Гэм Хэллидей. Он стоял, прислонясь к углу дома, не больше чем в десяти футах от них. Было трудно сказать, откуда он появился: с таким же успехом он мог вылупиться непосредственно из стены за своей спиной. Натан недоверчиво потряс головой.

– Тебе еще чего надо? – спросил тот из похитителей, что был повыше.

Гэм широко улыбнулся.

– Чего мне надо, так это чтобы вы, двое таких выдающихся джентльменов, отпустили моего друга к его товарищам по играм, которые его давно заждались. Я понятно изъясняюсь?

– Парнишка, его игры закончились. Мы ведем его туда, где его вздернут, так что никакие игры ему больше не светят. Разве что, честно сказать, вполне возможно, что кто-нибудь захочет поиграть с ним, прежде чем избавить его от страданий.

Гэм поджал губы и шагнул вперед – небрежно, не спеша, с видом полного безразличия.

– Это вряд ли, – проговорил он. – Ну так как насчет того, чтобы его отпустить?

– Нет, – ответили оба, в унисон, и повернулись к нему спиной.

– Вы, ребята, конечно, как хотите, но я бы сказал, что шансы у вас неважные.

Они обернулись снова, и выражение их лиц показывало, что если они терпели Гэма до этого, то сейчас их терпение истощилось.

– Сгинь, парень, нам своих забот хватает. Последнее, что нам нужно, – это чтобы какой-то трущобный подонок лез в наши дела.

– Вот здесь вы абсолютно не правы! Я как раз тот трущобный подонок, который вам сейчас больше всего нужен.

– О чем это он?

– Позвольте, я объясню вам понятнее – и лучше бы вы, господа, постарались побыстрее уловить суть, поскольку я уверен, что, хотя эти мымры там, наверху, и выглядят так, будто из них песок сыплется, мозги у них еще не совсем сохлись, так что очень скоро они заподозрят неладное, и тогда нам всем крышка. Как мне видится, для вас есть только один выход из сложившейся ситуации: вы дадите себя порезать и отпускаете моего паренька на свободу.

– Чего?

– Что-то я не пойму, что он такое болтает.

– Все еще недостаточно понятно? Если вы оставите паренька себе, вас вздернут как соучастников кражи, когда обнаружится, что кошелек нет. Если вы его просто отпустите, вас вздернут как соучастников кражи, поскольку он украл кошелек, а вы позволили ему уйти. Но! Если вы согласитесь подвергнуться паре взмахов моего парикмахерского орудия, то, после того как вас зашьют, вы будете свободны отправляться на все четыре стороны. Итак, что выбираете?

Двое глядели на него, слегка приоткрыв рты, словно он был каким-то эзотерическим проповедником или говорил на нечеловеческом языке. Гэм вздохнул – и одним широким взма-

хом бритвы прочертил дугу через оба их лица, так что их рты стали немного шире, а полукруг мостовой в паре футов перед ними – немного краснее.

Он схватил Натана за руку.

– Пусть не говорят, что я их не предупреждал. Пойдем!

Тот не стал мешкать. Он снова кинулся бежать, плечом к плечу с Гэмом, напрямик туда, откуда его приволокли.

– Ты мог их убить!

– Чепуха.

Натан, как и прежде, устремился к калитке, но у Гэма был другой план. Когда до калитки оставалось еще футов пятьдесят, он вдруг затащил Натана в проулок, шедший вдоль задов торговых лавок, до пояса забитый пустой тарой и кучами отходов. Они добежали до середины, и тут Гэм куда-то делся. Натан резко затормозил и воззрился на то место, где Гэм только что был. Пусто!

Потом на уровне земли возникла Гэмова голова.

– Ну, чего ты ждешь? Давай спускайся, пока тебя не прихватили. Я же не могу перерезать всех в городе, верно?

Гэм выглядывал из окованного металлом квадратного отверстия в булыжной мостовой, едва достаточного, чтобы Натан мог в него проскользнуть. Видя, что Натан медлит с выполнением того, что ему было сказано, Гэм ухватил его за лодыжку и потащил к себе.

– Да что это сегодня со всеми? Я что, так непонятно говорю?

ХІІІ

Железные скобы лестницы проржавели насквозь, так что руки Натана, когда он добрался до дна, были красными. Он размотал носовой платок, бросил один взгляд на крысиный укус – и поспешно замотал обратно. Лучше, чтобы рана была защищена. Он попытался обтереть другую руку об штаны, но от этого ржавчина, казалось, только сильнее въелась в кожу, вместо того чтобы сойти с нее.

Теперь, когда крышка люка над ними была закрыта, он наконец повернулся к Гэму:

– Что ты вообще здесь делаешь? Ты все время крутишься поблизости. Ты следишь за мной или что?

Надвинув козырек кепки на глаза, Гэм подобрал загодя оставленный здесь масляный светильник и улыбнулся:

– Думаешь, ты такой неотразимый, что я шныряю в тени, дожидаясь случая взглянуть на твою тощую задницу? Ну то есть в данном случае ответ утвердительный: я действительно слежу за тобой. Я слежу за тобой уже не первую неделю. К твоему счастью.

Натан был готов в негодовании броситься прочь, но куда ему было идти?

Они стояли на краю широкого подземного канала, который протекал под сводом из позеленевших кирпичей, поблескивавших и шевелившихся в неровном свете Гэмовой лампы. Помимо дождевой воды в канале текло много всякой дряни: помои со скотобоен, стоки из кожевенных мастерских, какая-то мерзкая пена бог знает какого происхождения. Все это сливалось в один тошнотворный поток, в котором, словно всего этого было недостаточно, кишела мертвожизнь самого отвратительного сорта: бессмысленные, бесполезные, поганые твари, какие только и водятся среди подобной мерзости. То одна, то другая на несколько мгновений вылезала на какую-нибудь палку или плывущее перо огненной птицы и застывала там, прежде чем вновь раствориться среди пузырей гнойной слизи. Зловоние стояло такое, что Натан втянул губы и прикусил их зубами, дыша самыми уголками рта через покрытую ржавчиной ладонь, пальцами которой одновременно зажимал ноздри. Привкус железа был едва различим: не более чем слабая нотка в весьма ярком и выраженном букете.

Гэм улыбнулся:

– Привыкнешь. Я тоже, когда впервые сюда попал, думал, что этот запах просачивается сквозь кожу, таким он казался крепким. А теперь? – Он вдохнул полной грудью, словно стоял в гуще предраассветного тумана. – Я едва его замечаю! Прямо скажем, я нынче вообще почти не чувствую запахов. Да и вкусов тоже. Пошли!

– Брось, Гэм. Оставь меня в покое.

– Нет, Натан, я не оставлю тебя в покое. Я буду тебя преследовать, я буду ходить за тобой повсюду – до тех пор, пока ты не вступишь в мою шайку. А если ты не вступишь в мою шайку, я все равно буду за тобой ходить.

Гэм двинулся прочь, и Натан, бросив короткий взгляд обратно, на ведущую вверх лестницу, пошел следом.

– Но почему? Ты мог бы выбрать любого из сотни других ребят!

Не останавливаясь, Гэм ответил через плечо:

– Таких, как ты, Натан, больше нигде нет.

Канал был около тридцати футов в ширину, с обеих его сторон имелось пространство еще футов в десять. Несмотря на отвратительное содержимое потока, на его берегах не было Живой Грязи – возможно, ее смыло дождем. Немногочисленные крысы под ноги не лезли, а лишь ныряли в канале и высывались из нор по щелям стен. Гэм шагал, далеко выбрасывая ноги, его локти торчали в стороны, большой палец одной руки был заткнут в карман жилета. Натан с трудом поспевал за ним.

– Так это здесь твое убежище?

– Что?! Ты, должно быть, считаешь меня настоящим подонком – а в твоих устах, Натти, это звучит как двойное оскорбление! Нет, это всего лишь проход, удобный способ передвигаться по городу, не привлекая к себе внимания. Конечно же, я никогда бы не стал обустроиваться здесь жить! К тому же во время дождя вода заполняет канал с такой быстротой, что нас смыло бы в течение нескольких секунд. Нет уж, Натти, дружище, банда Гэма живет в гораздо более качественных условиях!

– Где же это?

– Скоро увидишь, если пойдешь со мной. Впрочем, ты, если не заинтересован (а это, судя по нашим предыдущим разговорам, именно так), можешь, конечно, продолжать двигаться вдоль главного туннеля. И обнаружишь, что он выходит на поверхность среди грязи в какой-то сотне ярдов от твоей хибары в трущобах. Небольшая пробежка, и ты вновь окажешься в любящих объятиях своей матушки. Разумеется, при условии, что ее любящие объятия не будут заняты кем-нибудь другим.

На стене не было никакого видимого знака, но тем не менее Гэм внезапно остановился и провел кончиком пальца вдоль какой-то линии.

– Или ты можешь идти со мной. Твой выбор.

Найдя нужное место, чем бы оно ни было, Гэм нажал на него. Один из кирпичей плавно, словно смазанный жиром, ушел в глубину. Гэм просунул руку в открывшееся отверстие, пошарил внутри – и в стене перед ним отворилась со щелчком дверь.

– Вуаля!

За дверью обнаружилось тесное пространство, едва достаточное, чтобы оба мальчика могли встать плечом к плечу; им пришлось потесниться, чтобы снова закрыть дверь. Новый щелчок – и часть пола отодвинулась, открыв спиральную лестницу, витками уходившую в глубь земли.

– Милости прошу!

Натан поглядел вниз, но не тронулся с места.

– Давай, не дрейфь! Едва ли я стал бы тратить усилия на твое спасение, если бы задумывал против тебя какую-нибудь пакость, верно?

Внизу было темно. Пройдя один поворот, Натан был вынужден втянуть голову в плечи и слегка наклониться в сторону, чтобы не удариться. Камни были сырыми и источали слабый запах, напоминавший о гробницах и монастырях. Поверхность под его ногами и пальцами (порой она касалась и его щеки) была шероховатой, словно мелкий наждак, и слегка осыпалась от прикосновения. Неудивительно, что и ступени были истерты, встречая каждый его шаг глубокой впадиной. Если бы пространство не было таким тесным и он постоянно не упирался бы в стены рукой, плечом, локтем или коленом, Натан, наверное, оступился бы и упал.

– Далеко еще до низа?

– А что? Боишься навеки остаться здесь, в этом каменном гробу? Где ни вздохнуть, ни шевельнуться? Успокойся, мой маленький нежный цветок, мы выберемся отсюда так скоро, что ты и заметить не успеешь.

Гэм не соврал: всего лишь через несколько шагов они вышли в широкий коридор.

Если спиральная лестница была просто вырублена в песчанике, то здесь все было устлано коврами и подсвечено панелями из светящегося камня, вделанными в стены. От сырости ковры были все в темных пятнах, и в воздухе висел затхлый запах, однако все же это были ковры, и к тому же довольно чистые. В верхней части стены были подвешены на специальной штанге ряды картин – написанные маслом, в шелушащихся золоченых рамах, они изображали мужчин с серьезными лицами, в застегнутых на все пуговицы форменных сюртуках. Более разнородной коллекции лиц нельзя было себе представить: усатые, бородатые, одни с гладкими щеками и карими глазами, другие с расплюснутым носом и свисающими брылями, третьи совсем юные,

свежие и белокурые – но все носили одинаковые глянцево-черные мундиры и держали в руках трости, увенчанные козлиными рогами.

– Симпатичные ребята, да?

– Кто они?

– Члены привилегированного клуба. Здесь была их штаб-квартира.

– Что ж это был за клуб, которому вздумалось устраивать штаб-квартиру в таком месте?

– Хороший вопрос, малыш Тривз! Пойдем. Тут легко идти, но только не отставай: там, внизу, настоящий лабиринт.

Повсюду были стилизованные изображения бараньего рога – на картинах, в узорах обоев, в резных украшениях на каждом выступающем углу; они повторялись снова и снова, и в конце концов глаз настолько к ним привыкал, что выхватывал лишь отдельные формы (изгиб, виток, полуспираль), отраженные, сдвоенные, повторяющиеся. Тот же узор прослеживался и в линиях ковра, сбегавшего вниз по центру лестницы и продолжавшегося в более широком пространстве холла, куда выходили три двери. Над средней из них была прикреплена голова настоящего барана – а точнее, ее чучело; потрескавшиеся, выцветшие рога то заливала тень, то вновь озарял свет от пламени факелов, хлопающего на сквозняке из подземного туннеля.

– Эта заперта, – сообщил Гэм. – Сколько мы с ней ни возились, ее никак не открыть.

Подойдя к левой двери, он повернул бронзовую ручку в виде черепа. Дверь распахнулась. Тотчас же в холл ворвался аромат жарящегося бекона и звуки разговаривающих, смеющихся голосов.

– Кушать подано!

XIV

Стены комнаты были почти целиком заняты полками с книгами. Там, где книг не было, виднелись какие-то трубы, лестницы, дымоходы, масляные светильники – все, что делало это место пригодным для жизни. С какой стати кому-то понадобилось уделять столько внимания книгам, Натан не мог даже предположить. А может быть, книги и соорудили это место и теперь жили здесь, в своем упорядоченном, уединенном мире, глубоко под реками нечистот, текущими наверху? Гэм, шедший впереди Натана, остановился и принялся вытаскивать наугад том за томом, нарушая их покой, пока у него не образовалась стопка, доходившая до подбородка.

– Надо заниматься самообразованием, – пояснил он и двинулся к огню.

Перед камином стояло кресло с высокой спинкой, обтянутое красной кожей и усеянное гвоздями с широкими шляпками, возле которого располагался столик с настольной лампой. Свалив книги на столик в общую кучу, предназначенную для прочтения, он подобрал две, что валялись на сиденье.

– Я никогда их не жгу, пока не дочитаю, – сообщил Гэм, швыряя ненужные более книги в камин.

Перед огнем грелись двое. Один был Натану незнаком, а вот девочку он узнал. Щетина, пробивавшаяся на ее выбритой голове, теперь была по большей части упрятана под чепчик, но это была она – та девчушка, что так крепко цеплялась за него в особняке Господина. Поднявшись с места, она взялась за длинную ручку огромной сковороды, пристроенной на импровизированной плите – чугунной каминной решетке, закрепленной между двумя каменными горгульями. Языки пламени, треща и плюясь, плясали над горящими книгами и лакированными ножками стульев. Ухватившись обеими руками за рукоять и уперев локти в бедра, девочка подняла сковороду, пронесла столько шагов, сколько осмелилась, и шмякнула посреди длинного читального стола, занимавшего большую часть комнаты. С шипением и шкворчанием раскаленный металл встретился с полированной поверхностью, выжигая на ней идеальный белый круг рядом с бесчисленным множеством таких же.

– В следующий раз твоя очередь, – заявила она Гэму.

Ухватив ногтями кусок бекона, она прошла с ним к другому красному продавленному кожаному креслу.

– Ешь, Натан. У тебя вид, как у того осла, которого моя сестра продала на клей, – добавила она.

Натан взял кусок бекона с дюймовой полоской жира на одном конце, подняв за толстый белый волос, вонзил в него зубы и принялся жевать – не откусывая, но дюйм за дюймом затягивая в рот и перемалывая зубами. Мясо было таким жестким, что могло бы встать поперек горла бродячему псу, однако Натан продолжал упрямо жевать, причмокивая и всасывая текущий сок.

– Я Присси, – представилась девчушка и протянула ему руку.

Натан замялся, не зная, что должен с ней делать (подержать, погладить, поцеловать), однако, пока он обтирал свою ладонь от жира и успокаивал вспыхнувшую боль от крысиного укуса, было уже поздно: девочка убрала свою руку и сделала неприличный жест.

– Долго копаешься, – сказала она.

От второго (Натан так и не определил, мальчик это или девочка: в свете камина черты постоянно менялись от одного к другому) Натан услышал:

– Не бери в голову. Она просто дразнится. Тебя зовут Натан, верно? А нас – Джо¹. Если вступишь в банду, мы покажем тебе секретное рукопожатие.

¹ В оригинале Joes, то есть в одном имени скрыты Джо и Джо. (Прим. ред.)

Джо были поджарыми и беспокойными, веки их глаз трепетали, словно крылья бабочки. Проглотив остатки бекона, Натан посмотрел на Присси, потом снова перевел взгляд на Джо.

– Похоже, теперь я обязан вступить. Я в долгу у Гэма.

– О-хо! – воскликнул Гэм, поднимая глаза от книжки. – Поворот налево кругом! Давно пора. Может, выпьем по такому случаю? Тут нет воды, только вино.

Он передал Натану бутылку – зеленую, с пылью на плечах. На этикетке была все та же баранья голова и надпись, которой Натан не смог прочесть.

– И что, это все? Это вся твоя шайка?

Все трое обменялись взглядами. Молчание прервал Гэм:

– А сколько нам нужно, по-твоему?

– По-моему, вам нужен еще один, – отозвался Натан.

Присси поглядела на Джо; Джо посмотрели на Гэма. Один лишь Гэм улыбался во весь рот.

– Вот это я понимаю! – воскликнул он.

– Но у меня есть одно условие. Моему отцу нужно лекарство, и как можно скорее. Мы должны его раздобыть.

Гэм кивнул:

– Лекарство будет нашей следующей задачей. Все по-честному. Правда, прямо сейчас не получится: в Торговом конце все небось до сих пор стоят на ушах. Но мы вернемся попозже, когда они успокоятся, и провернем это дельце. Ты еще не знаешь, Натан, насколько все легко, когда у тебя есть друзья и когда эти друзья знают свою работу!

Библиотека была гигантской. Из помещения, в котором они находились, были проходы в несколько других, заставленных бесконечными шкафами со стеклянными дверцами (впрочем, все были разбиты), и хотя ребята не стесняясь брали книги для чтения на растопку и вместо дров, собрание оставалось практически нетронутым. Вдоль одной стены были расставлены синие книги, пронумерованные по порядку, вдоль другой располагались красные; но по большей части они были самыми разнородными, без какой-либо видимой последовательности. Если Натан разглядывал их слишком долго, у него начинали слезиться глаза из-за отсутствия приметных деталей, и вся эта масса сливалась в одну огромную книгу, пеструю и затхлую.

Потолки в комнатах были высокими, здесь царили сырость и холод, а по углам прятались тени, так что Натан вернулся к огню.

– Кому это место принадлежало раньше? – спросил он.

Гэм продолжал сидеть, молча прихлебывая из бокала. Его ноги покоились на металлической декоративной фигурке дракона, сверху на них лежала раскрытая книга.

– Давай колись, – не отставал Натан. – Если я теперь в твоей шайке, ты должен делиться со мной своими секретами.

– Он не скажет, – отозвались Джо, поднимаясь, чтобы подбросить в огонь еще одну книгу. – Хотя и знает. Нам тоже не говорит. Даже Присси. Большая тайна. Тут целые мили. Куча комнат. Спальни, ванные, бильярдные. Даже бассейн есть. Вода, правда, черная. Пить нельзя... Ты умеешь читать?

Натан покачал головой.

– Может быть, в книгах написано. Мы тоже не умеем. Гэм умеет, но ничего не говорит.

Присси сидела в своем кресле со скрещенными ногами, в расслабленной позе – такой Натан ее еще не видел.

– Зато Джо могут порассказать тебе много чего другого. Правда, Джо? Расскажите ему какую-нибудь историю.

Она улыбнулась Джо, и те опустили взгляд. Натану показалось, что Джо смутились.

– Можем и рассказать. Если он захочет слушать.

– Конечно, захочет! Ты ведь хочешь послушать историю, правда, Натан? – Присси энергично закивала ему, и Натан осознал, что кивает в ответ. – Расскажите ему сперва про себя.

Джо придвинулись поближе к огню, озаренные переменчивым светом.

– Ну ладно. Видишь ли, Натан, мы рассказываем истории о людях. О том, как они стали такими, какие есть сейчас. Мы расскажем тебе нашу историю, чтобы ты знал, что мы не заносимся и не считаем себя выше всех. А потом расскажем истории всех остальных. Хорошо?

Натан снова кивнул – теперь уже не из-за Присси, а потому что действительно хотел послушать. Джо продолжали:

– Раньше (пока не было Города, Господина и Живой Грязи) попасть в этот мир можно было только одним способом. Но теперь происходит уйма всяких странностей. Ты, может быть, заметил, что в нас есть что-то необычное? В том, как мы выглядим? Как мы все время меняемся, дергаемся, никак не усидим на месте?

– Поэтому мы зовем их «Джерки Джо»², – заметил Гэм между двумя глотками, не поднимая головы от страницы, которую читал. – Они непредсказуемы, что бывает очень кстати во время поножовщины.

– Никто никогда не знает, что вы выкинете. Верно, Джо? – подтвердила Присси.

Джо не ответили, но на их губах заиграла легкая усмешка.

– Когда наша мать забеременела нами, у нее должна была быть двойня. Это было в Променаде, в самой глубине тущоб. Ведунья слышала два сердца, бившиеся у матери в животе. Мама была совсем крошкой, невысокой и щуплой, так что места у нее внутри было немного. Там было уютно – тепло и тесно, совсем по-родственному. Беременная, она ловила палтусов в Цирке вместе с ребятней: ей ужасно хотелось, чтобы мы не голодали. Видно, там Живая Грязь и попала внутрь нее (снизу или через рот – теперь уже не важно). Однажды она пришла к ведунье, и та сказала, что слышит стук только одного сердца – что один из нас умер и второй, скорее всего, последует за ним. Но она ошибалась. На самом деле получилось так, что мы сблизилась еще больше и в результате, под действием Грязи, стали занимать одно и то же место. Мама родила нас как одного ребенка.

Джо обвели слушающих внимательным взглядом, словно проверяя, насколько их история завладела умами.

– Покажите ему штуку с ножом, – потребовала Присси.

– Рано. Мы еще не закончили. Ты можешь себе представить, Натан, на что это похоже – быть двумя людьми в одном и том же месте? Мы-то уже привыкли, по крайней мере в уме. Мы действуем как один человек, но наше тело иногда доставляет проблемы: порой оно перекидывается от одного к другому, так что кажется, будто мы не можем себя контролировать или у нас нервный тик. Иногда, когда мы устали или чем-нибудь расстроены, у нас все валится из рук, лицо корчит гримасы, а язык заплетается, так что мы говорим совсем не то, что хотели сказать. Бывают такие моменты, когда мы почти полностью разделяемся.

– Но мы совсем не против, Джо, – вставила Присси. – Да, Гэм?

– Нисколько, – подтвердил тот и, словно читая из лежавшей перед ним книги, торжественно продекламировал: – Ибо кто из нас способен всегда и полностью контролировать то, что он говорит, думает и делает?

– Вот именно, – сказала Присси. – Два сердца делают единого Джо в два раза добрее и благороднее и к тому же вдвое храбрее. А теперь покажите ему штуку с ножом.

Джо вздохнули, но тут же улыбнулись и вытащили из кармана нож. Это был стилет – тонкий, сияющий сталью. Джо поставили его вертикально, балансируя острием на кончике пальца.

– Смотри внимательно.

² В переводе с *англ.* слово *jerky* означает «дерганный, движущийся рывками». (*Прим. пер.*)

Нож заплясал, двигаясь то вверх, то вниз, описывая круги, переходя из руки в руку и обратно; потом Джо дернулись, как бы непроизвольно, и выронили нож на пол. На их лице появилось испуганное выражение. Если бы это была настоящая драка, Натан воспользовался бы моментом и ринулся вперед с собственным ножом, но если бы он так поступил, то был бы мертв, поскольку Джо с нехорошей ухмылкой уже держали второй нож напротив его сердца.

Присси захлопала в ладоши и завизжала от восторга.

– Ну, что скажешь?

Натан пожал плечами:

– Второй нож спрятать проще простого. Бросьте меня дурить.

Гэм поцокал языком:

– Нет никакого второго ножа. Один нож в двух местах сразу.

Натан качнул головой и наклонился, чтобы подобрать упавший нож, показать всем, что их два, – однако на полу между ними ничего не было.

– Не только ты тут можешь показывать фокусы, – улыбнулись Джо.

Гэм медленно поднялся и подошел к полке. Он отодвинул в сторону несколько книг и вытащил кожаный кисет.

– Куришь, Нат?

Натан покачал головой. Гэм раскрыл кисет, вытащил оттуда трубку и набил.

– Сегодня будешь курить. В нашей шайке так принято. Сперва мы едим, потом рассказываем истории, потом показываем рукопожатие и курим.

– Рукопожатия еще не было, – возразила Присси, – и к тому же Джо знают кучу других историй. Они знают про всех людей, откуда кто появился. Например, этот Кукушка, который ехал с нами в повозке Поставщика. Помнишь, с двумя братьями? Верняк и Облом. Как там было?..

Присси поднялась с места, сцепила перед собой руки и расставила ноги, словно собираясь прочесть стишок на вечеринке.

– «Некогда в трущобах жила одна женщина»... Как там было дальше, Джо? Я как-то выучила эту историю, чтобы рассказывать в «Храме» у моей сестры, чтобы мне не пришлось... Чтобы они не стали... Ну, в общем...

Присси села обратно и почесала голову под чепчиком, внезапно замолчав и помрачнев. Гэм подошел и положил ладонь ей на плечо.

– Она срезала жир с куска мяса, – продолжили за нее Джо. – Этот кусок она выменяла у мясника, который торговал на Стрэнде. Мясо было «сомнительного происхождения» (твое любимое выражение, Присси, верно?), но оно было свежим и дешевым, и при жарке из него вытапливалось много жира. И вот немного этого жира капнуло ей на запястья, и она вытерла их об фартук. Позже, когда она стирала фартук на мокрых скалах, на него испражнилась чайка...

– Это выражение мне тоже нравится, – вставила Присси.

– Женщина терла и терла, но не могла оттереть ни чаячье дерьмо, ни жир, на который оно упало. Пятно было не вывести ничем. Потом, однажды ночью, после того как фартук уже много раз надевали и снимали, стирали и перестирывали, из него выполз Кукушка – в форме этого пятна и того же цвета. Его нашли на куче грязного белья, ревущего во всю глотку, и как только он достаточно подрос, отправили работать. Беда только в том, что он ни на что не годился, и тогда его послали к Господину, чтобы, по крайней мере, выручить за него несколько монет.

– Должен заметить, – сказал Гэм, – что сам Кукушка не признает эту историю как достоверную. «Полная туфта!» – так он о ней отзывается.

Джо причмокнули:

– Некоторые люди просто не любят правды.

– Ну хорошо, – сказал Натан. – А как насчет моей истории?

Все внезапно заинтересовались огнем, которому, по всей видимости, именно сейчас понадобилась поддержка: собрать еще топлива, перемешать угли. Когда это было проделано и не осталось ничего другого, кроме как ответить на вопрос, Гэм откупорил новую бутылку вина и передал ее по кругу.

– Видишь ли, Нат, мы не задаем таких вопросов. Потому что ответы могут кого-нибудь обидеть. Впрочем, Джо знают историю твоей матери. Верно я говорю, Джо?

– Не надо! – выпалил Натан.

– Не волнуйся, мы не такие, как Гэм, – успокоили его Джо. – Это он любит причинять людям боль своими нападками, потому что люди когда-то причинили боль ему. Но мы так не поступаем. Итак, ты хочешь услышать ее историю?

Гэм принялся снова набивать трубку, и Присси уселась на подлокотник его кресла.

– Давай, Натан. Это хорошая история, – подбодрила она.

Он не отвечал. Что-то в нем сопротивлялось – он не был уверен, что хочет слышать истории о ней, будь они хороши или плохи. Впрочем, как бы там ни было, это было уже не важно, потому что Джо начали рассказывать, и Натан не стал их прерывать:

– В Торговом конце, как мы знаем, существует великое множество всяческих лавок и мастерских, торгующих кто чем. Есть ювелиры, есть часовщики, есть и портные; и вот однажды одна портниха взяла все обрезки лент и шелка, все ненужные пуговицы, оставшиеся от пошитых ею сюртуков и бальных платьев для дебютанток, все самые крошечные кусочки и обрывки, для которых не могла найти применения, но которые было жалко выбрасывать, потому что они были слишком красивыми, и из всего этого сшила одно прекрасное лоскутное платье. Это платье она надела на манекен, и оно оказалось таким восхитительным, что превосходило самые лучшие платья, которые она сшила для самых богатых и знатных аристократок в Мордью. Портниха выставила платье в своем окне в качестве рекламы своему мастерству, но уже на следующее утро, подойдя к своему магазину, обнаружила возле него толпу разъяренных женщин. «Что вас всех так расстроило?» – спросила она у них, и они принялись стенать и жаловаться, что платье в витрине гораздо красивее тех, за которые они какую-то неделю назад отвалили ей кучу денег. Неужели она держит их за полных дур, готовых платить черт-те сколько за второсортный товар? И так продолжалось весь день. Поэтому, чтобы завтра не повторилось то же самое, а также чтобы не обесценивать собственное рукоделие, меркнувшее перед этим лоскутным платьем, портниха вечером выбросила его в канаву вместе с манекеном. Сточные воды принесли это изысканнейшее изделие в трупобу, где оно попало в Живую Грязь и лежало там до тех пор, пока Грязь не дала ему жизнь. Получившееся существо принялось ползти без всякой цели и в конце концов оказалось в лачуге, где его обнаружил твой отец, Натан. Теперь она должна была оставаться с ним, поскольку, если бы она вернулась наверх, мастера распустили бы ее на клочки и сожгли эти клочки в огне, чтобы сохранить цены на свои товары.

Натан сидел, скрестив руки и прикусив щеки изнутри.

– Ну и где же тогда это платье? – спросил он, вызываясь глядя на Джо.

Джо посмотрели на него, подергиваясь при свете камина, при свете свечей, перемигиваясь, перекидываясь между двумя своими ипостасями, но ни один из близнецов не отвел взгляда. Натан ожидал, что Джо будут смущены его вопросом, этим очевидным изъяном в его истории, однако те вовсе не выглядели обескураженными.

– Она продала его, Натан, кусочек за кусочком, чтобы покупать еду, которой кормила тебя все эти годы. А теперь, когда от платья ничего не осталось, она продает саму себя. Кусочек за кусочком.

После этого разговор потерял непринужденность и вскоре затих. Когда, по настоянию Гэма, пришло время учиться секретному рукопожатию и курить траву, все повиновались, но без большой охоты.

Позднее, когда действие травы немного улеглось, Гэм подошел к нему, волоча за собой кресло; оно зацепилось ножкой за ковер, вырвав из него несколько нитей.

– Итак, с чем ты пойдешь?

Натан покоился на подушках на одной из полок, куда взобрался по лестнице, составленной из снятых оттуда же книг. Он лежал на боку, с той стороны, где была здоровая рука – укушенная покраснела и вздулась, из раны сочилась жидкость. Натан повернулся лицом к Гэму, прижимая руку к груди и не очень понимая, чего от него хотят.

– Встряхнись! Пришло время немного поработать. Что ты собираешься брать с собой на дело?

– Ничего, – отозвался Натан.

Гэм криво улыбнулся и кивнул. Он пристроился на краешке сиденья, поставив локти на колени и оперев подбородок на ладони.

– Нет, правда. Как ты собираешься защищаться? Своим великолепным чувством юмора? Джерки Джо засмеялись, однако Натан лишь опустил голову и ничего не ответил.

– Это не игра, Натти! Ты должен быть экипирован. Что, если тебя зажмут в угол? Если встанет вопрос – либо ты, либо они? Или, к примеру, либо ты, либо она?

Помимо воли Натан посмотрел на Присси. Она встретила его взгляд и опустила глаза. Поднявшись, Гэм шагнул между ними.

– Ты что, ничего не умеешь? Джо, киньте-ка мне ваш ножик.

Джо вытряхнули нож из рукава и швырнули Гэму; тот сбил вращающееся оружие в воздухе, поймал другой рукой, крутанул вокруг головки рукоятки, вскинул вверх и снова поймал, полоснув лезвием по воздуху.

– Пришло время для пары уроков. Основные моменты запомнить легко: не своди глаз с цели – и твоя рука сама сделает все, что нужно. Если ты намерен просто подчеркнуть свою точку зрения, используй режущий удар, – лезвие ножа со свистом рассекло воздух, – и меть туда, где есть что-то упругое, чтобы не просто чиркнуть, а чтоб брызнуло. Тогда твой клиент будет знать, что ты настроен серьезно. Если он слаб в коленках, то отступит, а то и вообще хлопнется в обморок, бывает и такая удача. То же относится и к его товарищам. Но если ты видишь, что нужно довести дело до конца и ничто другое не действует, тогда коли. – Нож метнулся вперед. – Тычь туда, где помягче, и продолжай тыкать, пока клиент не перестанет шевелиться. А после этого добавь еще пару раз, просто на всякий случай. А потом давай деру, потому что, если с ним будут приятели, они с таким мириться не станут.

Гэм протянул Натану нож вперед рукояткой, зажав лезвие между пальцами. Присси наблюдала за ними; Натан видел ее уголком глаза. Он протянул вперед здоровую руку, и Гэм шлепнул нож в его ладонь, с расплывающейся на губах широкой улыбкой. Почувствовав нож в руке, Натан какое-то время смотрел на него, а потом выронил на пол, где он застрял, вонзившись лезвием в ковер.

– Если я разозлюсь настолько, чтобы прибегнуть к этому, Гэм, он мне уже не понадобится.

Гэм поднял бровь. Он подтащил Натана к себе, словно собираясь обнять, и прошипел ему в ухо:

– Ты лучше знаешь свои дела, но если ты, дружок, нас подведешь и кто-нибудь пострадает, я сам приду к тебе с этим ножом, когда ты будешь смотреть в другую сторону. И мне наплевать, Искра там у тебя или не Искра, – этот нож засядет в твоём теле по самую рукоятку. Ты хорошо меня понял?

Натан отстранился от него, и Присси пришла ему на помощь:

– Оставь его в покое, Гэм! Он не меньше твоего хочет, чтобы это сработало. Правда же, Нат? Потому что у тебя больной отец и все такое.

Гэм улыбнулся:

– Что ж, так и порешим. Только еще одна, последняя, вещь.

Он прошел к камину и вытащил из висевшей сбоку корзины несколько круглых трубок длиной примерно с его предплечье.

– Эти штуки, – пояснил он, – набиты таким веществом, которое при горении дает дым разных цветов. Красный, зеленый и синий. Бросаешь ее в огонь здесь – а дым начинает валить из трубы посередине Торгового конца. Это Присси разузнала, так ведь?

Присси с гордым видом кивнула:

– Ага, я. Мне нравятся красивые цвета, особенно красный, так что я бросила одну такую штуку в камин; я надеялась, что будет что-нибудь вроде фейерверка. И получилось очень красиво (совсем как мне хотелось; правда, без искр, но все равно здорово), только пахло какой-то гадостью, похоже на камфору. В общем, потом я пошла проведать свою сестру. И что же я увидела, стоило мне подняться на холм? Здоровенное облако красного дыма, черт побери! Я не особенно-то спешила в «Храм», так что сделала крюк и подошла. И чем, по-твоему, это пахло? Той же самой камфорной дрянью, что и в нашем камине! Дым выходил из высокой трубы с головой дьявола на верхушке, возле самой границы Торгового конца.

Гэм показал им три трубки.

– Мы их используем, чтобы подавать сигналы. Там, наверху, дым виден отовсюду по эту сторону холма. Синий означает «держись подальше» – ну, в этом нам почти не бывает надобности. Зеленый значит, что кто-то вернулся с уловом, можно прийти и поглядеть.

– А красный? – спросил Натан.

– Чрезвычайная ситуация. Срочный сбор всех членов шайки.

Под землей ничто не указывало на течение времени. Здесь не становилось ни темнее, ни светлее, нельзя было посмотреть наружу (тут просто не было наружной стороны), чтобы заметить, изменилось ли что-то. Все часы стояли, и каждый циферблат показывал свое время, так что, переводя взгляд с одного на другой, можно было представлять, что за секунду прошло несколько часов, или перепрыгивать во времени назад и вперед. У Гэма, как и во всем, здесь было преимущество, поскольку он был единственным из шайки, у кого имелись часы – большие, круглые, на цепочке.

Он покрутил их перед ними.

– Дело к вечеру, – провозгласил он. – Время последней пробежки по магазинам Торгового конца!

– И куда мы пойдем? – спросили Джо.

– К шляпнику?

– Мы были там на прошлой неделе.

– Тогда к галантерейщику.

– К какому из них?

– На Кроткой улице.

– Можно мы разыграем «Ложную Деву»? – попросила Присси.

Гэм секунду подумал и кивнул.

– Решено. Кроткая улица, «Ложная Деву».

Он зашагал к одной из дверей, Джо последовали за ним; Натан и Присси не отставали.

– Веселей, друзья! – вскричал Гэм. – Хей-хо!

XV

Лавка галантерейщика располагалась в мощеном переулке, втиснутая в узкое пространство между обойщиком и парфюмером. Высокие и узкие эркерные окна с мелкими свинцовыми переплетами выпирали на улицу – стеклянная паутина, обвешанная лентами, кружевом, пуговицами и катушками разноцветных ниток.

– Совсем как то место, где сделали твою маму. Да, Натан? – сказала Присси, показывая.

Он кивнул, и тогда она опустила руку и взяла его ладонь, переплетаясь с ним пальцами и крепко сжав.

Над дверью, на конце изогнутой бронзовой пружины, висел колокольчик. Каждый раз, когда в лавку входила женщина, он весело брэнчал, оглашая улицу тоненьким мелодичным звоном.

Гэм отошел в сторонку, где встал с невинным видом и принялся подрезать себе ногти. Джо наклонились, якобы завязывая шнурки.

– Ты знаешь, что делать?

– Еще бы. Я же и придумала этот трюк!

Присси выпустила Натановы пальцы и быстрым шагом двинулась прочь. Гэм приглашающе махнул Натану рукой:

– Держись поближе ко мне.

Какое-то время ничего особенного не происходило. Натан с Гэмом играли в кости возле стены, делая вид, будто не обращают внимания на входящих и выходящих из лавки посетителей, а затем и на самого галантерейщика, высокосулого, с поджатыми губами, когда он выпроваживал последнюю из них за дверь лавки, непринужденно положив ей ладонь на талию. Он двигался угловато, нервно, метая быстрые взгляды то в один, то в другой конец улицы. Мальчики продолжали бросать кости, не показывая виду, будто замечают, как он поменял табличку на «ЗАКРЫТО», – как раз в этот момент они заспорили относительно выпавшего счета и того, кому теперь должна принадлежать пара лежащих на кону бронзовых монет.

Немного спустя галантерейщик появился вновь, в гофрированном лиловом жакете, похожем на дамский веер. В одной руке он держал ключ, в другой – маленький кожаный ридикюль. Не успел он вставить ключ в замок, как появилась Присси. Ее грудь выглядела необычно пухлой, блузка была распахнута до пояса, так что виднелось нижнее белье.

– Помогите... Ох... О боже... – тихо причитала она, идя медленным, спотыкающимся шагом и ведя кончиками пальцев по стене.

Сперва галантерейщик ее не заметил – у него как раз застрял ключ, и это занимало все его внимание. Он вертел им так и сяк, с проступившим на лбу от сосредоточенности глубоким «V». Однако, когда с этим было покончено и замок, к его удовлетворению, закрылся, владелец лавки наконец увидел Присси. Сперва он отвернулся от нее, очевидно намереваясь двинуться в противоположном направлении, таким образом избавив себя от досадной необходимости заботиться о несчастной, однако Присси повысила голос:

– О, моя честь! Моя честь! Как им не совестно так вольно обращаться с моей честью, ведь они оставили меня практически голой!

И Присси приложила ладонь ко лбу, подразумевая, что может еще больше усложнить положение, упав в обморок.

Этого оказалось достаточно, чтобы возбудить у галантерейщика интерес. Он остановился и выпрямился во весь рост, хотя и не обернулся сразу же – какое-то время он, казалось, взвешивал два примерно равнозначных варианта. В конце концов он все же повернулся к девушке. Великодушный наблюдатель мог бы отнести этот жест на счет превосходных филантропических качеств данного господина, однако Натану показалось, будто он увидел еще что-то, про-

мелькнувшее у того на лице, в том, как галантерейщик облизнул губы; что-то, что он уже видел прежде – на лицах «благородных посетителей» своей матери.

Впрочем, повернувшись, галантерейщик уже представлял собой воплощение озабоченного патриция: участливый взгляд, благородная поза. Пальцы Присси вцепились в рубашку на груди, пуговицы которой были уже растегнуты настолько, что виднелась обнаженная плоть. Она пошатнулась. Галантерейщик поспешил к ней. Когда он удалился на достаточное расстояние, Гэм сунул кости в карман и двинулся в ту же сторону. Натан пошел следом.

– Когда он дотронется до нее, – шепнул ему Гэм, – бухайся на колени за его спиной, понял? Джо пихнут его так, чтобы он повалился через тебя. Пока вы возитесь, я возьму его ридикюль вместе с вырубкой. После этого разбегаемся и возвращаемся в берлогу каждый своим путем.

Натан все понял; впрочем, Гэм все равно не стал ждать его согласия.

– Моя дорогая, – проговорил галантерейщик, – что это с вами?

Натану показалось, что он услышал в голосе тшедушного владельца лавки едва сдерживаемую дрожь.

– О сэр! Добрый господин... Это было ужасно! Они вели себя так грубо...

– Ну-ну, дитя мое...

– Сумею ли я когда-нибудь оправиться от потрясения?

– Где твоя матушка, милочка?

– Дома, сэр. Это в другом конце города. Она отправила меня за лентами.

– За лентами, вот как?

Натан даже на расстоянии видел, как взгляд галантерейщика, словно приклеенный, возвращается к соблазнительному треугольнику кожи, виднеющемуся между краями белой нижней рубашки Присси.

– Почему бы тебе не зайти ко мне в магазин? У меня полным-полно любых лент, каких ты только пожелаешь. Даже еще больше!

Натан ощутил, как в его животе зарождается Зуд.

– Пойдем. Я покажу тебе такие ленты, каких ты никогда не видела.

Галантерейщик взял Присси за руку и обернулся, окинув взглядом улицу, – то ли почувствовал ловушку, то ли просто на всякий случай. Как бы там ни было, Гэму, Джо и Натану, находившимся в различных местах улицы, было необходимо срочно принять неприметный вид. Для остальных это уже стало второй натурой, но Натан на секунду замешкался – и встретился с галантерейщиком взглядом. Не сводя с него глаз, тот полез в карман и достал ключ, ведя Присси за локоть к двери магазина. Натан тронулся было наперерез, но Гэм, кашлянув, перехватил его, притворившись, будто заблудился и спрашивает дорогу.

– Не дергайся, – прошипел он. – Будет гораздо хуже, если он притащит сюда стражу. Присси справится, у нее все под контролем.

– Но он ведет ее внутрь!

– Я сказал, не дергайся.

От Натана всего только и требовалось, что встать на колени позади этого идиота, чтобы Джо могли одним сильным тычком сбить его с ног, а Гэм – отобрать у него ридикюль; но теперь весь план пошел насмарку. Натан не успел осуществить подсечку и дал себя заметить. И что теперь? Присси была в опасности!

С голубым огнем, полыхающим в глазах, Натан двинулся вперед. Гэм попытался удержать его, но тщетно.

– А ты кто такой? – спросил галантерейщик. – Небось один из этих паршивцев, что нанесли чести этой девицы такой урон? А ну убирайся, пока я не позвал стражников!

С тем же успехом он мог бы не раскрывать рта – Натан его не слушал. Он двинулся прямо на противника – с отлетающими Искрами, с набухающим внутри Зудом, практически

немедленно начавшим требовать, чтобы его Почесали. Присси попятилась; на ее лице отразился ужас. Натан положил руки галантерейщику на плечи, коснувшись пальцами кожи на его шее так, что Искра вошла в его тело. Галантерейщик застыл, словно ему за шиворот налили ледяной воды, а потом принялся мелко трястись.

– Держи свои ленты при себе! – прошипел Натан ему в ухо.

В самой глубине его человеческой формы, под слоем мышц, посреди внутренних органов, внутри костного мозга, Искра встретилась с создавшей его сущностью – тем, что диктовало его целостность, его рост с младенческого возраста и процессы, которые однажды должны будут привести его к старению и смерти, – и обнаружила то, что искала: его душу, то, что будет перенесено на ту сторону; и наполнила ее своей энергией, пронизывая своим пламенем, выжигая изнутри.

Тело галантерейщика, обмякнув, рухнуло. Между его кожей и булыжной мостовой просверкивали искры.

Натан отступил назад, дрожа – сперва от восторга, затем от отвращения. Такого еще никогда не бывало; Искра никогда не была такой. Не только боль в руке заставила его остановиться, хотя была ужасной и продирала руку до самого локтя; здесь было нечто другое. Натан чувствовал, что мог бы превратить галантерейщика в призрак, если бы попытался.

– Эй! – вскричал Гэм, почти не скрывая своего ликования. – Ты должен был просто дать ему подсечку, зачем же убивать!

Присси, прикусив губу, склонилась над галантерейщиком.

– Что ты с ним сделал?

Натан покачал головой, глядя на собственные руки так, словно видел их впервые в жизни.

– Я хотел...

– Не важно! Хватай деньги, мы возвращаемся в берлогу.

– Что он сделал? – спросили Джо.

– Некогда болтать. Надо быстрее сматываться отсюда, пока никто не появился.

XVI

Пока они шли подземными переходами, никто не произнес ни слова, и даже на спиральной лестнице продолжали хранить молчание, находясь под впечатлением от произошедшего. Лишь добравшись до библиотеки, где все еще тлели угли в камине, в воздухе висел запах травы, а на сковороде поблескивал застывший жир, они внезапно вновь обрели дар речи:

– Он не умер.

– Не знаю, как по мне, он выглядел вполне мертвым...

– Значит, ты не посмотрел как следует. В ямке на его горле, под челюстью, было биение, примерно как трепещут веки у Джерки Джо.

– Не пойму, что это за идиотизм он устроил? – спросила Присси у Гэма, не отрывая при этом сердитого взгляда от Натана. – «Ложная Девица» проще простого, там ничего такого не требуется! Отвлек, подсек, забрал деньги. Можно дать коленом по яйцам, показать нож, если уж очень надо...

Натан, прижимая больную руку к боку, уселся на свое прежнее место возле полки.

– Но он ведь его не убил, правда, Гэм? Правда же? – не отставала Присси, крутя длинными пальцами пуговицы на своем платье.

– Нет. И вообще, ты что думаешь, этот галантерейщик сам никогда никого не убивал?

– С чего бы? – возразили Джо. – Он, конечно, смахивал на любителя малолеток, но уж никак не на убийцу.

– Вы говорите так, потому что не уделили этому вопросу достаточно внимания. – Гэм поднес зажженную спичку к трубке, а затем к заново наваленной в очаге куче книг и растопке. Дождавшись, пока огонь займется, он продолжил: – Подумайте обо всех трущобных мальчишках, которые отбросили копыта, чьи мамы пришли к ним утром и обнаружили их бездыханными, с синими губами. Разве не мог бы этот говнюк поделиться едой, которая спасла бы им жизнь?

– Это не одно и то же, – пробурчали Джо.

Взяв сковороду, они снова взгромодили ее на огонь, чтобы жир растопился и можно было поджарить на нем мясо для ужина.

– Никак не одно и то же, – подтвердил Гэм. – Гораздо хуже! Его преступное невнимание погубило всех этих недоростков только потому, что он хотел вставить новые стекла в свои окна, потому что его мадам желала иметь кружевные рюши на подштанниках. И не говорите, будто он не умел сообразить, что к чему, – его магазин расположен всего в полумиле от того места, где мы мрем словно мухи! А ты, Натти, мальчик мой, порешил этого мерзавца (и то на самом деле нет), защищая честь дамы. На мой взгляд, как тут ни складывай, в сумме все одно выходит, что он хуже тебя.

Присси подошла к Натану, который беспокойно ерзал, поглядывая на свою руку.

– В следующий раз делай то, что тебе говорят. Не то, если будешь продолжать в том же духе, мы скоро вообще не сможем появляться там, наверху. А мне нужны деньги.

– Ну ладно, довольно выговоров, – прервал ее Гэм, бросая Джо бумажный пакет с беконом из стопки в углу. – Давайте быстренько пожарим это дело, поделим добычу и свалим отсюда. Уже поздно, скоро вылезут призраки, а я не собираюсь оставаться здесь, когда начнут скрипеть половицы. Я бы сказал, что Присси полагается половина, поскольку она взяла на себя основной риск. Или кто-нибудь желает сказать ей, что я ошибаюсь?

Добровольцев не нашлось, так что каждая вторая монета отошла к Присси. Из остального Натану досталось больше, чем Гэму, поскольку именно он со своей Искрой сделал работу, хотя это была и не та работа, что была ему поручена. Остаток получили Джо, чья роль в результате свелась к минимуму.

Кучка, лежавшая перед Натаном нетронутой, поблескивала на столе между его руками – он не сделал движения, чтобы забрать причитающееся.

– Мне не нужны деньги. Мне нужно лекарство.

– Ну разумеется! Мы зайдем к мистеру Пэджу, как только покончим с ужином. Я ничего не забыл.

При упоминании имени мистера Пэджа Джо отвернулись и занялись мясом. Присси, впрочем, осталась возле Натана; по-видимому, позабыв о своем раздражении, она подошла к нему и обвила руками его талию.

XVII

Из конца узкой улочки в Торговом конце доносилось звяканье стекла о стекло, резкий визг ножей о тарелки, а затем, когда улочка вышла на широкую площадь, смех во множестве регистров.

– Держись в тени, – шепнул Гэм, кивнув туда, где к площади подходила еще одна улочка.

Натан сделал, как ему было сказано. Присси всю дорогу держалась за его спиной, а Джо шли позади нее. Впрочем, внимание Натана было приковано к фонтану в центре площади, вокруг которого веревками было отгорожено пространство, а внутри стояли столики и стулья, где сидели мужчины и женщины в яркой одежде.

Благодаря светильникам, подвешенным на шестах над каждым столиком, вся сцена была как будто освещена солнечными лучами, проникающими через дырявую крышу: пятна мягкого желтого света разделялись участками серой тени. Среди них целеустремленно двигались люди в черных костюмах, держа высоко поднятые подносы, накрытые крышками. Отовсюду доносились ароматы пряностей, и когда подносы, достигнув стола, открывали свое содержимое, под крышками обнаруживались куски мяса такого размера, что Натан видел их даже со своего края площади, вдоль которого осторожно скользил в указанном ему направлении. Порой на подносах оказывались целые птицы с подвернутыми к груди шеями, словно они просто спали, хотя их головы обгорели до черноты.

– Хорошо, что мы успели пожрать, – прошептал Гэм. – Пэдж заламывает такие цены, что твоей небольшой заначки не хватило бы даже на *hors d'oeuvre*.

– Я иногда вообще не понимаю, о чем ты говоришь, – встряла Присси. – Это ты в какой-нибудь книге вычитал? Нат, ты понял, что он сказал? А вы, Джо, поняли?

Нат тоже не понял. Впрочем, Гэм уже снова тронулся с места, направляясь вдоль дальней стены к задней части площади, так что они последовали за ним.

Обойдя здание кухни и оказавшись вне поля зрения посетителей, они погрузились в жужжание тысяч мух, настолько громкое, что в нем тонули даже звуки веселья, доносящиеся с площади. Вокруг чего все эти мухи роились, Натан старался не думать.

Гэм постучал в дверь – три хлипкие дощечки, прикрывающие отверстие в кирпичной стене. Она открылась, и наружу высунулась голова еще одного малолетки, круглолицего и краснощекого. По-видимому, он сразу узнал Гэма, поскольку убрал голову и открыл дверь. Пройдя внутрь, они оказались во дворе, мощенном кирпичом. Теперь источник жужжания было трудно не заметить: вдоль стен, сложенные бок о бок, лежали десятки туш различной степени разделки – разрубленные пополам свиньи, ягнята с отрезанными ногами, коровьи головы, венчающие розовые ребристые скелеты. Все это валялось в луже Живой Грязи, из которой, среди лопающихся пузырей, и рождались все эти тучи мух.

С одной стороны двора располагался низкий, сколоченный из досок сарай, перед которым околачивалась пара мордovorотов, телосложением на два размера больше своих рубашек и курток, с бесформенными ушами и кривыми носами.

– Братья Доулиш, – пояснил Гэм. – Маменькины сынки. Впрочем, надо отметить, что их мамаша составляет конкуренцию самому Пэджу. Она содержит распивочную в трущобах. А вот этот сарай служит мистеру Пэджу офисом.

Если бы Натан не знал Гэма так хорошо, то решил бы по его голосу, что тот нервничает.

– Кто такой этот мистер Пэдж? – спросил Натан. – Джо, может, хоть вы скажете?

– Мерзкий тип, – отозвались Джо, понизив голос настолько, что его почти перекрывало жужжание мух. – Его папаша вылепил его из куска прогорклого масла и завернул в черный бархат, а мамаша посыпала сверху локонами, сбритыми с женщин, вынужденных продавать свои волосы, потому что они слишком стары, чтобы чернить себе глаза. Родители создали его

в наказание этому городу, потому что они переселились сюда из Маларкои в надежде обрести новую судьбу, а обрели только трущобы. Его воспитали как благородного господина, выучили светским манерам и запустили в высшее общество, чтобы он творил там всякие пакости. Ты не найдешь в нем ни капли добра, так же как не найдешь ни капли свежего молока на дне бидона с простоквашей. Его мечта – смешаться со сливками на самом верху, но лишь для того, чтобы отравить их и сделать ни на что не годными. Но не потому, что он хочет отомстить за трущобных жителей: их он тоже ненавидит. Он ненавидит всех. Самое разумное, что можно придумать, это вообще не иметь с ним дела. Вот только мистер Пэдж не любит, когда его избегают. Он распространяется повсюду, как вонь от гниющего мяса. Сам запах его тела разносит болезни, так что тебе может стать плохо просто от общения с ним.

– Тогда зачем мы к нему пришли?

– Он мой босс, – отозвался Гэм. – К тому же он может достать все, что угодно, включая лекарства.

XVIII

Пэдж был низкорослым и округлым, больше похожим на кургузого подростка, чем на взрослого мужчину. Волосы на его голове, на которую даже Натан глядел сверху, росли с почти непристойной густотой и пышностью – копна блестящих кудряшек, которым он придавал дополнительный лоск при помощи масла. Недостаток роста восполнялся в нем крупностью черт лица: воловьи глаза и нос картошкой, с трудом впихнутый поверх толстых мокрых губ, лиловых и блестящих, как баклажаны. Пэдж беспрестанно проверял, как он выглядит, посматривая в маленькое зеркальце, которое вытаскивал из кармана, хотя смысл этих действий оставался загадкой. Он говорил очень отчетливо, словно обращаясь к иностранцу или пожилому родственнику, но вечно с какой-то подковыркой, тоном неизменного сарказма, как будто его слова имели целью позабавить кого-то, очень похожего на него самого, подслушивающего откуда-то из-за кулис.

– Добрый вечер, юные джентльмены и леди! Какому обстоятельству обремененный заботами мистер Пэдж обязан удовольствием находиться в вашем обществе? Без сомнения, это что-то срочное, раз оно вырвало вас из ваших уютных гостиных в такой поздний час! Боюсь, я не смогу предложить вам сигар и тем более бренди; впрочем, если вы расположитесь вон на тех перевернутых ящиках за вашей спиной, я поищу, не осталось ли у меня спирта для растираний на дне бутылки.

Пэдж низко поклонился, словно говорил абсолютно серьезно, однако в завершение своей речи не сделал ни малейшего движения, чтобы что-либо искать, лишь взглянул куда-то вбок с самодовольной ухмылкой.

Когда он снова посмотрел на них с фатовским, пренебрежительным видом, Натан уже решил, что ему вовсе не нравится мистер Пэдж. Похоже, чувство было взаимным: Пэдж едва удостоил мальчика поверхностным взглядом. Его внимание было полностью обращено на Гэма, лишь время от времени переходя к Присси. Джо, казалось, вообще были для него почти что невидимыми.

Гэм крутил в руках кепку, и вид у него был точь-в-точь такой, будто, невзирая на свою обычную лихость, он был напуган.

– Насчет этого я ничего не знаю, мистер Пэдж. Мы просто пытаемся раздобыть немного лекарства для моего друга – вот он стоит.

– Лекарства, вот как? – откликнулся Пэдж, снова выпрямляясь. – Полагаю, это эвфемизм?

Присси покачала головой:

– Не нужно ему никаких этих... мизмов.

Пэдж искоса, мельком взглянул на нее – и тут же движением плеча отверг. Он снова проверил свое отражение в зеркальце, словно невежество Присси могло каким-то образом вызвать появление у него морщины или способствовать росту бородавки.

– Да нет, тут другое дело, – сказал Гэм. – Ему нужно от легочного червя.

Пэдж поспешно отступил на шаг, прижимая к лицу вытасченный из того же кармана носовой платок:

– Что?! Вы притащили свои болячки сюда, где я работаю? Ах вы паршивые щенки! Надо бы бросить вас в кипяток. Как вы посмели?

Гэм успокаивающе поднял руки, но Пэдж продолжал пятиться, сшибая бутылки и звякая подвешенными на крюках ножами.

– Нет-нет, это не для него! Я бы никогда такого не сделал, верно? Я и сам не стал бы с ним ошиваться, если бы он был заразный, так ведь? Нет, это для его старика, для папаши!

– Вот как? – проговорил Пэдж, окидывая Натана мимолетным взглядом, словно сам вид мальчика доставлял ему боль.

– Ну да. Вам не о чем беспокоиться, мистер Пэдж! Обещаю!

Носовой платок недоверчиво опустился.

– Слово джентльмена стоит тысячи обычных, – проговорил Пэдж. – Однако что заставило тебя решить, будто у меня есть для него лекарство? Разве я похож на доктора?

Он определенно не был похож на доктора.

– У него есть деньги.

Бровь Пэджа, толстая и черная, как палец кузнеца, перегнулась пополам.

– Да неужели? Да, пожалуй, это возможно... Во всяком случае, надо признать, что он определенно не потратил их на портного. Хорошо, давайте посмотрим, что у меня есть.

Повернувшись, Пэдж направился к плоскому ящику, стоявшему в углу. Когда он наклонился, ткань на его заду натянулась так, что это было похоже на двух лысых священников в одном войлочном колпаке на двоих. Какое-то время он рылся там, чем-то гремя и бормоча проклятия, а затем вернулся с маленькой зеленой бутылочкой, заткнутой пробкой. Держа ее двумя пальцами, Пэдж поднес бутылочку к лампе: она была до половины полна. Пэдж взболтнул молочно-белую жидкость.

– Еще относительно свежее. Один из моих парней снял его с трупа... Не волнуйтесь! Я более чем уверен, что червя у него не было. Он умер от совершенно иных причин. Фактически он разгуливал, веселый, как птичка, пока мой парень его не нашел.

– Годится. – Гэм протянул руку к бутылочке, но Пэдж отдернул ее.

– И сколько, по-твоему, она может стоять?

Натан шагнул вперед, и хотя Гэм положил ладонь ему на грудь, он не мог заставить его молчать.

– Это для моего отца! Сколько может стоять отец?

– А вот это полностью зависит от того, о каком отце речь, – возразил Пэдж с улыбкой, словно негодование в голосе Натана вовсе не было очевидным. – Взять, например, моего. Я бы и бронзовой монеты за него не отдал! Собственно, все было наоборот: мне пришлось заплатить неплохие деньги, чтобы он покинул этот мир. То же, кстати, относится и к моей матушке. Ну а что до твоего, тут уж тебе решать.

Морщась от крысиного укуса, Натан вытащил кошелек и высыпал свою долю сегодняшней выручки в ладонь другой руки.

– Этого хватит?

Пэдж присвистнул.

– Должно быть, он весьма неординарный человек!

Он протянул бутылочку, но когда Натан попытался вручить ему монеты, убрал ее обратно.

– И все же... Возможно, у тебя сложилось обо мне неверное представление. Возможно, ты считаешь меня холодным, расчетливым скупердяем, который думает только о том, сколько весит его кошелек. – Пэдж снова вытащил свое зеркальце, чтобы проверить, не отражается ли нечто столь малоприятное в его чертах; затем, удовлетворившись, вернул его на место. – Ничего подобного. Я вовсе не такой. И чтобы это доказать, я отдам тебе лекарство просто так. Оставь свои деньги при себе.

С ласковой улыбкой Пэдж снова протянул бутылочку. Натан не сделал движения, чтобы взять ее. Тогда это сделал за него Гэм; и в тот же момент Пэдж придвинулся к Натану так близко, что от их дыхания зашевелились волосы на головах у обоих.

– Но запомни, мой маленький друг: когда я оказываю кому-то услугу, я ожидаю, что мне оплатят тем же. Ты меня понял?

Он отодвинулся. Натан снова протянул ему деньги:

– Возьмите. Я не хочу быть у вас в долгу.

Пэдж фыркнул:

– Я же вижу, сколько значит для тебя твой отец. Видишь ли, мальчик, хоть я и не очень силен в математике, я понимаю, что никаких чисел не хватит, чтобы адекватно отразить его ценность для тебя. А следовательно, этой маленькой горстки никак не может быть достаточно. Я не дам себя одурачить! Закон соответствия велит, чтобы ты заплатил мне столько, сколько он для тебя стоит, – тем или иным способом. А теперь убирайтесь!

Натан хотел возразить, но Гэм подтолкнул его в спину, Присси потянула за руку, и они втроем, следом за Джо, направились к двери.

XIX

Натан сжимал бутылочку с такой силой, что казалось, мог раздавить ее в кулаке. Остальные вернулись в берлогу, но Натан шел, держа лекарство перед собой, словно оно влекло его вперед, тащило навстречу его страху, между тесными, обветшалыми лачугами, из которых состояли трущобы. Оно вело его кратчайшим из возможных путей к дому, через самые узкие щели, через лужи Живой Грязи, так что грубая ткань его куртки цеплялась за щепки, торчавшие из гнилых стен, а ботинки разбрызгивали по сторонам мертвожизнь.

Здесь и там на его пути попадались новые костры, новые изображения Госпожи, объятые пламенем и дымом; однако бутылочка, встречаясь с препятствием, попросту игнорировала его, вынуждая Натана, хватаясь больной рукой, проворно взбираться по сырым, скользким доскам, съезжать по кучам щебня и мусора, пробираться сквозь груды дымящейся золы, лишь бы он поскорее удовлетворил ее жажду попасть домой, добраться до своего пациента, выполнить свою работу. Она не обращала внимания на уличных торговцев, продававших перья огненных птиц, на женщин, выплескивающих с порога помои, на мужчин, которым его мать или отец были должны денег: видя целеустремленность и спешку Натана, те понимали, что с мальчиком сегодня происходит что-то необычное, что-то такое, перед чем их требования и вопросы вынуждены отступить.

Когда в поле зрения показалась их лачуга, настойчивость бутылочки несколько не ослабела – наоборот: Натану пришлось припустить, чтобы соответствовать ее зову. В конце концов он резко затормозил, скользя подошвами, и отодвинул брезентовый полог, часто и тяжело дыша.

Натан мог не спешить: у его матери был посетитель.

Он стоял возле кровати, облизываемый светом очага, – поправлял на себе одежду, застегивал пуговицы, движением руки убрал прядь волос с блестящего от пота лба. Заметив Натана, посетитель нахмурился. Он повернулся к мальчику, поправил на себе галстук и чопорно прищелкнул каблуками.

Натан смотрел на него, не сводя глаз. Посетитель был высоким, упитанным, широкогрудым. Натан подумал, что, если бы дело дошло до драки, он вполне мог бы постоять за себя. Коротко кивнув мальчику, незнакомец вновь повернулся к постели, на которой лежала мать Натана, полуприкрытая одеялом (наружу высывалась одна нога, белая и обнаженная, словно ветка с ободранной корой).

– На этом, принцесса, я позволю себе откланяться, – проговорил он и действительно поклонился ей, после чего повернулся к двери.

– А деньги?! – вскрикнула она.

Посетитель остановился и почти было взглянул на Натана, но не до конца – его голова сумела воспротивиться движению, не доведя его до последних нескольких градусов, необходимых, чтобы мальчик вновь появился в поле его зрения.

– Разумеется.

Он сунул руку в карман брюк, не сюртука; его рука не сделала движения вверх, к этому привилегированному месту напротив сердца, а двинулась вниз, где гладкий контур ткани нарушали несколько монет. Он улыбнулся. Над его верхней губой, едва видимое в тусклом свете, было родимое пятно в форме капли, желтовато-коричневое и бархатистое, как шкура олененка.

Посетитель вытащил из кармана серебряную монетку.

– Кажется, ничего мельче у меня нет. Что ж... Запишем остаток на мой счет?

Он положил монету на кровать, рядом с ногой Натановой матери, и вышел.

Какое-то время Натан стоял не двигаясь. Потом его мать перевернулась на постели и натянула на себя одеяло, обратившись к нему спиной.

– Запомни его лицо, – сказала она в стену. – Когда-нибудь он может тебе понадобиться. Из-за занавески донесся какой-то звук. Натан отдернул ее: отец сидел на кровати, напряженно выпрямившись, словно увидел привидение, однако его глаза были закрыты.

– Папа?

Отец не шевельнулся. На его скулах играли желваки, уголки глаз были жестко стиснуты. Его руки вцепились в одеяло так же крепко, как Натан в бутылку с лекарством, на шее вздулись жилы, словно у перепуганной лошади.

– Я принес тебе кое-что, что должно помочь. – Кажется, Натан увидел в лице отца узнавание, едва заметный признак, тень колебания в его решимости оставаться жестким и неподвижным. – Это лекарство.

Лицо отца начало краснеть, он сотрясался, его плечи ходили ходуном. Колени под одеялом резко вскинулись вверх – до этого его ноги лежали плоско, полностью вытянутые вперед.

– Ты примешь его?

Губы отца оттянулись назад, обнажая редкие, поодиночке торчащие из десен зубы с бурными корнями, дрожащие и блестящие в свете очага. Он трясся с головы до ног.

Натан отвинтил пробку. Лекарство резко пахло анисом. Игнорируя пульсацию в собственной ладони, Натан взял отца за руку и попытался разжать кулак, но тот был стиснут слишком сильно.

– Поднести его тебе к губам?

В уголках отцовского рта начала скапливаться слюна, с каждым вздохом он издавал сипящие звуки – тихие, влажные, настойчивые, – а его ноздри были широко раздутыми и сухими.

– Папа, я не знаю, что делать!

Отец скривил лицо – и наконец не выдержал. Вновь начавшийся кашель сложил его пополам, раздирая тишину скрежещущими звуками.

– Слишком поздно.

Его мать встала с постели; черный силуэт ее иссохшего тела окружало желтое сияние свечи, проникавшее сквозь полупрозрачную сорочку.

– Он еще жив, так ведь? – отрезал Натан.

– Черви... Это все, что еще держит его здесь. Он нужен им.

– Он нужен мне!

Мать пожала плечами и вернулась в постель.

– Прими его, папа! Пожалуйста...

Отец повернул к нему голову. Его красные глаза были широко раскрыты, из искривленного страданием рта на простыню летели брызги мокроты, однако рука, твердая и упрямая, появилась и выхватила у Натана бутылочку. Он опрокинул содержимое в рот – и осел обратно на матрас, так что рот закрылся сам собой под весом того, что оставалось от его тела, а кашель, за неимением другого выхода, был вынужден направиться через нос. Так он оставался, казалось, целую вечность – тяжело вздыхая, храпя и выгибаясь, но не выпуская изо рта лекарство. В конце концов с этим было покончено; отец вытянулся, обессиленный, покрытый потом, и закатил глаза ко лбу. Пустая бутылочка валялась на простыне, уголки его рта были теперь белыми от лекарства. Он впал в бессознательное состояние, но Натан все равно взял его за руку.

– Отлично, папа! Отлично! Я достану тебе еще, папа, я обещаю! Я обещаю...

XX

Среди ночи магия Господина просочилась из Особняка в город.

При лунном свете ее было бы трудно увидеть. Даже сейчас, несмотря на облака с туманом и вечную завесу брызг, висящую над Морской стеной, луна все равно была поблизости – рассеивая, растворяя, заслоняя Натану зрение своим вмешательством, достаточно сильным, чтобы замаскировать зловещую утонченность магии. Птички смерти тоже мешали, но когда луна садилась, а огненные птицы прекращали свои атаки, Натан видел ее вполне ясно. Она была мертвенно-зеленой, вязкой – наполовину дым, наполовину кисель. Она сочилась из-под основания Особняка в месте, где скала становилась фасадом, словно там была некая брешь, щель, образовавшаяся в результате работы всех этих механизмов там, внизу.

Натан прижал колени к груди, плотно натянул поверх них куртку и принялся сосать рану, ощупывая языком дыру в своей плоти, которая никак не хотела закрываться. Отцовский кашель был единственным звуком, перекрывавшим грохот валов; хотя лекарство, кажется, действительно дало ему некоторое облегчение – в самом тоне кашля, его глубине и силе было нечто, указывавшее на то, что грудная клетка отца очищается, изгоняя из себя лишнюю мокроту.

Натан следил за течением магии – вниз с вершины холма, через Мордю, через Торговый конец, жители которого слишком хорошо питались и слишком крепко спали, чтобы что-либо почувствовать, вдоль Стеклойной дороги; мимо калитки на границе, запертой, чтобы не пускать трущобы внутрь; мимо домов, выстроенных в трущобах отдельными предпринимателями, конюшен Поставщика, кожевенных мастерских, «Храмов» с их изможденными мадам и неопрятными, надушенными девицами; мимо рыбацких хижин, где ютились переломанные, просоленные, выдубленные солнцем старые моряки и их молчаливые будущие вдовы, – вниз, в те забитые Грязью уголки, где Пэдж вербовал своих подручных, где безнадежные больные лежали на своих сырых постелях, отделенные от мира одной тонкой дощечкой, в ожидании смерти; и все это было окрашено зеленью, просочившейся вместе с этим ручейком силы.

Люди не могли видеть этого лишь потому, что оно было настолько всепроникающим, словно висящий в воздухе запах, который замечаешь только после того, как выходишь за дверь. Вот только здесь было некуда выходить (или, во всяком случае, для вышедших уже не было пути назад).

И за всем этим стоял Господин, для которого все они были лишь сырьем, потребным для какого-то неизъяснимого эксперимента. Его движения были слишком быстрыми, чтобы их заметить, его цели – слишком непостижимыми; и все же ему был нужен этот город, были нужны его жители. Все они существовали вокруг него, так, словно дело обстояло наоборот, словно это он был им нужен – его свет, его разрастающаяся власть, его медленно сочащееся зло.

Натану хотелось ненавидеть его, ненавидеть его волшебство, ненавидеть весь мир; и все же в этом гнилостном свете было что-то... знакомое. Что-то, что бежало и по его собственным жилам, так что Натан знал его очень близко.

Искра.

Искра была в нем, хоть он и отрицал это. Она сладостно дрожала в его костях, хоть он и отвергал ее. Она переполняла его, выжигая унылую сырость мира, высвечивая все уголки, словно молния. Она приносила боль, но она же разрывала все оковы, убирала всю горечь, мертвый груз его отца с матерью, похоть галантерейщика, жестокость Пэджа. Она сжигала его будущее – жизнь, пропитанную морскими брызгами, состоящую в наблюдении за тем, как дерево чернеет и покрывается плесенью. Она превосходила даже мелочные улады и утешения купцов – превосходила настолько, что он с легкостью мог бы спалить все это дотла. Ему не было

нужды заботиться о мелких вещах, о мелких людишках: он мог бы сжечь их всех скопом, если бы сумел вынести боль. Кто посмеет встать на его пути, когда придет Искра?

«Не используй ее».

Натан прикрыл глаза, и на фоне грохочущих волн молчание его отца звучало громче, чем любые другие звуки, – теперь, когда он наконец заснул.

Натан встал и пошел прочь из трущоб.

XXI

Канализация имела выход в трущобы по эту сторону изгороди. Гэм упоминал о нем, и даже набросал карту на листке бумаги, вырванном из книги, прежде чем та отправилась в огонь. Эта труба некогда выводила стоки к Морской стене, но поскольку вместо моря она с таким же успехом могла опорожняться и в трущобы, то, когда она сломалась, никто и не подумал ее чинить. В течение многих лет она изрыгала нечистоты, так что в окружающем ландшафте образовался гладкий, как лишай, полукруг негодной земли; однако пришло время, и поток иссяк. После того как запах выветрился, трущобные жители вновь вернулись на это место; отверстие заслонили лачуги и груды мусора, так что теперь только Гэм и его шайка знали о трубе и интересовались ею.

В темноте Натан прошел туда, где лежало старое, облысевшее одеяло из конского волоса, казалось бы, брошенное наугад среди нанесенных ветром обрывков и шелухи. Натан отодвинул его – одеяло прикрывало отверстие трубы, покрытое коркой веществ неизвестного происхождения. Натан скользнул внутрь.

В трубе было сухо. Эхо доносило откуда-то звук капель, но здесь влаги не было, со стен при прикосновении осыпались пересохшие хлопья. Под ногами чувствовалась плоская, гладкая поверхность. В темноте было невозможно что-либо разглядеть, и Натан был рад этому.

Труба шла вверх с уклоном, но небольшим, чтобы можно было идти без затруднений, поднимаясь по склону холма к Торговому концу. Натан ориентировался на напряжение в мышцах икр: когда труба подошла к развилке, он выбрал направление, продолжавшее подъем.

Чем дальше он шел, тем громче становился звук воды; зловоние отходов, и без того ядовитое и ошеломляющее, усиливалось, пока наконец Натан не вышел к месту, где было течение.

К этому времени его глаза уже привыкли к темноте настолько, что он мог обходиться тем небольшим освещением, какое здесь было. Труба, по которой он шел, в этом месте была заблокирована. Впереди находился затор из веток, перьев и сучьев; но лишь дойдя до конца трубы, он увидел, что удерживало их на месте, вокруг чего они накопились, что препятствовало стокам свободно двигаться, что лежало здесь, погребенное под слоями мерзкой грязи, обрастая ею, как панцирем, в течение многих месяцев.

Это был труп.

Сначала Натан принял его за пучок веток, но внезапно одна из веток оказалась рукой, другая – изгибом колена; и в один тошнотворный момент все встало на места, так что Натан попятился, цепляясь за стенку. Лицо трупа было наполовину залито бурыми стоками, в открытом рту крутились маленькие водовороты, безымянные жидкости омывали пустые глазницы, тонкие прядки волос струились вниз по течению, словно водоросли.

Мертвожизнь держалась от него подальше – возможно, боясь пустоты, которую воплощало собой это зрелище, и Натан также повернулся к нему спиной. Он брел по колена в жиже, пока не добрался до трубы, настолько широкой, что вдоль нее был проложен технический парапет, на который он и вскарабкался.

Гэм показал ему, какие знаки следует искать – стрелки и цифры, нацарапанные возле пересечений и в концах прямых отрезков трубы. Все еще чувствуя на затылке неподвижный взгляд трупа, Натан отыскал выход к штаб-квартире клуба.

Натан закрыл за собой дверь, преграждая путь зловонию и всему остальному, что могло таиться там, позади. Должно быть, прошел уже час или два после полуночи, но здесь, внизу, в помещениях клуба, было так же светло, как и всегда. Натан понимал, что может и не мечтать найти дорогу к библиотеке (тут было слишком много поворотов и тупиков, а также потайных переключателей, которые Гэм держал в секрете), однако он предпочитал быть где угодно, лишь

бы не в трущобах с родителями, только бы не слышать этого кашля, не видеть этих хорошо одетых мужчин, нервно сжимающих руки на пути внутрь, поправляющих галстуки на пути наружу.

Каждый раз, когда ему предоставлялся выбор, он спускался ниже, а обнаружив комнату, где имелаась мебель, уселся в кресло среди бледного каменного света и попытался ни о чем не думать.

Когда вернутся остальные, он их услышит – Гэма уж точно. Он пойдет к ним и убедит их, что ему нужно добыть еще денег на лекарство. Займет у Пэджа, если не будет другого выхода, и купит столько лекарства, сколько нужно, чтобы излечить папу за один раз. Потом, когда папе полегчает, Натан пустится в одиночное плавание – будет добывать себе пропитание по примеру Гэма, найдет какой-то способ управлять Искрой, обзаведется домом вместе с Присси... Или это слишком много? Как бы там ни было, это будет совсем отличаться от того, что есть сейчас.

Он сидел в этой комнате, ощущая пальцами толстый слой пыли на подлокотниках, глядя на свисающие с канделябра полотнища паутины, тонкие, словно старая кружевная шаль, и размышлял о том, как все дошло до такого состояния. Ведь было время – он это знал, хотя и не мог припомнить, – когда в его жизни было счастье. Разве нет? Отец и мать, рука об руку... Разве это не делало яркими его дни? Не согревало его мысли, его сердце? Не приносило неторопливое спокойствие в его мир? Теперь... Он больше не чувствовал ничего подобного. Чувствовал только, что ему этого не хватает.

Он с силой потер глаза, вдавливая их в глазницы так, что зрение залила обжигающая краснота, на мгновение заменив привычную сухость. Крысиный укус въедался в кость.

Было время, когда они смеялись. Наверняка было. Он помнил, что смеялся так, как смеется ребенок, который знает – не надеется, а знает наверняка, – что его смех встретит отклик. Порой он смеялся почти до тошноты. Но что его так веселило? На этом месте в памяти был провал.

Он снова потер глаза, сильнее, так что неизвестно, откуда явился красный сияющий свет – сквозь веки, сквозь ладони, откуда-то изнутри.

И из этого сияния возник образ. Его матери? Женщины. Несомненно женщина. Высокая, сильная, закутанная в шелк, белокожая от постоянного пребывания в помещении, но без какой-либо болезненности. На одной руке она держала младенца. Его?

И она улыбалась.

Он вскинулся в кресле, словно спасался от падения. Издалека слышался какой-то звук. Голос, мужской. То ли что-то спрашивают, то ли зовут...

Натан поднялся на ноги.

Он что, заснул? Здесь, внизу, было невозможно узнать время: все часы остановились столетия назад. Напротив двери, в которую он вошел, была еще одна, широкая и массивная, с большой тусклой бронзовой ручкой. Моргнув, Натан повернул ручку, чувствуя под ладонью холод металла. Когда дверь открылась, голос стал громче.

Говоривший находился слишком далеко, чтобы расслышать отдельные слова, но это несомненно был мужчина, и он несомненно кого-то звал. И это не был Гэм. Пэдж? Может, и Пэдж...

Комнату, куда вела дверь, можно было бы принять за коридор, если бы не низкая деревянная скамья, стоявшая возле стены, и не огромное зеркало напротив. Натан подошел к двери в другом конце, но мысль о Пэдже остановила его, и он, не открывая, приложил ухо к дереву и прислушался.

Голос больше не звучал. Гадая, действительно ли там может быть Пэдж, Натан опустился на одно колено и заглянул в замочную скважину, но ничего не увидел.

Голос послышался снова – на этот раз, пожалуй, еще дальше, чем прежде. Натан повернул дверную ручку и вышел в темное помещение, размерами значительно больше всех предыдущих. Его шаги гулко стучали по каменным плитам, едва различимый свет отражался от поверхности водоема посередине.

Пока Натан стоял, моргая, темнота постепенно становилась зернистой, и из этой зернистости начали проявляться детали: здесь – пятно потемнее, там – посветлее, и наконец, когда его глаза раскрылись полностью, это место обрело форму.

Помещение было шестиугольным, и на каждой стороне располагалась дверь, обрамленная кариатидами. В центре был бассейн, а посередине бассейна вздымалась фигура – дьявол, с козлиной головой и козлиными ногами, но с телом и руками человека. Это была статуя, подсвеченная снизу таким слабым красным светом, что могло показаться, будто это отсвет крови. Затем, в том же свете, Натан заметил возле нее что-то еще.

Человек стоял, погруженный в тень; можно было разглядеть лишь отдельные части его лица – линию нижней челюсти, впадины щек, глазницы. Он был недвижим, словно мраморное изваяние, ни единое шевеление не выдавало даже дыхания. Натан перевел взгляд с его лица вниз, на одежду со странным орнаментом, украшенную серыми лентами и отделанную кружевом, и дальше – к серебряным пряжкам его туфель на высоких массивных каблуках.

Он стоял на поверхности воды, не порождая волн.

Потом человек заговорил.

– Мальчик! – произнес он тем самым голосом, который Натан слышал прежде. Его лицо оставалось неподвижным, но теперь на нем было такое же выражение, какое возникает у слепого, когда тот чувствует, что рядом кто-то есть, хотя и не может его видеть, – встревоженное, просящее.

Натан отступил на шаг назад; у него перехватило дыхание.

– Мальчик, я знаю, что ты здесь.

Натан ощутил спиной дверь – он даже не заметил, что та закрылась за ним, когда он вошел.

– Как тебя назвали, мальчик?

Натан не ответил. Тогда человек двинулся к нему по воздуху, не касаясь стопами ни воды, ни пола. Он вслепую вытянул руку, словно пытаясь схватить Натана.

– Натан! – не выдержав, выкрикнул тот.

Человек остановился и улыбнулся.

– Так же, как и меня. Хорошо.

Он потянулся к Натановой щеке. Тот хотел отстраниться, но за ним была деревянная панель двери. Пальцы человека напряглись, рот приоткрылся, словно в предчувствии поцелуя... Однако кончики пальцев прошли сквозь кожу Натана, и лицо незнакомца поникло. Он убрал руку и принялся разглядывать ее, поворачивая перед собой в воздухе, словно разочаровавшись в ней.

Его начало относить прочь, и хотя он пытался вернуться, цепляясь за воздух, расстояние между ними все увеличивалось.

– Используй ее, Натан! – прокричал он. – Используй ее! Следуй за своими желаниями!

Он повторял это снова и снова, со все возрастающим возбуждением, но в то же время затихая, пока его не унесло за пределы слышимости. Как только он исчез, Натан бросился бежать – обратно, туда, откуда пришел, спотыкаясь и налетая на углы; и пусть ему хотелось вообще убраться из клуба, скоро он окончательно заблудился.

XXII

Натан не мог бы сказать, много ли времени прошло, пока не раздался голос Гэма. Также он не знал, спал он в этот момент или бодрствовал: в этом тусклом освещении и тесных пространствах даже бодрствование казалось сном. Здесь царила атмосфера кошмара – лихорадочная, плотная. Впрочем, хриплые выкрики Гэма прорезали ее в одно мгновение, и Натан тут же вскочил на ноги и бросился к двери. Голос Гэма звучал громко и отчетливо – он описывал, в ритме оживленной танцевальной мелодии, нравственные недостатки некой бедной девицы, – и когда Натан открыл дверь, Гэм при виде него испытал еще большее потрясение, чем он сам.

– Эй, ты что здесь делаешь? Ты ведь не вздумал здесь спать? Это место кишит призраками, ты в курсе?

Натан отступил назад и отвел взгляд.

– Что, в самом деле? И что же ты видел? Девицу, скачущую нагишом по коридору, словно лиса перед сворой? Или кого-нибудь из старичков, который гнался за ней с хлыстом в руке?

– Нет, стариков с хлыстами я не видел. Мой был старый и тощий, похожий на статую.

– Ты уверен, что он тебе не приснился? Здесь, внизу, нет никого, кроме этих мертвых охотников и их мертвой добычи. Как правило.

– Нет, ничего такого не было. Он парил над водой и попытался погладить меня по щеке.

– А, ну это на них похоже. Свора грязных извращенцев, вот они кто. Причем иногда забывают, кто здесь призрак, а кто из плоти и крови. Я все хочу притащить сюда вниз анк-машину (за свой счет!), но Присси и Джо говорят, что это слишком жестоко.

– Гэм, он меня узнал!

Гэм нахмурился:

– Ну, это уже глупости какие-то. Эти парни давно мертвы, они не могут никого знать. Просто бродят тут после наступления ночи, пытаюсь доделать свои дела. Поэтому мы и не спускаемся сюда по ночам – кому хочется перепугаться до потери пульса из-за какого-то привидения, верно?

Натан кивнул, но, скорее, просто для того, чтобы успокоить Гэма, чем соглашаясь с ним.

– Слушай, Натти, если тебе понадобится ночлег, просто найди меня, хорошо? Я обустрою тебя наилучшим образом и ручаюсь, там не будут рыскать никакие бестелесные духи.

– Я не хочу больше ничем быть обязан Пэджу.

Гэм, кажется, хотел что-то возразить, но в конце концов просто кивнул.

– Пожалуй, я тебя понимаю. Но на Пэдже свет клином не сошелся. У меня есть и другие контакты. Ну ладно, судя по твоему виду, тебе не помешало бы сунуть в зубы пару кусков мяса, просто чтобы вспомнить, что значит быть живым! – Гэм показал свои ладони: в каждой лежало по толстому, сочащемуся кровью ломтю, ярко-розовому на фоне его черных от грязи пальцев. – Что ты топчешься? Они сами собой не поджарятся, а я не могу посылать парня на дело с пустым желудком.

– А что, у нас есть дело? Это как раз то, что мне нужно.

– Естественно! Как твой старикан?

– Кажется, немного лучше, но ему надо еще.

– Ну, посмотрим. Может, получится наладить ему регулярные поставки. Поговорим об этом за обедом.

– Я еще не завтракал!

Гэм поглядел на него:

– О чем ты? Солнце сядет через час! Как бы там ни было, сперва нам надо пойти затариться для Присси и Джо.

XXIII

Отверстие трубы выходило в квартале Пакгаузов, позади складского помещения. Гэм показал, где им следует встать. Их окружали здания, выше которых Натану еще не доводилось видеть: черные кирпичные стены и трубы, вместо окошек – узкие прорезы. Над крышами виднелись деревянные подъемные краны, вытаскивавшие из внутренних дворов ящики с товарами. Отовсюду пахло дымом или, если ветер менялся, горелым маслом; воздух был полон быстрого ритмичного пыхтения механизмов.

Перед ними были закрытые деревянные ворота с зубьями наверху. Натан с Гэмом прятались за стопками наваленных друг на друга мешков в шесть футов высотой. Вскоре привезли очередную партию пустых ящиков. Возле ворот кладовщик расплатился с возчиком и отправился за рабочими, чтобы те втащили ящики внутрь.

Когда и возчик, и кладовщик скрылись из вида, ящики на какое-то время остались без присмотра. Гэм подбежал к ним, жестом пригласив Натана последовать его примеру, а затем проделал две вещи: сперва поддел фомкой боковую панель одного из ящиков, так что та слегка отошла, но не отломилась полностью, а затем пометил ее красным кружком при помощи воскового мелка, который достал из кармана. Закончив, Гэм молча передал свои инструменты Натану, показывая, что он должен сделать то же самое с другим ящиком. Тот повиновался, переложив фомку в здоровую руку.

Услышав, что рабочие открывают ворота, оба метнулись обратно в тень за мешками. Рабочие отнесли ящики в помещение на поддонах, по двадцать штук на каждом, и захлопнули за собой ворота склада.

– Ну и в чем был смысл? – спросил Натан, недоуменно глядя на Гэма.

Тот постучал себя по носу кончиком пальца, словно этот жест должен был что-то означать. Оба мальчика ждали, скорчившись, пока у них не заныли колени, однако ничего не менялось – даже самодовольная усмешка на Гэмовом лице. Наконец к воротам подъехала новая подвода, и возчик позвонил в колокол.

– Отлично, – сказал Гэм. – Я был здесь вчера, пометил несколько ящиков. Теперь эти ящики наполнены и готовы к вывозу. Они их не проверяют, потому что уже тыщу лет пользуются услугами одного поставщика и знают, что все должно быть в порядке.

Кладовщик снова вышел и принялся разговаривать с возчиком.

– Кладовщик хочет получить деньги, – пояснил Гэм, – а возчик требует бекон. Теперь они какое-то время будут спорить.

И действительно, те принялись играть свои «роли», выпятив грудь и расправив плечи, по очереди сплевывая на землю рядом с собой. Наконец один вскинул руки вверх, и каждый вернулся в свой угол.

– Конец первой части, – подытожил Гэм и взял свои инструменты. – Пора подбираться поближе.

Он махнул рукой, и Натан последовал за ним – не совсем прочь, но по направлению к стене склада, пригибаясь к земле позади штабелей досок и куч гниющей мертвожизни, выметенной с территории. Возле самых ворот была груда мешков и каких-то ржавых труб, и Гэм с Натаном обосновались за ней, дыша ртом и соблюдая абсолютную тишину.

Кладовщик вернулся, и ворота распахнулись внутрь. Те же самые рабочие, что втаскивали ящики на склад, теперь вытаскивали их обратно. Движением подбородка Гэм обратил внимание Натана на то, что некоторые из ящиков были помечены красными кружками.

– Ну ладно, это половина, – сказал кладовщик, когда рабочие закончили. – Где мои деньги?

Возчик, насупившись, вручил ему кошелек. Кладовщик с сомнением исследовал его содержимое и буркнул:

– Можешь помочь парням догрузить остальное.

Повернувшись, он зашагал обратно к своему посту внутри помещения. Возчик последовал за ним, чтобы помочь рабочим. Гэм воспринял это как сигнал. Они с Натаном шмыгнули к первому из помеченных ящиков и пристроились за ним. Гэм вытащил фомку и вскрыл ящик с такой же легкостью, с какой мог бы раскрыть книгу. Внутри были пакеты, завернутые в восковую бумагу, и Гэм принялся передавать их Натану, вытаскивая по две штуки зараз.

– Прячь за пазуху, – шепотом скомандовал он.

Натан повиновался. Свертки холодили ребра. Гэм взял только несколько штук, затем резиновой киянкой пригнал боковую планку ящика на место и стер красную метку.

Во дворе склада – широком, чистом, окруженном хлевами, где содержались свиньи, – рабочие спорили с возчиком относительно правильного способа транспортировки их драгоценного груза.

– Следующий, – беззвучно произнес Гэм, и Натан, хоть и поглядывал в сторону сулившей безопасность сточной трубы, все же перебежал вместе с ним ко второму из помеченных ящиков.

С этим вышла загвоздка: фомка никак не могла справиться с задачей. То ли в течение дня, пока ящики перегружали, планку загнало на место случайным ударом, то ли какой-то чересчур усердный работник заметил, что она отстаёт, и приколотил обратно; как бы там ни было, она упрямо отказывалась поддаваться. Нахмурился, Гэм взглянул в сторону склада и сильнее налег на рычаг. Как выяснилось, он перестарался – гвозди взвизгнули, дерево затрещало, и возчик, обернувшись, воззрился в их направлении.

Мальчики застыли. Возчик глядел прямо на них.

К их счастью, раскраска трущобного жителя мало чем отличается от раскраски среды его обитания: тускло-серые и тускло-бурые пятна, беспорядочные контуры, смазанные углы. Нет лучшего камуфляжа, чем быть частью окружающего тебя пейзажа. На этом расстоянии возчик, человек пожилой, не смог их разглядеть своими старыми глазами. Когда он снова отвернулся, Гэм вытащил из ящика охапку пакетов, сунул их за пазуху, и мальчишки бросились прочь, через канализацию, обратно к себе в берлогу.

XXIV

Гэм вытер жир со щек и зажег сигару.

– Ешь!

Пламя в камине полыхало зеленым, сигнализируя через трубу с головой дьявола, что они вернулись с добычей. Тяжелой посеребренной вилкой Натан возил свой кусок мяса по тарелке. Мясо было упругим и сочным.

– Воткни вилку, отрежь кусок, сунь в рот и жуи. Что, я должен всему тебя учить?

– Я не голоден.

– Не голоден, рассказывай. Ты же тощий, как пасынок заядлого игрока!

Наклонившись через стол, Гэм отрезал от его куска небольшой кубик мяса, поддел вилкой и покрутил у Натана перед носом.

– Так или иначе, а этот кусок окажется у тебя в глотке. Я же не могу допустить, чтобы ты вырубился посередине представления, верно?

Натан схватил кусок и запихал себе в рот. Жуя, он раздраженно буркнул:

– Хватит уже про мясо; расскажи лучше, что я, по-твоему, должен буду сегодня делать.

– Не по-моему, а по-любому. Ты взломаешь сейф у одного богатея, а потом притащишь сюда в мешке все, что найдешь внутри.

– Нет! Мне нужно раздобыть еще лекарства!

– Не нет, а да. Подумай сам, Натан. Во-первых, это будет большой улов, которого за глаза хватит, чтобы пойти к настоящему фармацевту и скупить у него все лекарства, какие только найдутся. А во-вторых, тебе и самому захочется это сделать, несмотря ни на что.

– Гэм, я не могу тратить на это время. – Натан оттолкнул от себя тарелку. – Моему отцу нужно лекарство, сейчас!

Гэм положил сигару перед собой на краешек стола.

– И откуда, интересно, он его возьмет? У Пэджа больше нет, а все аптеки позакрывались на ночь.

– Но послушай, Гэм...

– Не буду я тебя слушать! Эта шайка – не благотворительное учреждение, Нат. Мы нужны тебе, а ты нужен нам. Нужен мне. Нужен Присси.

Натан шмыгнул носом.

– Какое мне дело до Присси?

– Убедительно, ничего не скажешь! Она идет вместе с нами, и ей нужны деньги. Она очень высоконравственная девушка, твоя Присси, так что, если у нее ничего нет, в смысле денег, это значит, что у нее должен быть *кто-то*, в смысле денег. Если ты понимаешь, что я имею в виду. Ее сестра хочет, чтобы она занялась семейным бизнесом (вычернила себе глаза и пришла в «Храм»), так что у нее нет другого выхода. И у тебя тоже.

– Она может позаботиться о себе.

Гэм снова взял сигару и сделал долгую затяжку, выпустив дым в пространство над Натановой головой.

– Ты уверен? Мы никогда еще не проворачивали такое большое дело, как это. Может, и сейчас не стали бы, если бы это не давало возможности ее выкупить. Сестра у Присси не то чтобы полна любящей доброты, она женщина деловая. Если Присси хочет избавиться от своих обязательств, ей придется выплатить свой заработок вперед, в размере сотни золотых монет. Откуда еще мы добудем такую сумму? Так что ешь поплотнее, сынок. Иначе нам всем может прийти несладко.

– А что насчет Джо?

Гэм закашлялся, так что сигарный дым двумя облачками вырвался из его носа. Он утер глаза рукавом.

– У нас с Джерки Джо вышло небольшое разногласие касательно мистера Пэджа. Сегодня, похоже, их с нами не будет, по причине того факта, что они, разобидевшись, куда-то делись и я не смог их найти. Может быть, они вернуться, когда увидят сигнал. В любом случае тем больше оснований для того, чтобы привлечь к делу тебя.

Натан вздохнул:

– Хорошо. Что конкретно я должен буду делать?

Гэм улыбнулся, переложил сигару из одного уголка рта в другой и отодвинул от себя тарелку. Рисуя пальцем на покрывавшем стол слое пыли, он начертил схему дома.

– Вот это особняк, а правильнее сказать – дворец, на холме, на самом вершине, где Плезанс уже утыкается в Парк. Семейство Делакура – клиенты высочайшей пробы, охрана у всех дверей. К дому не подойти ни с одной стороны: нас засекут сразу же, как только мы покажемся на дороге. Но, понятное дело, мы ни по какой дороге не пойдём: для этого у нас имеется канализация. – Гэм провел волнистую линию, подходящую снизу к основанию дома. – Дальше. Прогулка будет не из самых приятных, так что я стырил для нас кожаные рыбацкие сапоги. Если все сложится удачно, мы вылезем через нужник для прислуги. Оцени иронию: благодаря тому, что они не пускают работников на фарфоровые горшки и тем приходится сажать занозы себе в задницы на общей деревянной скамье, мы сможем преспокойно подняться по большой трубе снизу, поднять крышку – и оп-ля!

– А слуги? Разве они нас не заметят?

Гэм искоса взглянул на него.

– Скажем, что нас наняли. Сегодня у них банкет, а для него нужна дополнительная прислуга. Если это не прокатит, мой ножичек убедит их попридержать языки. Но на самом деле у них не будет времени на всю эту ерунду. Там ожидается дым коромыслом, благородные господа будут танцевать, кушать павлиньи клювы и мышьиные легкие и пить сброженную мочу колибри, или что там им по вкусу, а слуги будут носиться вокруг и все это им обеспечивать. А мы тем временем незаметно проскользнем внутрь, незаметно поднимемся на верхний этаж и незаметно проберемся в апартаменты владельцев. Ты выжжешь замки своей Искрой, я открою сейф своей фомкой, после чего мы выйдем так же, как вошли, унося с собой выкуп за твою девчонку и столько ценностей для обмена на лекарство, на сколько у тебя хватит рук.

– А Присси что будет делать?

– Стоять на стреме. И тащить добычу. А также при необходимости она может устроить сцену, разорвать на себе лифчик, привлечь взгляды, создать суматоху – короче, все то, что ей удастся лучше всего.

Натан потыкал вилкой мясо.

– Ешь давай. Нам скоро выходить.

XXV

Место, где работала сестра Присси («Афанасийский Храм»), располагалось на границе трущоб и Торгового конца: неподалеку от кожевенной мастерской, где Натан продал руконога, но не настолько близко, чтобы вонь из известковых ям отпугивала клиентов. Рядом находилась калитка (одна из тех, что всегда под постоянным присмотром охранников, которых можно дешево подкупить), так что посетители заведения могли одновременно сократить свои расходы и время, требуемое для похода в «Храм».

Гэм бывал здесь неоднократно, исполняя должность посыльного, но Натан видел это место впервые. Под буквами с названием заведения и его девизом *Quincunque Vult* (Гэм утверждал, что это значит «Каждый желающий») в нижних окнах можно было видеть развеселых девиц, не одетых практически ни во что, с вычерненными глазами, потягивающих напитки из высоких бокалов и разговаривающих с мужчинами в цилиндрах. В окнах второго этажа занавески были плотно задернуты.

– Обожди пока, – сказал ему Гэм. – Что бы они там ни говорили, здесь не любят незнакомых людей.

Натан остановился на противоположной стороне дороги, а Гэм стремглав проскочил между лужами со стоячей водой и шмыгнул в дверь.

Девицы в окнах занимались в основном тем, что хихикали, а еще трогали разные детали на груди своих мужчин – носовые платки, пуговицы; временами даже вытаскивали из-за жилета галстук и разглаживали его. Их ноги были тонкими, руки покрыты пупырышками. Через какое-то время то одна, то другая кивала своему мужчине, после чего они вдвоем исчезали в глубине здания. И с такой же частотой из глубины с деловитым видом появлялась другая девушка, вытирая руки и расправляя на себе узкие полоски шелка, служащие ей одеждой, в то время как мужчина, охваченный внезапным желанием поскорее уйти, опустошал свой кошелек возле стойки у выхода.

Мужчины шли двумя сплошными потоками – один внутрь, другой наружу. Все они принадлежали к типу, Натану практически неведомому. Они определенно не походили на тот рабочий люд, среди которого он вырос. Они не были похожи на его отца. Они не были похожи даже на «благородных посетителей» его матери. Зато как две капли походили один на другого: шляпы и форменные сюртуки, аккуратные прически и отдаленно-профессиональная манера держаться. Они входили, имели короткий разговор с женщиной у стойки, затем следовала покупка напитков и представление девушек.

В одном из верхних окон затрепыхалась занавеска, и из-за нее показалась Присси. Она что-то кричала, хотя слов было не слышно; Натан мог только видеть ее гневную гримасу. Кто-то оттащил ее от окна, и там появилась другая девушка, очень похожая на Присси, но более крупная и более сердитая, а потом мелькнул и Гэм с воздетыми кверху ладонями и чрезвычайно убедительным лицом. Присси пыталась пробиться мимо него – кажется, она собиралась наброситься на другую девушку с кулаками, – но Гэм ухватил ее за талию и поднял в воздух, после чего занавеска снова задернулась.

Чувствуя, как в нем набухает Зуд, Натан подбежал к двери, но у него на пути оказались двое мужчин, вышедших с веселым смехом и болтовней, а затем еще один, который пробирался внутрь, опасливо оглядываясь. Безуспешно пытаясь их миновать, Натан вдруг заметил Гэма и Присси, выходящих из боковой двери. Присси была в ярости, а Гэм, насколько можно было понять, извинялся перед ней. Ее щеки были исполосованы черными слезами.

Натан застыл на месте. Он не стал подходить – частично потому, что у этих двоих был серьезный разговор, но также и потому, что он уже видел прежде такие полосы – на щеках своей

матери. Гэм взял ладони Присси и сложил их вместе, но какое бы утешение он ни вкладывал в этот жест, Присси явно отказывалась поддаваться.

Гэм что-то буркнул ей; девушка повернулась и поглядела туда, где Натан стоял вначале. Гэм тоже взглянул в ту сторону. Не увидев его в ожидаемом месте, оба принялись оглядываться. Натан помахал им, и тогда Присси вытерла лицо и почти успокоилась; она даже попыталась улыбнуться, но у нее не очень-то получилось. Она отвернулась, а Гэм подошел к нему.

– Ну как, Нат, все в порядке?

– У меня-то все в порядке, – отозвался Натан. – Что с Присси?

Гэм пожал плечами:

– Понятия не имею. Девчонки, ты же понимаешь. Не беспокойся из-за нее. Если у нас сегодня все получится, ей больше никогда не придется возвращаться в это место.

XXVI

Гэм как ни в чем не бывало побрел через жижу – в своих кожаных штанах, высоко поднимая колени; однако он не принес защитной одежды для Присси, а она не могла заставить себя лезть туда в обычной одежде. Бросив взгляд на Гэмову удаляющуюся спину, девушка тихо зашипела.

Натан смотрел на нее, на линию ее щеки. Она инстинктивно повернулась к нему, привлеченная тем неопишным, нечувствительным трепетом на поверхности кожи, какой люди чувствуют, когда на них пристально смотрят. Ее глаза были стальными и злыми. Гэм обернулся, и они обменялись взглядами; потом она улыбнулась, и ее взгляд смягчился.

– Натан, можно?..

Она подняла перед собой руки, расслабив кисти и склонив голову набок, словно собачонка, выпрашивающая подачку. Натан не сразу понял, чего она хочет, но потом Присси подняла одну ногу и слегка оттопырила нижнюю губу. Она имела в виду, что хочет оседлать его, словно лошадь.

Внезапно у него пересохло во рту.

– Я веду себя ужасно, да? Понимаешь, мои чулки... Я же не могу их испортить!

– Конечно.

Конечно, чулки портить было нельзя. Натан подошел и встал перед ней, повернувшись спиной. Какое-то мгновение ему казалось, что она не хочет к нему прикасаться, но затем девушка обхватила его руками за шею и положила ногу ему на талию. В темноте ее белый чулок так блестел на фоне кожаного сапога, что Натану пришлось сглотнуть.

– Ну же, давай. – Она имела в виду, что он должен взять ее под колено и приподнять, чтобы она могла закинуть на него и вторую ногу.

Натан прижал ее ноги к своим бокам, продел под них руки и сцепил пальцы, невольно охнув: боль от крысиного укуса достреливала уже до локтя, и вес девушки на его руке не облегчал положение.

– Что с тобой? – спросила Присси.

Он покачал головой, упрямо выставил подбородок и медленно вошел в воду.

Сначала Присси сидела прямо, но потом положила голову ему на плечо, так что от ее теплого дыхания по его спине побежали мурашки.

– Ну что, поехали?

Натан кивнул и понес ее над темной, шевелящейся массой. Гэма уже не было видно, но Натан слышал плеск его шагов впереди.

– Берегись! – крикнул им Гэм, не оборачиваясь. – К вам «пльвун»!

Натану не пришлось долго ждать, чтобы выяснить, что это значит. Присси на его спине пошевелилась и сильнее обхватила руками его шею, но Натан почти не обратил внимания, даже когда она плотно прижалась к нему и ее кожа скользнула по его коже.

По черной реке, сквозь тени, плыла какая-то масса. Плот из прутьев? Нет, что-то более плотное, более темное... Непрозрачное. На секунду это можно было принять за охапку дубовых веток, на которую нанесло всякого мусора, но иллюзия быстро рассеялась.

На этот раз это была женщина: абсолютно голая, с раскинутыми в стороны руками и колышущимися вокруг головы, словно нимб, прядками седых волос. Ее тело было в синих пятнах, а белые, лишенные век глаза смотрели прямо вверх; рот был распахнут, как будто ее изумляло то, что она видела на потолке над собой, словно это зрелище заставило ее окаменеть. Выражение ее лица было настолько необычным и жутким, что Натан не сразу сумел отвести от него глаза, а когда сделал это, то моментально пожалел.

В чаше, образованной ее торчащими тазовыми костями, свили себе гнездо крысы. Пять или шесть черных крысенышей возились в углублении, их закрытые глаза выступали бугорками, а возле этих слепых извивающихся тварей возлежала жирная крыса-мать, чье молоко они сосали; ее густая шерсть лоснилась, словно палантин какой-нибудь богачки, а розовый бороздчатый хвост обвивался вокруг выводка, оберегая детенышей от наползающей мертвожизни, угрожавшей их задушить.

Мать повернула голову к Присси и Натану, глядя на них снизу и подергивая усиками, словно собиралась представиться. Впрочем, она так ничего и не сказала, не разразилась речью, как сделала бы какая-нибудь крыса из сказки. Вместо этого она погрузила голову внутрь трупа, на котором сидела, и после некоторой борьбы вернулась, держа в зубах изгрызенную трубочку плоти, извлеченную из живота мертвой женщины.

Натана едва не стошнило. Если бы он съел за завтраком больше мяса, сейчас оно оказалось бы снаружи, однако он уже успел его переварить. Присси крепче вцепилась в него, словно он пытался ее скинуть.

– Эй, там, сзади, что у вас происходит? – крикнул Гэм.

Натан не смог ему ответить.

– Он едва меня не вывалил!

– С какой стати?

Крыса одним глотком расправилась со своей трапезой (ее длинные передние зубы не годились на то, чтобы жевать, – только отрывать куски) и опустила голову за новой порцией.

– Да что с тобой такое? – прошипела Присси. – Смотри, ты так действительно меня уронишь!

– Спроси лучше у него, что со мной такое.

– У него я уже спрашивала.

На этот раз, когда голова крысы вновь показалась на свет, ее добыча отказалась отрываться от места, где была прикреплена. Крыса заметалась, потом встала на дыбы, так что крысеныши повисли на ней, мотаясь, словно козье вымя. Труп женщины качнулся в воде, как покачивается лодка, когда седоки ерзают на скамье. Натан сложился чуть ли не вдвое. Ленты Присси макнулись в жижу, а сама она съехала вперед.

– Эй! Он сейчас меня сбросит!

Гэм прошлепал обратно к ним.

– Ну, из-за чего у вас тут переполох?

– Не знаю! Все было хорошо, а потом приплыла эта дохлая крошка, и его начало плющить.

Гэм понимающе кивнул:

– Нат, в чем твоя проблема? Мы внезапно стали нервными? Слабый желудок? Утонченные чувства? Противно смотреть, я правильно понимаю? Вид смерти оскорбляет твоё зрение, да? Сперва тебя напугал призрак, теперь это... А ты лучше подумай, какой день сегодня был у Присси!

Гэм протянул руки, взял Натана за лицо и подтащил к себе, глядя ему в глаза.

– Или, может быть, ты просто не любишь крыс? Паразитов? Что ж, эту проблему легко решить.

Гэм отпустил Натаново лицо, прошагал к трупу, ухватил его за локоть и колено и перевернул, так что женщина погрузилась лицом в воду. Мертвоживые уклеи (те, что были способны есть) ринулись в предвкушении легкой добычи, и крысе-матери пришлось спасаться вплавь, сражаясь за свою жизнь.

– Ну вот! С глаз долой – из сердца вон. А теперь возьми себя в руки! Ты ведешь себя так, словно трупа никогда не видел. Или крысы. Неужели ты окажешься пустышкой, Натан? Неужели мне придется отозвать твоё членство в шайке? Пойдем, у нас много работы!

XXVII

Верхний конец лестницы качался, словно флейта заклинателя змей, ударяясь и скребя обо что-то, пока не встретил достаточно ровный кусок стены, на который смог опереться.

– Быстрее, Гэм, я сейчас соскользну!

Натан придвинулся вперед, чтобы Присси смогла поставить ноги на первую перекладину над поверхностью воды. Она рванулась прежде, чем он занял удобную позицию, схватилась за что-то в темноте над его головой, вдавила каблук в ямку между его плечом и ключицей... И вот ее больше нет, она пропала где-то наверху, словно он был всего лишь удобной опорой для ее ноги.

– Ты следующий.

– Но как? – Натан смотрел вниз на свои сапоги, скользкие и блестящие от жижи.

Вместо объяснения Гэм взялся за Натановы подтяжки и развел их в стороны.

– Подержи-ка.

Натан повиновался, и тогда Гэм, словно отец своего ребенка, поднял его в воздух. Сапоги секунду постояли сами по себе, потом начали клониться набок, потом течение нашло в них вход, и они скользнули под воду. Гэм поставил Натана на ступеньку лестницы.

– Лезь!

Тот поднял голову, чтобы посмотреть, куда ему предстоит лезть, и увидел белизну чулок Присси. С внутренней части левого бедра змеилась прореха – вверх, в темноту.

Словно услышав его взгляд, Присси зашипела и лягнула его сверху в голову:

– И ты туда же!

– Эй, осторожнее там, наверху! Я эту лестницу долго не продержу.

Натан обратил все свое внимание на перекладину перед носом, старательно удалив из поля зрения все оборки, ленточки, а также потертости и прорехи в нижнем белье Присси. Спустя немного времени над ними засияло нечто похожее на несколько лун со звездами, давая достаточно света, чтобы вокруг проступили контуры камней и заделанных известкой щелей. Затем его макушка натолкнулась на подошву башмака Присси.

– И что теперь? – спросила она вполголоса.

– Там кто-нибудь есть? – прошептал Натан.

– Откуда я знаю?

– Высунься в дыру.

Присси закусила губу и просунула голову сквозь ближайшую «луну».

– Никого.

– Тогда толкай.

Она нажала вверх, и внезапно их залил ослепительный свет, и то, что после темноты показалось сперва чашей небосвода, обрело более конкретные очертания: на месте неба появились стены и потолок общего туалета. Присси не стала медлить, и Натан, внезапно осознав, что наверху могут оказаться люди, которые могут причинить ей вред, последовал ее примеру. Он поспешно вскарабкался вверх; Гэм только что не хватал его за пятки.

Вскоре все трое уже лежали, распластавшись на полу, среди крупных опилок и комков стружки со следами ног, оставивших полосы в разных направлениях. Гэм вернул крышку скамьи на место. Снаружи слышались крики, гроыхание сковородок и отрывистые распоряжения.

– Протрите себя опилками, – скомандовал Гэм. – Отсюда мы пойдем через кухню в подвале и дальше вверх, на первый этаж. Там все заняты подготовкой к празднику, так что никто не обратит внимания на слоняющихся оборванцев. Если кто-нибудь спросит – мы случайные работники, нанятые ради мероприятия. Залезаем в кухонный лифт, поднимаемся в апарта-

менты хозяев, находим кабинет его светлости. Там лежат все его ценности плюс та штука, которую заказал наш клиент.

– Что за штука? – поинтересовалась Присси.

– Не твое дело, что это за штука. Ты лучше думай о своем выкупе. Вы оба можете брать все, что приглянется. Ясно?

Они кивнули.

– Тогда начинаем. Одна нога здесь, другая там; к ночи будем дома. Пара пустяков!

Однако парой пустяков дело не обошлось.

В тот же момент, как они вышли за дверь, их растащили в разные стороны: Гэмом завладел шеф-повар, Присси перехватил сомелье, а Натана – младший повар. В любой кухонной бригаде имеется несколько трущобных оборванцев, которые в глазах остального персонала представляют собой практически пустое место, однако, какими бы они ни были согбенными и непритязательными, дурнопахнущими и отвратительными, на них всегда можно переложить любую грязную работу, требующую выполнения. наших ребят приняли за представителей этой категории, и если от них воняло нужником, то в этом не было ничего столь уж необычного. В любом случае, это место было пропитано тысячей странных и незнакомых запахов готовящихся кушаний и ингредиентов, необходимых для их приготовления, среди которых порой встречаются и потроха или другие малоаппетитные продукты.

Младший повар ухватил Натана за воротник, так что верхняя пуговица врезалась в ложбинку между его ключицами, и протащил по низкому, напоминающему коридор сводчатому кирпичному погребу в другое помещение, такое же тесное и неопрятное.

– Это надо выпотрошить.

На полу перед ним стояла жестяная ванна, в которой была навалена груда покрытых запекшейся кровью куриных тушек. Рядом валялся небольшой ножик.

– Ну, чего ты ждешь? Хочешь, чтобы тебе заплатили? Тогда принимайся за работу!

Натан поднял нож. Это был огрызок, не длиннее его большого пальца, который точили столько раз, что остался лишь железный коготь, торчавший из вытертой деревянной рукоятки. Он переложил «огрызок» в правую руку (ту, которая не болела от крысиного укуса) и стиснул. Несмотря на всю свою гладкость, рукоятка лежала в его ладони совершенно твердо.

Он повернулся, продолжая глядеть вниз, но когда шагнул вперед и поднял глаза, повара перед ним уже не было, а была Присси, сжимавшая в каждой руке по бутылке.

– Кажется, я слышу голос Гэма, – сказала она.

– Пошли! – Натан бросил нож и вернулся в коридор. – Где он?

– Где-то там.

Присси кивнула в сторону дверного проема, за которым мелькали красные сполохи, а воздух струился от жара. Изнутри доносился лязг и грохот металла по металлу, в доверху набитой топке ревело пламя.

Натан осторожно приблизился к двери, вдруг пожалев о том, что не оставил себе нож. Присси подтолкнула его в спину, побуждая двигаться быстрее, так что он разом оказался на пороге – и увидел Гэма. Руки мальчика были обмотаны двумя кусками холстины, он стоял наполовину склонившись, раз за разом ныряя в недра огромной печи. За его работой надзирал жилистый человек с черными волосами, торчавшими из-под высокого белоснежного колпака.

– Глубже! Там сзади еще остались.

– Там слишком горячо!

Человек хохотнул сухим, злым смешком:

– Поверь, тебе придется гораздо горячее, если эти пироги успеют сгореть прежде, чем ты их вынешь.

Натан хлопнул в ладоши, и человек обернулся:

– Что такое?

– Вас зовет шеф-повар.

– Что?

– Босс хочет вас видеть. Там, наверху, какая-то проблема.

Тот кинул напоследок взгляд на Гэма и поспешно вышел, крутя в руках свой колпак.

Гэм выскочил в коридор еще прежде Натана.

– Все, у нас больше нет времени на эту ерунду. Двигайте за мной!

Он припустил вперед, словно отлично знал дорогу: влево, вправо, ни на секунду не задерживаясь. Если кто-то пытался их остановить или что-то сказать, Гэм лишь кивал, кланялся и делал руками жест, из которого собеседник должен был понять, что у них срочное поручение, но они постараются вернуться как можно скорее. Потом они оказались в просторном помещении, где возле одной из стен на временных столах были разложены пустые тарелки, а дети полировали ножи и вилки кусками ткани. В этой стене виднелась дверца, к которой Гэм подтолкнул Натана и Присси.

– Забирайтесь внутрь и сидите смирно, пока я кручу ворот. Потом пришлете мне лифт и поднимете меня к себе.

Присси залезла в отверстие и втиснулась в угол, словно была тряпичной куклой, упакованной в чемодан, с неестественно вывернутыми суставами рук и ног. Натан не сделал движения, чтобы к ней присоединиться.

– Давай, Натан, часики тикают.

Он продолжал стоять.

– Слушай, Натти, нам некогда заниматься глупостями. Мы тут работаем, а не в игрушки играем. Забирайся рядом с ней, или я затолкаю тебя насильно. Ты меня понял?

Наконец Натан повиновался. Он забрался в лифт задом – Присси зашипела, когда подошвы его башмаков проехали по ее лодыжкам, но Гэм уже упихивал их плотнее, словно укладывая саквояж; затем дверца закрылась и вокруг стало темно и тихо. Несколько мгновений Натан чувствовал только дыхание Присси на своей щеке и сладкий, терпкий, камфорный запах ее платья. В темноте они словно бы остались одни во всем мире, и когда лифт начал двигаться, это было, как если бы они плыли в пустоте: лишь ее аромат и давление ее тела на его спину сохраняли какое-то значение.

– Когда ты в последний раз мылся? – шепотом спросила она. – От тебя воняет!

– В трубе перепачкался.

– Все равно ты грязнуля! Постарайся хотя бы не запачкать мое хорошее платье.

Натан мог бы сказать, что он такой грязный только потому, что изо всех сил старался сберечь ее чистоту, но промолчал.

Вздвигнув, лифт остановился.

– Ну, давай открывай эту чертову дверцу! Хочешь, чтобы мы здесь задохнулись?

Помещение снаружи оказалось таким восхитительным, что на мгновение Натан даже забыл о Присси. Стены были разрисованы изображениями мужчин и женщин, абсолютно голых, бродящих по лесам среди золота и зелени. Солнечный свет лился на них потоками, словно мед. Мебель была не менее красива, словно для нее взяли самые сухие деревья из этих нежащихся под солнцем лесов. Между сегментами кресел была натянута ткань из белоснежного хлопка с золотой и серебряной вышивкой – нити сплетались в такие замысловатые узоры, что Натан не мог взять в толк, как это сделано. Даже пол был великолепен: отдельные доски нельзя было разглядеть, а все вместе это выглядело как ваза с цветами, настолько похожими на настоящие, что Натану с трудом удалось себя убедить, что поверхность плоская. Выбравшись из лифта, он пошел вдоль края, пробуя рисунок носком ноги.

Присси схватила его за руку:

– У нас нет времени. Быстрее отправляй его вниз!

Она с силой толкнула Натана в спину, вынудив шагнуть к лифту, где с блока свисала лента подъемного устройства. Он опустил лифт обратно, и прежде чем лента успела ослабнуть, ее вырвало из его руки, и снизу донесся хриплый крик Гэма:

– Поднимай!

Он был слишком тяжелым для Натана. Тот пытался тащить, но лента подавалась лишь по дюйму за раз. Укушенная рука ослабла от боли, а вторая в одиночку не справлялась с задачей.

– Давай, Нат, соберись с силами! – Присси подошла сзади и тоже ухватила за ленту. – Да что с тобой такое? Ты будто хочешь, чтобы нас поймали! Если это дело не выгорит, завтра я снова буду в «Храме», ты хоть понимаешь это?

Натан понимал. Он поплевал на ладони, и они вместе принялись тянуть. Наконец Гэм появился в отверстии, и его взгляд сразу же устремился куда-то мимо них.

В дверном проеме стояла женщина, выглядевшая еще менее вещественной, чем надетое на ней платье: его ткань состояла из сплошных оборок, рюшей и воланов, в то время как сама она казалась сделанной из папиросной бумаги. Ее светло-серые глаза были настолько бесцветными, что едва выделялись на фоне бледной кожи, а руки были тонкими, как щепки. Она стояла, прижав ладони ко рту.

Гэм выбрался из лифта.

Натан подумал, не схватить ли ее, но если это сделать, она наверняка сломается, сомнется, порвется. Поэтому он всего лишь поклонился женщине, низко и почтительно, как и подобает слуге. Та отступила назад, опуская руки, и когда Натан снова выпрямился, так и не сказав ни слова, она кивнула им и удалилась, словно он предоставил ей исчерпывающее объяснение происходящего.

– Наверх, скорее!

Они бросились следом за Гэмом, оказавшись в большом зале.

Их были здесь сотни – хрупкие, болезненные, эфемерные, похожие на призраков женщины и державшиеся рядом с ними, словно их попарно сковали цепями, мужчины – более плотные, не столь воздушные, но обладающие той же надмирной формальной изысканностью, ставившей Натана в такой тупик. Все их линии были ровными, как у статуй, нигде не свисало никаких обтрепанных концов, не виднелось никаких торчащих углов – сплошные прямые линии и абсолютное совершенство форм. То же относилось к их одежде, которая нигде не топорщилась и не была порвана. Среди них Натан ощущал себя подозрительной личностью, каким-то грубым типом, обезьяной, выпущенной в комнату, полную бабочек. Впрочем, они глядели только друг на друга, так что ему не было нужды беспокоиться.

Он лавировал между ними, кланяясь и уворачиваясь, пока вслед за Гэмом не оказался у подножия какой-то лестницы, таща за руку Присси. Вскоре они уже стояли на промежуточной площадке, возле ног обнаженной женщины с кувшином. Изваяние было настолько гладким и искусно сработанным, что лишь благодаря огромному размеру Натан не принял его за реальную женщину.

Вправо и влево уходили два ряда ступеней.

– Куда теперь?

Гэм толкнул его влево.

– Пэдж говорил, что это там, наверху, в конце коридора.

Наверху обстановка была попроще – незамысловатые украшения из яшмы, слоновой кости и сапфиров; впрочем, одних золотых и платиновых дверных ручек хватило бы на целое состояние.

Гэм завоzilся возле двери в конце коридора, и Натан на мгновение подумал, что, возможно, он решил удовлетвориться кражей дверной ручки, но затем тот приотворил дверь и просунул нос в щелку.

– Давай! – скомандовал он.

Присси осталась стоять снаружи, на стреме, а Натан вошел в комнату вслед за Гэмом. Перед ними находился железный ящик, наглухо заклепанный и скрепленный болтами, с четырьмя замочными скважинами посередине, расположенными ромбом.

– Ну, чего ты ждешь? – спросил Гэм.

Натан поглядел на ящик.

– А что я должен делать?

– Что ты должен... Написать ему любовное стихотворение, зюзя! Открыть его – вот что ты должен сделать!

– Каким образом?

– Мне-то откуда знать? Расплавить, выжечь – все, что хочешь. Ты здесь чертов фокусник, а не я!

Натан принялся возражать, но Гэм поднял кулак:

– Знаешь, что сделает сестра Присси, если мы не вернемся обратно с деньгами? Она заставит твою Присси работать до тех пор, пока та не будет выжатой, как полотенце, и вдвое мокрее. Ей придется работать на износ! Ты этого хочешь?

Натан покачал головой. Он поискал внутри себя Зуд, но там ничего не было – нечего раздувать. Его внутренности казались онемевшими.

Гэм улыбнулся:

– Постой-ка.

Он вернулся прежде, чем Натан успел еще раз заглянуть в себя. Он привел с собой Присси, держа ее за руку.

– Погляди на нее.

– Брось, Гэм! – Присси выдернула руку, но Гэм снова схватил ее.

– Погляди на нее!

Натан поглядел. Гэм провел девушку вперед, так что она оказалась над ним, теперь она возвышалась. И тогда в глубине живота он почувствовал это. Гэм подталкивал ее ближе, еще ближе. Она была невероятно прекрасна.

– Ты ведь знаешь, что ей светит, да? Та же работа, что у твоей матери.

Присси была уже на расстоянии руки, когда Гэм дернул ее назад.

– Ты этого хочешь?

Натан почувствовал, как Искра рванулась из него неудержимым потоком. Он отвернулся от Присси, чтобы не опалить ее восхитительную кожу, и перед ним оказался сейф.

В воздухе есть крошечные, невидимые для глаза существа, питающиеся пылинками, и Искра, которой было больше некуда войти, вошла в них, изменив то небольшое, что можно было изменить, а затем выплавив их в совершенные формы – свободные вместилища энергии; не призраки, но нечто лучшее. Они заскользили по поверхности металла, словно вспугнутые чешуйницы, с которых сняли покрывало, в совершенстве очерчивая контуры сейфа, ныряя в раковины в металле и вновь выныривая из них, досконально исследуя филигранные украшения на углах. Чем больше Натан чувствовал тепло Присси позади себя, тем больше таких чешуйниц плодилось из его Искры, так что в конечном счете уже нельзя было найти места, где бы они не кишели.

Натан расслабился. Теперь в костях его рук было тянущее ощущение, словно они крепились на веревочках, а крысиный укус горел так, что хотелось плакать, зато он одним желанием мог изменять путь Искр, направляя их в замочные скважины. Стоило одной или двум оказаться там, как внезапно весь сонм последовал за ними, и Натану пришлось хорошенько сосредоточиться, чтобы их контролировать. Он чувствовал то же, что и они, словно они были продолжением его нервов. Крошечные искорки разыскали в замках запирающие устройства и наполнили их жизнью, жадной обрести себя. Замки с охотой повиновались, видоизменяясь

в живые существа, развивая у себя мозг, выстраивая нужные детали в нужном порядке... А затем одним рывком (это оказалось легче, чем моргнуть) Натан прекратил подачу энергии.

Прежде, с калиткой, замок сразу же после этого развалился на составляющие части, словно от разочарования или отчаяния, но сейф, напротив, замерцал и задвинулся, расплавился и задышал. Как будто почувствовав Натана, он двинулся вперед, потянулся к нему, словно к своей матери.

Натан повернулся к Гэму и Присси: они в изумлении наблюдали за происходящим, купаясь в свете Искр.

– Что это было?

Он снова поглядел на сейф. Так же внезапно, как обрел жизнь, тот вдруг лишился ее; его тело осело на пол, дверца безжизненно распахнулась. Натан схватил себя за руку и принялся растирать: казалось, невидимые зубы вцепились в нее изнутри, грызя тысячей хищных пастей.

– Что бы это ни было, – проговорил Гэм, не замечая ничего, кроме сейфа, – сейф он открыл.

Внутри обнаружилась куча вещей, явно имевших сентиментальную ценность: кольца и броши, перевязанные ленточками письма, миниатюрные портреты детей и собак. Кое-что из этого могло показаться желанным любому человеку: рубины и слитки, стеклянные и хрустальные украшения, часы... Игнорируя все это, Гэм схватил сверток бурого, ломкого пергамента, наполовину завернутый в шелковый платок, и повернулся к выходу.

Натан с Присси не двигались, застыв, словно нищие перед праздничным столом.

– Пошли, чего вы ждете?

– Разве мы не собирались что-нибудь стырить? Я думала, мы собираемся что-нибудь стырить. Мне нужна сотня золотом!

Гэм открыл рот, чтобы что-то сказать, потом замолчал. Наконец он произнес:

– Верно... верно. Натти, прихвати что-нибудь из драгоценностей. Присси, а ты бери вон тот подсвечник.

С видом облегчения от того, что надлежащий порядок вещей восстановлен, девушка запихала подсвечник себе в корсет. Он высовывался на пару дюймов. Присси поглядела на Гэма, но тот никак это не прокомментировал. Натан продолжал стоять, не двигаясь. Место укуса, ладонь, запястье и вся рука до плеча казались гнилыми.

– Ты, конечно, делай как знаешь, – сказал ему Гэм, – но если тебе внезапно не нужны деньги, другим-то они по-прежнему надобны. Так что лучше все же возьми, сколько сможешь унести.

Присси подошла и сунула ему под рубашку слиток, какие-то рубины.

– Давай бери, хуже не будет. Видишь, я тоже взяла.

Здоровой рукой Натан дотронулся до сейфа: холодная, твердая поверхность, какой и полагается быть металлической коробке.

– Ну ладно, выбираемся через черный ход. Натан, иди ты первым.

Натан вышел в коридор. Его рука зудела от Искры, слюна имела привкус ржавчины, весь мир по сравнению с этим казался блеклым. Он уже не замечал таких подробностей, как по дороге наверх, и, кажется, больше не заботился о том, что его поймают. Он даже перестал кланяться.

У подножия лестницы Гэм обогнал его. Он вел Присси перед собой, завернув ей руку за спину. Натан пошел за ними, не слишком размышляя о происходящем; однако Гэм не направился к заднему выходу – вместо этого, оглянувшись, чтобы убедиться, что Натан по-прежнему идет следом, он провел Присси к распахнутым двойным дверям, за которыми открывалась бальная зала. Двери были огромными, с орнаментами и золотым литьем в виде дельфинов и русалок, плещущихся в прибое. За ними лежало обширное пространство, где был в разгаре бальный танец: наверное, около сотни гостей, одетых так же, как те женщины наверху

(не люди, а хрупкие, усыпанные украшениями деликатесы, полупрозрачные и изысканные), одновременно исполняли ритуальные фигуры и жесты под музыку камерного оркестра. Присси заупрямилась, но Гэм заставил ее переступить через порог и протащил на середину танцевальной залы.

Он отступил на шаг назад, взглянул на Натана.

И улыбнулся.

– Воровка! – внезапно заорал он и толкнул девушку на пол.

Подсвечник выпал у нее из-под платья и задрбезжал по полированному паркету. Танцующие разом остановились, словно парализованные. Гэм подмигнул Натану. «Давай, спасай ее», – одними губами проговорил он. Его язык влажно блеснул в свете канделябров.

Присси валялась среди леса чужих ног. Она поискала взглядом Гэма, но тот поспешил спрятаться, потом Натана, чей рост не позволял его увидеть за рядами аристократов. Она издала странный тихий писк, словно мыш, угодившая в мышеловку. Как раз в этот момент оркестр заглушил струны, и в образовавшемся вакууме этот звук разнесся по всему помещению.

Гэм жестами подбадривал Натана, побуждая выступить вперед. Тот сделал нерешительный шаг, но его рука была охвачена мучительной болью, угрожавшей вторгнуться в плечо и спину и затем распространиться вниз по позвоночнику. В любом случае он не чувствовал никакого Зуда: разрядка произошла совсем недавно.

С возвышения, занимавшего дальнюю треть залы, прогремел чей-то голос:

– Что здесь происходит?

Голос был гулким и вибрирующим, словно басовая струна виолончели. Вслед за ним спустился и его владелец. Его глаза и нос закрывала золотая маска, опиравшаяся краем на верхнюю губу. Рот окаймляли клыки, острые концы которых оставляли вмятины на коже подбородка. С каждым его шагом маска слегка двигалась вверх и вниз.

В этом человеке было что-то знакомое – не столько широкая львиная переносица, сколько что-то в глазах, в том, как он глядел, в ясности сосредоточенного взгляда, который Натан уже видел прежде.

Он подошел к Присси и склонился над ней; маска сильнее врезалась в его кожу, когда он согнул шею, разглядывая девушку. Приблизив к ней лицо на расстояние нескольких дюймов, он заговорил снова:

– Чей это ребенок?

Присси откашлялась.

– Ох, боже мой... Помогите... О как я несчастна... – начала она, привычно входя в роль «Ложной Девицы», однако ни Гэм, ни Натан не пришли ей на помощь, даже когда она жестом позвала их.

Человек в маске приложил к губам палец, затем второй. Гэм подобрался к Натану сзади и подтолкнул его:

– Ну, чего ты ждешь? Давай жги его Искрой!

– Никто не готов признать ее своей? – позвал человек.

По толпе пробежал сдержанный шепот, но никто не ответил. Натан повернулся к Гэму, однако тот развернул его обратно и сильно пихнул в спину. Натан шатнулся вперед, толпа перед ним расступилась, и он распластался на полу.

– А это что? Еще один ничейный ребенок? Откуда эти сокровища берутся, хотелось бы знать? Поднимите его!

Повинуясь приказу, из толпы появились два лакея в мундирах и схватили мальчика под руки. Стоило им прикоснуться к нему, как укус болезненно запульсировал. Натана потащили вверх, и нервы завибрировали у него под кожей, а во рту появился металлический привкус. Он заскрипел зубами. Ему запрокинули голову, убрал с лица волосы и развернул к львиноликому,

и тут у него возникло чувство, что сейчас он начнет искрить вопреки всему – сильнее, чем прежде, сильнее, чем когда-либо, не давая себе пощады, просто от этой невыносимой боли.

Увидев лицо Натана, львиноликий вздрогнул и отступил на шаг назад, едва не споткнувшись.

– Ты! – выговорил он.

Он приподнял маску, как бы проверяя, что не ошибся, и первым, что увидел Натан – прежде серо-стальных глаз, прежде всего остального, – было желтовато-коричневое родимое пятно в форме капли. Затем маска вернулась на место.

Когда человек (тот самый, один из посетителей его матери, который заплатил вперед) заговорил снова, казалось, будто у него пересохло во рту: слова как бы застревали, спотыкаясь об язык.

– Ну хорошо... – произнес он.

Натан вспомнил, что сказала ему мать об этом человеке. Может быть, сегодня как раз тот день, когда Натану понадобится его помощь?

Львиноликий выпрямился и театрально выпятил грудь – напоказ, словно обращаясь к дешевым местам на галерке.

– Что за печальное и жалкое зрелище я вижу перед собой! – воскликнул он, обращаясь к собравшимся гостям звучным, но в то же время каким-то фальшивым голосом. – Этот мальчик должен знать, что для ребенка из трущоб является преступлением забираться в город так высоко. Не говоря уже о том, чтобы вторгаться сюда, в наше прекрасное убежище, и портить его своим видом!

Его аудитория зачарованно внимала, захваченная представлением. Натан ничего не мог понять, однако они слушали человека в маске с такой сосредоточенностью, словно тоже принимали участие в пьесе – играли роли людей, невероятно впечатленных его риторическим искусством.

– Кто-нибудь другой выпорол бы его за такое, – продолжал человек. – Но хотя он, очевидно, занимает самое низкое положение, я не стану в свою очередь унижаться, марая об него руки. И не велю это сделать кому-либо из слуг, что было бы ничуть не лучше. Нет! Я поступлю иначе.

Он повернулся к Натану:

– Вот. Возьми это и уходи.

Между большим и указательным пальцами его правой руки была зажата золотая монета. Он не снизошел до того, чтобы наклониться к Натану или как-либо опуститься до его уровня.

Гости ахнули, встретив его поступок явными знаками одобрения. Кое-кто даже захлопал, что привлекло к ним взгляд львиноликого, заставив тех хлопать еще громче, а компаньонов возбужденно схватить их за руки.

Натан четко различал форму его родимого пятна, контраст между его желтовато-коричневым цветом и белизной кожи вокруг. Теперь он уже мог Почесать: Зудахватило бы на всех. Зуд жег изнутри его руку, горел позади глаз – в том месте, где он смотрел, как его мать берет серебряную монету и как потом ее кожа выглядывает из-под засаленного одеяла. Зуд достиг такого накала, что уже напоминал визг гвоздя, вытаскиваемого из покоробившейся дубовой доски.

Вскоре они все уже хлопали – подданные львиноголового посетителя его матери; очевидно, каждый из них понимал, что может снискать милость своего повелителя, если выкажет достаточно одобрения его жесту. Он поклонился, возвращая любезность, а затем наклонился вперед, так, чтобы Натан мог дотянуться до монеты.

Мать сказала, что этот человек может ему понадобиться... Искра жгла так, словно кости его руки раскальвались изнутри, пропарывая осколками вены, пронзая мягкие ткани, однако Натан не дал ей воли.

Гэм подошел сзади, взял монету и сунул ее в карман, после чего оттащил Натана и Присси в сторону.

– Ладно, нам пора сматываться. Уходим медленно и спокойно.

Толпа расступалась перед ними за двадцать футов, оставляя для них проход и продолжая рукоплескать. Дети вышли через те же двери с золотыми русалками, в которые вошли, и аплодисменты стихли за их спинами. Двое лакеев прикрыли створки изнутри, и в тот же момент, как те захлопнулись, несколько человек из обслуживающего персонала, собравшихся поглазеть на шумиху и с первого взгляда распознавших в детях трущобных оборванцев, грубо вытолкали их через парадный вход и отогнали подальше от дворца.

XXVIII

– Это был почти провал! Тысяча чертей, Гэм, о чем ты только думал? Из-за тебя нас всех могли убить!

Гэм продолжил чистить ногти острием ножа.

– Это не важно. Скажи лучше, как твой бойфренд сумел это повернуть?

Он откинулся на спинку кресла, положив ноги на стопку книг возле камина, с таким видом, будто ничего особенного не произошло.

– Он не мой бойфренд! И что он такого повернул? – Присси расхаживала перед ним взад и вперед, хмурясь и выкручивая руки.

– Вытащил нас оттуда, кобыла ты глупая! Только что нам светила тюрюга, и мы могли рассчитывать только на Натановы таланты, которые он не торопился проявлять, как вдруг в следующий момент мы оказываемся объектами благотворительности какого-то хлыща! – Гэм вытащил из кучи книгу в добрых шесть дюймов толщиной и швырнул ее в угасающий огонь. Она упала на корешок и раскрылась, так что страницы моментально почернели и съжились, объятые пламенем. – Я бы сказал, выглядит немного подозрительно.

Натан стиснул кулак.

– Не пытайся выкрутиться. Что за игру ты там затеял?

– Ничего особенного, – самодовольно усмехнулся Гэм. – Просто решил проверить, насколько велики твои способности. Как выясняется, не так уж чтобы очень.

Здесь, внизу, в берлоге, в тесноте и сырости, вдалеке от остального мира, слова Гэма казались более реальными, чем оставшиеся у них воспоминания о событии, уже понемногу угасавшие, какими бы неприятными они ни были.

– Если я беру человека на работу, я должен знать пределы его возможностей, верно? – Гэм потыкал в очаг ножкой стула, поправляя топливо. – И в любом случае, Натан, ты сегодня вечером вел себя так неадекватно, что нас могли тысячу раз зацапать. Я бы сказал, это ты должен перед нами сейчас объясняться, нет?

Натан вскинулся, но, прежде чем успел заговорить он, снова встряла Присси:

– Вам-то, парням, горя мало, а вот я как должна была выкручиваться? Для работы с ножом у меня слабые запястья, ты это всегда говорил, Гэм, а ведь их там были сотни! По твоей милости я оказалась в самом пекле! У тебя на меня зуб или что?

Гэм отмахнулся от нее:

– Никто ничего против тебя не имеет, успокойся! Я бы сказал, наоборот.

Присси повернулась к нему спиной и воздела руки к небесам:

– Пошлите мне сил!

– Эй, что это тут у вас такое? Вы так орете, что слышно еще в трубе!

Это были Джерки Джо. Они стояли в дверном проеме между книжными полками, в куртке и с намотанным шарфом, еще более взъерошенные, чем обычно.

– Ладно, некогда объясняться. Пэдж прислал вызов. Он ждет нас на своем Мушином дворе. Прямо сейчас.

Натан повернулся к нему спиной.

– Я иду домой. С меня хватит.

– Хватит? Ты всего-то сделал пару работ и с теми умудрился накосячить!

– Говори что хочешь, Гэм; то, что ты сделал, было неправильно. Я не знаю, почему ты это сделал, но, как бы там ни было, я ухожу.

– Постой-постой, как же без тебя? – заволновались Джо. – Тебя Пэдж хочет видеть больше всех!

– Ну и скажите ему, пускай сам ко мне приходит.

– Нет, Натан, так нельзя!

Джо загораживали ему выход. Они были довольно щуплыми и к тому же не собирались физически препятствовать Натану, просто хотели, чтобы тот их выслушал. На их лице мелькали то страх, то мольба, и в обоих случаях было видно, что они вот-вот разразятся слезами.

– Прости, Присси, тебе это не понравится, но он сказал нам, что, если Натан не придет, он будет разбираться с тобой. Возьмет с тебя то, что причитается с Натана, если у тебя хватит. Он сказал, даже если им не удастся получить с тебя полностью, хоть сколько-нибудь они с его людьми из тебя выжмут, прежде чем ты закончишься. Он особенно подчеркнул, чтобы мы это передали.

Натан продолжал двигаться вперед, отодвинув Джо плечом, словно ничего не слышал или словно услышанное его не заботило. Его рука легла на ручку двери, и у Присси вырвался негромкий вскрик.

С глубоким вздохом Натан повернулся.

– Не дрейфь, – сказал ему Гэм, – наверняка это просто деловой разговор. Ничего особо серьезного. Давай, Нат, соглашайся.

В городе только занимался рассвет. Внизу, за трущобами, сияла верхушка Морской стены, линия которой прерывалась силуэтами обрушивающихся валов и размывалась туманом. Улицы были по большей части пусты. Здесь и там попадались угрюмые тряпичники в поисках оброненных носовых платков, чтобы продать их обратно портным за четверть цены, да трущобные оборванцы, на которых была возложена задача следить за чистотой тротуара перед той или иной лавкой, но в целом население города все еще было в постелях. В отдалении возвышался Особняк.

Гэм, не покоренный и не раскаивающийся, шагал посередине улицы, хлопая по булыжнику отстающими подошвами ботинок, со вздернутой головой и расправленными плечами, словно здесь все принадлежало ему; и хотя его спутники не могли взять в толк, что он затевает, они все равно шли за ним следом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.